

ФИЛОСОФИЯ

УДК 159.9.01

ФУНКЦИЯ СМЕРТИ В БЕССОЗНАТЕЛЬНОМ: Ж. ЛАКАН О ТЕОРИИ З. ФРЕЙДА

П.Ю. Алексеев

Саратовский государственный технический университет
E-mail: bjum@mail.ru

В статье рассмотрена функция смерти в бессознательном на основе сравнительного анализа теорий З. Фрейда и Ж. Лакана. В данном контексте смерть рассматривается как множественная и повторяющаяся, включенная в символический порядок обмена означающими. Сделан вывод о том, что способ, каким субъект обретает свою смерть, полностью определен тем порядком означающих, в котором функция смерти присутствует как один из модусов отношений субъекта к Другому.

Ключевые слова: субъект, бессознательное, влечение смерти, Другой, Реальное, означающее, желание, фантазм, Лакан, Фрейд.

Function of Death in the Unconscious: J. Lacan's Interpretation of the Theory of Z. Freud

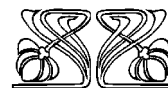
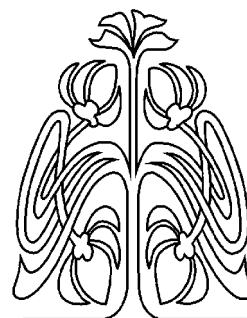
P.Yu. Alekseev

In this article the function of death in the Unconscious on the basis of the comparative analysis of theories of Z. Freud and J. Lacan is considered. In this context the death is considered as plural and repeating, included in a symbolical order of an exchange by the signifiers. The conclusion is drawn that a way what the subject finds the death completely is certain by that order of the signifiers at which death function is present as one of ways of relations of the subject to the Other.

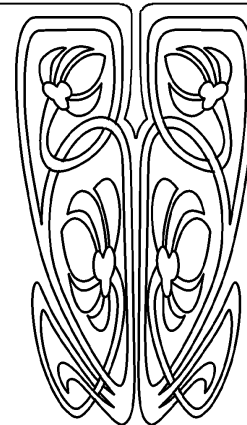
Key words: subject, unconscious, death drive, Other, Real, signifier, desire, phantasm, Lacan, Freud.

С самого начала перед психоанализом стояло два основных вопроса: «чего?» желает человек и «откуда?» он желает. Представление Ж. Лакана о «зияющем» субъекте придает этим вопросам совершенно новое онтологическое измерение. Выражаясь в терминах традиционной телеологии, причина, субъект, объект и цель совпадают, не обнаруживая при всем этом никакого единства. Можно сказать, что то, чего желает человек, то, к чему ведет бесконечный поиск наслаждения, есть не восполнение изначальной нехватки, не заполнение этого «зияния», а то, что можно назвать повторением собственной смерти. Подобная специфичность «влечения к смерти» позволяет говорить о «множественности» смерти. Ж. Лакан на примере творчества де Сада говорит о двух типах смертей: «первой» и «второй», «символизированной» и «абсолютной». И хотя лакановская интерпретация функции смерти вовсе не противоречит классической теории З. Фрейда с ее дуализмом влечений, тем не менее у Ж. Лакана функция смерти уже не нуждается в оппозиции функции наслаждения. Более того – наслаждение «от жизни» становится вторичным по отношению к наслаждению «от смерти». Смерть становится возможна только как желаемая.

З. Фрейд в работе «По ту сторону принципа удовольствия» придает смерти атрибутивное значение внутреннего побуждения, исходящего изначальным образом из психики, которое, в свою очередь, пробуждается внешними стимулами. Согласно З. Фрейду, все жи-

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

вые организмы умирают в силу внутренних причин, т.е. смерть осуществляется путем прекращения активности, имеющей внутренний источник, смерть больше не осуществляется внешними силами, скорее она активируется внутренними мотивами. Под давлением раздражающих внешних сил влечение становится стремлением или импульсом восстановить себя, его мотивом является возвращение в прежнее недифференцированное состояние как выражение инерции, присущей органической жизни¹. При этом субъект обладает определенной свободой идти к смерти своим собственным путем и собственноручно осуществить свой конец. Этот конец, по сути, является возвращением к началу, возвращением назад, рекапитуляцией к изначальной неорганической безмятежности. Именно поэтому З. Фрейд полагает, что бессознательные силы, проявляющие себя в повторении, в конечном счете, находятся на службе у саморазрушения, понимаемого здесь как желание вернуться в свое оригинальное недифференцированное состояние. Но поскольку толчок к смерти проистекает изнутри, имеется много вариантов, которые может использовать его для завершения работы смерти самыми разнообразными окружными и обходными путями, представляющими собой разнообразные феномены жизни. Несмотря на то, что конечной причиной и конечной целью влечения является смерть, ее отсрочка с помощью осуществления частичных влечений приносит наслаждение. Именно поэтому влечение к смерти лежит «по ту сторону принципа удовольствия»: оно не только предшествует влечению к сохранению жизни, но директивно управляет им как высшая организующая сила. Таким образом влечение к жизни умудряется поставить силу смерти на службу собственным изменчивым эволюционным целям. Само влечение к жизни выступает лишь как необходимое дополнение к первичному влечению к смерти. Система хронификации жизни, побуждающая каждый живой организм к определенному способу хронического снижения напряжения, не есть самостоятельная сила или самостоятельное влечение. Она не направлена против влече-

ния к смерти как одно влечение против другого или как одна сила против другой². Система хронификации жизни тормозит и оказывает сопротивление физиологическим и психическим процессам, которые стремятся максимально быстро достигнуть состояния разрядки не в силу своей динамической, а в силу своей структурной организации.

Влечения к жизни служат организующим началом для «влечений смерти» – такова их основная функция и назначение. З. Фрейд в своих рассуждениях приходит к выводу: смерть на самом деле состоит на службе у принципа удовольствия. В соответствии с законами психической экономии принцип удовольствия представляет собой тенденцию либо полностью освободить психику от возбуждения, либо, как минимум, уменьшить стимуляцию до терпимого постоянного уровня. Следовательно, окончательным условием удовольствия будет состояние, свободное от напряжения, потому что прекращение напряжения означало бы при этом и выполнение и завершение задачи. В этой безличной телеологии бессознательного нет ничего приятнее и желаннее смерти и небытия. Ведь смерть – это состояние, лишенное напряжения, это абсолютный мир. Бессознательное стремится к смерти, а сознание способно выбирать свой собственный путь к саморазрушению. Только данное условие определенной свободы психики в выборе пути достижения своего конца включает смерть в динамический процесс жизни, одновременно содержащий волю к саморазрушению и ограничивающий ее. Так, по мнению Ю. Вагина, у живого организма существует лишь одно влечение – влечение к смерти, стремление избавиться от напряжения, достичь разрядки. Но система хронификации жизни не позволяет организму реализовать это влечение максимально быстро, путем «короткого замыкания», заставляя каждый организм двигаться к смерти своим путем³.

Если у З. Фрейда оппозиция «влечение к жизни – влечение к смерти» еще довольно четко просматривается, то Ж. Лакан даже и не пытается поддерживать эту оппозицию. Для него всякое влечение одновременно – и

сексуальное, и влечение смерти. Кроме того, Ж. Лакан настаивает на частичном характере любого влечения. В теории З. Фрейда частичные влечения в эдипов период собираются под эгидой генитальности в некое целое, и гениталии центрируют сексуальный интерес ребенка. Ж. Лакан в отличие от З. Фрейда настаивает на том, что влечения всегда сохраняют свою частичность и никогда не достигают гипотетически завершенной организации. У него нет никакой полной интеграции влечений, их гармоничного слияния в единое целое. Подобная интеграция невозможна как в случае сексуальных влечений, так и в случае влечений к смерти. И те, и другие сохраняют свою частичность, как в проявлении, так и в объекте, на который они направлены. Разнообразие частичных влечений образует желание, оно входит в символические отношения с объектом, конституируя его.

Ж. Лакана интересует желание как такое, желание без объекта, так как важны причина и источник его возникновения. Источником желания служит изначальный «разрыв» (Unbegriff) или «зияние» субъекта, имеющее центральное значение во всем человеческом опыте⁴. «"Желание" обязывает рассматривать свойство "быть" субъекта только в связи с "зиянием", являющимся источником любого движения, оживления»⁵. Предполагаемый объект желания непосредственно связан с воображаемым порядком и фантазией, с фантазматическими отношениями желания к символическому порядку Другого. Фантазм – это и последнее доказательство того факта, что желание субъекта – желание Другого, и способ, позволяющий субъекту ответить на вопрос, каким именно объектом он является в глазах Другого, в желании Другого. С точки зрения Ж. Лакана, «именно на этом уровне игра в прятки с собственным Я достигает своей кульминации, и узнать, где же именно оно находится, необычайно трудно»⁶. Значение фантазма в отношениях желания и объекта заключается в том, что реализация и манифестация влечений становятся возможными как обмен означаемыми по поводу означющих.

Таким образом, фантазм позволяет означаемым смерти присутствовать в символическом порядке, не нарушая при этом либидозной направленности частичных влечений. Наслаждение, достижение цели влечений является побочным следствием некоторого обмена, так называемым «прибавочным наслаждением». Таким образом, для достижения любой цели (в том числе и смерти) субъект вынужден обращаться к Другому, участвовать в символическом обмене по поводу означющих (в том числе, и означаемых смерти). «Мое» Я обретается лишь в той ситуации, когда появляется Другой, «мое» наслаждение возможно лишь там, где есть фантазм, заменяющий Другого в этом символическом порядке. Благодаря этому возможно влечение к смерти как влечение к ее повторению, а не как простое суицидальное желание. Субъект получает наслаждение, оставаясь при этом до времени живым.

Лакановская трактовка связи между влечением к смерти и символическим порядком и его означаемыми развивалась вместе с его теорией дискурсивных структур бессознательного. В той мере, в какой действительность символизирована бессознательным, заключена в символическую систему, вещь как таковая оказывается представлена в слове, в своем понятии, а не в непосредственной данности, в Реальном.

Состоящий из означющих язык представляет собой синхроническую структуру, бессмысленный автономный механизм, производящий смысл в качестве своего следствия. В таком случае влечение к смерти отождествляется с символическим порядком: по словам самого Лакана, влечение к смерти – это не что иное, как маскировка символического порядка. Главное здесь – это оппозиция между уровнем воображаемого, на котором воспринимается смысл, и уровнем «бессмысленного» механизма означаемого/означающего, где смысл производится. На уровне воображаемого господствует принцип удовольствия, стремящийся к установлению гомеостаза; символический порядок в своем слепом автоматизме постоянно нарушает этот гомеостаз и располагается «по ту сторо-

ну принципа удовольствия». Человеческое бытие, захваченное системой означающих, омертвляется и становится частью странного механического порядка, разрушающего его природный гомеостаз (один из примеров тому – навязчивое повторение). Но при этом именно символический порядок как таковой и есть область осуществления принципа удовольствия. Бессознательное «структурировано как язык», его «первичный процесс» метонимически-метафорического смещения управляется принципом удовольствия; все, что лежит за этими пределами, относится не к символическому порядку, а к ядру Реального, к травматической сердцевине. Для обозначения этих процессов Ж. Лакан использовал термин З. Фрейда: *das Ding*, Вещь как инкарнация непостижимого наслаждения⁷.

Символический порядок стремится к сохранению гомеостаза, но в его сердцевине, в самом его центре существует некий странный, травматический элемент, который не может быть символизирован, интегрирован в символический порядок, – это Вещь. На этом уровне влечение к смерти четко противопоставлено символическому порядку: влечение к смерти – это возможность «второй смерти», полной аннигиляции символической структуры, конституирующей «действительность». Само существование символического порядка включает в себя возможность полного стирания, «символической смерти» – уже не просто смерти «реального объекта» в своем символе, а уничтожения, стирания системы означающих вообще. Поэтому влечение к удовольствию как влечение к смерти и может осуществляться лишь на уровне символического порядка. «Реальной» смерти для человека нет и не может быть, как и не может быть «реального» источника наслаждения. Как говорит Ж. Лакан: «смерть никогда не может быть испытана как таковая, она никогда не является реальной»⁸.

Место субъекта в символическом порядке ярче всего обнаруживает симптом, как нечто, что не может быть полностью в этот порядок включено. То «место», где в структуре бессознательного сильнее всего заметны «разрывы» и «раны», в структуре «речи-

запроса» субъекта появляется симптом как особое означающее. Симптом рассматривается Ж. Лаканом как белое пятно, пробел, как избежавший символизации воображаемый элемент истории субъекта. Процесс психоанализа и есть процесс символизации этих белых пятен, их интеграция в символический мир субъекта. Анализ ретроактивно придавал смысл тому, что первоначально было бессмысленным следом. Таким образом, финал лечения совпадал с тем моментом, когда субъект оказывался способен рассказать Другому свою полную «историю», когда его желание интегрировалось и распознавалось как «полная речь».

Но при этом то, что собственно и делает симптом болезненным, и есть символический порядок как нечто омертвляющее субъекта, вмещающее ему некую травматическую утрату (имя этой утраты, этой нехватки – «символическая кастрация»). Ж. Лакан считал, что анализ подходит к концу тогда, когда субъект готов принять эту фундаментальную утрату, готов согласиться с символической кастрацией в качестве неизбежной платы за успех его желания. В этот момент и появляется фигура Другого, объект «а» и фантазм как конструкция, позволяющая субъекту согласиться с этим травматическим ядром.

Но какое отношение такая символическая смерть имеет к той физической смерти, которую принято называть «настоящей»? Для того чтобы настоящая смерть могла произойти в том поле означающих, в котором только и может существовать субъект, смерть должна пройти процесс символизации, должна быть «представлена представителями». Но эти две смерти могут и не совпадать ни во времени, ни в Реальном, и здесь, в этом промежутке рождается то, что принято называть «трагическим». В качестве примера такого понимания «трагического» Ж. Лакан сравнивает две литературные смерти: Антигоны и отца Гамлета⁹. Для Антигоны ее символическая смерть, исключение из символической общности полиса предшествует действительной смерти и придает ее образу возвышенность и красоту. Полная противоположность этому – призрак отца Гам-

лета. Его действительная смерть не повлекла за собой смерти символической, «сведения счетов», и он возвращается как ужасное видение до тех пор, пока долг ему не будет отдан. Этот промежуток «между двумя смертями», где обитают как возвышенная красота, так и чудовищные монстры, – это место *das Ding*, место реального травматического ядра в самом средоточии символического порядка. Это «место» открывается процессами символизации и историзации – историзация предполагает некое пустое место, внеисторическое ядро, вокруг которого артикулируется символическая система. Другими словами, человеческая история отличается от животной эволюции именно этой соотносительностью с внеисторическим «местом», топосом, который «не может быть» символизирован, так как символизация происходит ретроактивно. Как отмечал С. Жижек в своей работе «Возвышенный объект идеологии»: «как только “грубая”, предсимволическая действительность символизируется и историзируется – это сразу “засекречивает”, закрывает пустое, “неудобоваримое” место Вещи»¹⁰.

Эта соотносительность с пустым местом Вещи позволяет постигнуть возможность полной, тотальной аннигиляции системы означающих. «Реальная», или «вторая», смерть, радикальное разрушение природного круговорота мыслимо только в той мере, в какой этот круговорот уже символизирован и историзирован, уже вписан, уже пойман в символическую паутину: «абсолютная смерть», «разрушение вселенной» – это всегда разрушение символической вселенной. Фрейдовское «влечение к смерти» – это не что иное, как точное теоретическое выражение садовского понятия «второй смерти» – возможность тотального «стирания» исторической традиции открывается самим процессом символизации-историзации и выступает радикальным, саморазрушительным пределом этого процесса¹¹.

Таким образом, взамен традиционного фрейдовского дуализма влечения к смерти и

влечения к жизни Ж. Лакан предлагает новую оппозицию – противостояние символического порядка присущему человеку желанию повторять свою смерть. То, что З. Фрейд считал репрессивными функциями Сверх-Я, оказывается направлено не просто против удовольствия, а, в первую очередь, против удовольствия от смерти. Порядок символизации смерти определен не столько внутренним опытом субъекта, сколько дискурсом Другого. Для того чтобы субъект отсрочил свою «вторую», или «реальную», смерть, она должна существовать для него лишь в качестве «первой», в качестве «рассказа» Другого о смерти другого.

Смерть предстает субъекту лишь как «символическая», то, что есть в ней «реальное», полностью совпадает с тем, что бессознательное есть само по себе, онтологически – «нехватка», «зияние» и т.д. И функция смерти заключается в том, чтобы восстановить то положение структуры бессознательного, которое было нарушено появлением элемента означающего.

Примечания

¹ См.: Фрейд З. Психология бессознательного / З. Фрейд. М., 1990. С.405.

² См.: Вагин Ю.Р. Влечение к смерти (Диалог со Шмидт-Хеллерау) / Ю.Р. Вагин. Пермь, 2004. С.45.

³ См.: Там же. С.41.

⁴ Лакан Ж. Семинары. Кн.11. Четыре основные понятия психоанализа / Ж. Лакан. М., 2004. С.50.

⁵ Титова М. Читая Лакана: Реальное субъекта / М. Титова // Логос. 1994. №5. С.192.

⁶ Лакан Ж. Семинары. Кн.2. «Я» в теории Фрейда и в технике психоанализа / Ж. Лакан. М., 1999. С.306.

⁷ См.: Лакан Ж. Семинары. Кн.7. Этика психоанализа / Ж. Лакан. М., 2006. С.73.

⁸ Лакан Ж. Семинары. Кн.1. Работы Фрейда по технике психоанализа / Ж. Лакан. М., 1999. С.295.

⁹ См.: Лакан Ж. Семинары. Кн.7. Этика психоанализа / Ж. Лакан. М., 2006. С.73. С. 347–370.

¹⁰ Жижек С. Возвышенный объект идеологии. М., 1999. С.138.

¹¹ Там же. С.140.

УДК 101.1:316

КОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ДЕСТРУКЦИИ В СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ФОРМАХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Е.М. Дринова

Волгоградский кооперативный институт (филиал) Российского университета кооперации
E-mail: edrinova@mail.ru

В статье исследуется феномен конфессиональных деструкций в теоретических моделях глобальной культуры, синтеза культур и конфликт культуры. Многообразие форм и фундаментальный характер понятия анализируется в контексте «синдрома модернизации». Утверждается, что онтологическая сущность феномена обусловлена актуализацией разрушительных противоречий религиозной доминанты.

Ключевые слова: конфессиональные деструкции, религиозная доминанта, фундаментализм, модернизация, глобализация, идеология либерализма, религиозный терроризм.

Confession Destruction in Cultural Forms of Globalization

E.M. Drinova

This article is about the phenomenon of confession destruction in theoretical models of global culture, its synthesis and conflict. The variety of forms and fundamental character of this concept is analyzed in the context of «modernization syndrome». The essence of this phenomenon is caused by the actualization of destructive contradictions religious dominant.

Key words: confession destruction, religious dominant, fundamentalism, globalization, ideology of liberalism, religious terrorism.

Проблема конфессиональных деструкций, имеющая давнюю историю в развитии мировой цивилизации, является одной из актуальных и обсуждаемых в социально-философской теории. Реальностью современного общества стали неустойчивое состояние религиозного пространства, фундаментализм, исламизация Западной Европы, негативные процессы, обусловленные усиливающейся глобализацией мира. Объективный анализ этих процессов показывает, что со временем они приобрели распространённый характер и стали ключевой угрозой безопасности в мире. Как свидетельствует социальная теория, активное обращение к проблеме конфессиональных деструкций в сложные кризисные периоды закономерно.

В последнее время появилось много исследований, посвященных изучению феномена конфессиональных деструкций. Общеизвестно, что многообразие форм и фундаментальный характер понятия обуслови-

вают сложность его философской трактовки. Одна группа исследователей (Д. Экспозито, Д. Айкельман, Э. Абрахамян, А.А. Игнатенко, А.В. Добин, Т.А. Яшова) полагает, что своим существованием конфессиональные деструкции обязаны фундаментализму. В рамках такого подхода деструкции рассматриваются как явление, обусловленное «синдромом модернизации», которая представляет сферу потенциальных конфликтов, затрагивающих область политики в традиционных обществах, где религия в соответствии с идеологическими установками регулирует жизнь. Когда модернизация приходит в противоречие с религиозными традициями, тогда «возникает культурное отчуждение народа от насаждаемых «сверху» порядков, что, в конечном счете, приводит к фундаментализму»¹. Иными словами, модернизация предполагает наличие внешнего политического влияния, противостояние которому отражается в фундаментализме. Другая группа исследователей (С.В. Егорышев, Ю.Н. Дорожкин, Н.В. Петрова) связывает феномен деструкций с появлением ультрарадикальных религиозных организаций, в деятельности которых имеет место внутренняя и внешняя религиозная деструктивность. По мнению авторов, «внутренняя деструктивность предполагает разрушающее воздействие религиозных организаций непосредственно на самого человека. Внешняя деструктивность выражается в отрицании и неуважении созидательных традиций и норм, сложившихся социальных структур, культуры, вероисповедания». Процессы филогенеза этого феномена соотносятся с кризисом социального института религии, который «как бы отбрасывает общество назад к архаическим истокам, примитивным культовым практикам»².

Мы предлагаем несколько иное видение проблемы. Религия, как, впрочем, любое социальное явление, двойственна по своей сути. Ее консолидирующий и агрессивно разрушительный потенциалы обусловлены существованием религиозной доминанты – основной религиозной идеи, преломляемой через национально-этический элемент социума. Важной чертой религиозной доминанты выступает инерция сознания. Длительное неизменное (в конкретные исторические эпохи) существование религиозной идеи способствует консолидации общества. Так, если доминанта однажды появилась, то она долгое время будет удерживаться в памяти народа. Можно сказать, что доминанта устойчива. Ее модификации могут быть рассмотрены как реакция на жизненно важные раздражители социума. В религиозной доминанте сконцентрирован весь опыт, заложенный в памяти этноса и относящийся к данному явлению. Манифестация конфессиональных деструкций детерминирована актуализацией разрушительных противоречий внутри самой религиозной доминанты. Как правило, причина внутренних конфессиональных противоречий обусловлена социально-политическими и экономическими процессами, происходящими в мире³.

В конце XX в. конфессиональные деструкции стали рассматриваться как реакция на процессы глобализации (У. Бек, П. ван Хам, А. Турен). В современном мире глобализация проявляется в растущей взаимозависимости государств и цивилизаций, характерными чертами которой стали процессы демократизации и либерализации, формирование единого экономического пространства, становление универсальной культуры и идеологии. Следуя логике Э. Гидденса, процессы глобализации необходимо анализировать на уровне нескольких подсистем: государства, экономики, гражданского общества и религии. О существовании глубинной связи между процессами глобализации и конфессиональными деструкциями свидетельствует бурный всплеск религиозного терроризма. Здесь мы согласны с В.Б. Устьянцевым в том, что «глобали-

зация, проникая в мир традиционных религий, обостряет внутренние противоречия, усиливает деградацию политических систем, крах моральных ценностей»⁴.

Рассматривая конфессиональные проблемы под углом зрения глобализации, следует отметить несколько существенных аспектов. Во-первых, это возможность существования глобального мира в его теоретических моделях, которые строятся вокруг трех основных сценариев: а) глобальная культура; б) синтез культур; в) конфликт культур, в которых конфессиональная составляющая играет далеко не последнюю роль. Во-вторых, в каждой модели имеет место та или иная форма конфессиональных деструкций. В современной модели глобальной культуры доминирующее положение занимает евроатлантическая модель, которая в силу своего экономического господства в мире лоббирует универсальные западные стандарты, порождая при этом деформацию этнических и конфессиональных культур. Как правило, эти деформации связаны с господством ассимилятивного характера глобальной культуры. При этом процесс добровольно-вынужденной адаптации этноконфессиональных образований к ценностям, стилю жизни господствующей культуры сопровождается в большинстве случаев поглощением одной культуры другой, а не синтезированием нового качества культуры. После смены нескольких поколений в агрессивно активной ассимиляционной среде субъекты культуры меньшинства становятся культурно неотличимыми от представителей доминирующей.

Несомненно, глобализация в каком-то аспекте есть универсализация и стандартизация в области культуры, но она не исключает того, что культура в качественно новом ее состоянии может сохранять свои индивидуальные этнические и конфессиональные элементы. На наш взгляд, рабочим принципом первой модели должен быть принцип толерантности, способствующий диалогу культур в полиэтноконфессиональном мире. Но события, происходящие в мире, свидетельствуют об ином: реальностью стали ультрарадикальные формы конфес-

сиональных деструкций – религиозный терроризм как прямая реакция на процессы глобализации и формирование глобальной культуры.

Отдельного анализа заслуживает модель синтеза культур в полиэтноконфессиональном социуме, для которой характерна сложная система взаимосвязи внутри больших этноконфессиональных сообществ. Философы, геополитики, культурологи различных стран (А. Турен, С. Хантингтон, Ш. Эйзенштадт, Л.С. Васильев) выделяют в этой модели существование духовно-практических образований, соединяющих в себе элементы различных религий (христианства и буддизма, даосизма и буддизма, христианства и первобытных верований). Эти синкретические формы рассматриваются ими в качестве доказательства возможности глобального культурно-религиозного синтеза. На наш взгляд, это один из возможных путей развития общества в современных реалиях.

Вместе с тем известно, что процесс религиозного синкретизма занимает длительный период времени. Мы согласны с Л.С. Васильевым в том, что образование синкретической модели возможно в ходе многовековой эволюции религиозных моделей, каждая из которых испытывает на себе воздействие другой. Связующим звеном здесь выступает идеология либерализма, способствующая формированию религиозного синкретизма. Таким образом, происходит объединение различных религиозных образований, которое основывается на принципе синкретизма. Следует отметить, что не все культурно-религиозные образования могут преодолеть конфессиональное сопротивление, обусловленное религиозной доминантой, и сосуществовать в рамках новой синтетической модели синтеза культур. Исключение составляют ортодоксальные направления иудаизма, православия, ислама.

В модели конфликта культур стратификационные различия между этноконфессиональными сообществами строятся в классической оппозиции «мы–они». В этом случае в качестве интегрирующего фактора того или иного сообщества выступает рели-

гиозная и этническая идентичность. Религия как бы извне интегрирует общество, которое становится единым не за счет внутреннего, а за счет внешнего отличия его от других конфессиональных моделей. В этом измерении субъект отождествляет себя с «мы», противопоставляя себя тем, кого он считает «они». При этом стратификационные различия мыслятся в оппозиции как «свои–чужие». Оппозиция «мы–они» в модели конфликта культур выступает как оппозиция «свои–чужие». В этом случае речь идет не столько о доминировании принципа превосходства, сколько о невозможности существования базового консенсуса между «мы–они», что предполагает активный конфликт между «своими» и «чужими». Отличительной чертой модели конфликта культур является многообразие форм конфессиональных деструкций.

Вместе с тем сам термин «конфессиональные деструкции» является новым и нуждается в пояснении. На наш взгляд, конфессиональные деструкции проявляются как объективная реальность соответствия ультрарадикальных религиозных установок своеобразию конкретной исторической обстановки. Они приводят к нарушению социальных связей, что вызывает разрушительные последствия в социуме, способствуют обострению противоречий между различными этноконфессиональными сообществами. Мы рассматриваем конфессиональные деструкции как одну из синтетических категорий, существование которой обусловлено процессом политизации социального института религии. При выяснении сущности феномена важными являются как критерии его существования, так и критерии его оценки. Обратим внимание на тот факт, что глубина проникновения конфессиональных деструкций в социум и форма их существования находятся в прямой зависимости от социокультурных, политических, экономических и других факторов, взаимосвязь которых обусловлена конкретной культурной исторической эпохой. Так, например, одну из первых форм конфессиональных деструкций мы связываем с обрядом инициации, занимающим централь-

ное место в структуре архаических первобытных культур. Следует отметить, что сам обряд инициации и формы его проведения у разных этносов имеют много общего – они наполнены символизмом смерти и воскресения (или смерти и повторного рождения). Основной компонент инициации как религиозно-культурного феномена составляет ритуальная символическая смерть иницируемого. Обратим внимание на тот факт, что сами иницируемые буквально понимают эту ритуальную смерть, сопровождающуюся многочисленными испытаниями, которые часто носят калечащий характер и вызывают состояние временного помешательства.

Согласно Ж. Бодрийяру, естественная смерть у первобытных людей как таковая не имела смысла, потому что в ней никак не участвовала группа. «Смерть ставилась на кон в символической игре». Для первобытных людей инициации и жертвоприношения «знаменуют собой неприятие природно-биологического следования событий, обрядовое вмешательство в них, контролируемое и социально упорядоченное насилие – насилие против природы». Если придерживаться абстрактной трактовки символики смерти, то трудно не согласиться с философом в том, что аналогичный сценарий проявляется при захвате террористами заложников. Символика религиозного политического акта становится ритуалом первостепенной важности, так как здесь «воссоздается время жертвоприношения, ритуал казни, неминуемость коллективно ожидаемой смерти – совершенно незаслуженной, а значит, всецело искусственной и потому безусловно соответствующей жертвенному обряду, причем совершающий заклятие жрец-«преступник» обычно и сам готов умереть»⁵.

Здесь следует обратить внимание на тот факт, что две формы конфессиональных деструкций (обряд инициации и террористический акт) имеют различную аксиологическую направленность, сохраняя при этом общность символического и функционального потенциала. При исследовании обряда инициации и актов религиозного

терроризма в числе характерных черт принято выделять проведение насильственных действий, угрожающих здоровью и жизни человека. Однако существенное различие заключается в том, что обряд инициации представляет собой второе рождение и начало новой свободной жизни. Что же касается религиозного терроризма, то он дает возможность субъекту выполнить свое ложно истолковываемое предназначение и тем самым обрести абсолютную свободу и вечную жизнь. Сегодня обряды инициаций потеряли универсальный характер (в современном мире они существуют в малочисленных архаических субкультурах малых этнических групп). Что же касается религиозного терроризма, то это особый вид терроризма, проявления которого как сотни веков назад, так и сегодня продолжают оставаться составной частью социального института религии, практикующего еще на заре своей деятельности ритуалы, связанные с человеческими жертвоприношениями.

В современном мире религиозный терроризм оказывает разрушительное воздействие на развитие мировой цивилизации в целом, от его проявлений не застрахована ни одна страна мира. Критерием его глобальности является угроза для человечества в целом. Однако этот критерий носит преимущественно количественный характер. На наш взгляд, специфика религиозного терроризма заключается в его пространственном измерении. Особую роль здесь играют изменения этноконфессионального пространства в условиях синтеза конфессиональных и этнических доминант. Следует заметить, что критерий пространственного измерения религиозного терроризма является необходимым, но не имеет достаточных оснований для определения его глобализации. Религиозный терроризм – это крупномасштабные действия не только по количественным, но и по качественным параметрам. Он определяется как пространственным измерением, так и признаками онтологического плана.

Мы предлагаем считать качественно новым критерием религиозного терроризма его смешанную биосоциальную сущность,

согласно которому он отличается от большинства политических и социальных проблем своей пространственной, планетарной выраженностью. Вторым критерием является идеологический компонент, дуальная оппозиция которого проявляется, с одной стороны, в аксиологическом аспекте (стремление к спасению души человека), с другой стороны – в деструктивном (призыв к борьбе, проведение активных военных действий). Наиболее ярко она фиксируется во время становления религиозной системы и в сложные переходные периоды развития общества. В качестве третьего критерия выступает фундаментализм, детальная разработка этой проблемы получила развитие в западной политической философии (Г. Алмонд, Э. Сиван и С. Эпплби, С. Рок). Авторы работы «Fundamentalism Project», опубликованной еще в 90-х гг. прошлого века, характеризуя онтологию фундаментализма, выделили такие его свойства, как:

– ощущение угрозы своей религиозной идентичности, исходящей от современного мира, и как следствие, стремление найти и обезвредить врагов;

– ностальгия по священному прошлому, мессианские настроения и стремление построить будущее на религиозном основании.

В результате анализа фундаменталистских движений были определены две группы параметров: организационные (готовность мобилизации идеологических или этнических мотивов при неприменимом первенстве религиозного, авторитарная внутренняя организация, следование определенным поведенческим правилам) и идеологические (мобилизация против секулярных сил модернизирующегося мира, ощущение собственной избранности и непогрешимости). Начиная с конца XX в., фундаментализм рассматривается как явление, возникшее в качестве реакции на модернизацию социума. Для него характерно стремление защитить от современного мира свою религиозную идентичность, обращенную в сакрализованное прошлое. Антимодернизационная направленность фундаментализма выступает его базовым свойством, без которого остальные не имеют смысла. Прояв-

ления фундаментализма имеют место во всех монотеистических религиях, но не везде они принимают радикальные формы. Менее всего они развиты в буддизме. Религиозные формы, питающие радикализм в буддизме, находятся в довольно неразвитом состоянии. Легитимация насилия была характерна для некоторых буддийских групп в Шри Ланке в 80-е гг. прошлого века: это были активно действующие политические военизированные националистические организации.

В России имеет место политический православный фундаментализм, который основывается на консервативных течениях внутри самой церкви. Следует отметить, что православные фундаменталисты по большей мере занимаются внутренней, а не внешней политической деятельностью. Термин «православный фундаментализм» употребляется для сторонников «закрытого» православия, которые предлагают собственный политический проект восстановления России как православного центра сопротивления, оппозиционирующего губительным процессам глобализации. Утверждается, что сохранение анклава православия в современном мире представляет собой особую миссию русского народа. Специфика православного фундаментализма в России, на наш взгляд, заключается в следующем:

– в России существует тип православной ментальности, не признающий экзегетики и герменевтики в трактовке Священного писания;

– в церковных кругах наблюдается предрасположенность к развитию тоталитарной религиозной идеологии с элементами рациональности;

– существует убежденность в доминировании политики в религиозной сфере. В частности, речь идет об активном участии РПЦ в политических процессах;

– наметилась тенденция по христианизации политики, которая заключается в утверждении моральных ценностей как абсолютных норм в обществе;

– отмечается активное внедрение системы религиозных православных ценностей в политическую систему;

– рассматривается в качестве высшей цели православия возможность преобразования политических институтов в стране;

– появилась тенденция со стороны РПЦ занять позицию государственной Церкви. Следует отметить, что чаще всего эта позиция не декларируется, но активные меры по ее реализации в стране налицо;

– активизируется деятельность национал-православных организаций, принимающая порой экстремистскую направленность.

Обозначенный выше комплекс фундаменталистских идей позволяет говорить о существовании в России социально-психологического феномена православного фундаментализма.

Ультрарадикальный, экстремистский характер фундаментализма наиболее ярко выражен в исламе, который, по мысли его адептов, призван не только сохранять религиозные традиции и образ жизни верующих, но и активно их защищать от «глетворного разложения» Запада. Современный исламский фундаментализм – это в значительной части религиозный терроризм. Он представляет собой одну из радикальных форм конфессиональных деструкций, в рамках которой формулируются новые идеологии, создаются организационные структуры, используются новейшие приемы и технологии. Можно выделить следующие проявления исламского фундаментализма в России:

– внедрение в традиционное исламское сознание идей ваххабизма. Декларируется восстановление «чистого» ислама, не испорченного цивилизацией;

– важнейшим положением ваххабитской доктрины является специфическое представление о джихаде как непримиримой борьбе не только против язычников, но и против мусульман, не разделяющих ваххабитские воззрения;

– стремление к созданию во всех северокавказских республиках ваххабитских общин, функционирование которых предполагает существование исламских социально-

правовых институтов, таких как школы при мечетях и шариатский суд для воспитания новых поколений;

– сакрализация политического конфликта. Отсюда следует иррациональность религиозного насилия в исламе;

– религиозно мотивированное насилие и оправдание террористических актов относительно мирных граждан России независимо от их религиозных взглядов;

– активные процессы по политизации ислама. Формирование исламских политических партий в стране, в том числе и ультрарадикальной направленности. Напомним, что законодательство в России запрещает существование любых религиозных партий;

– деструктивная деятельность ультрарадикальных религиозных организаций на Северном Кавказе, всплеск активности которой пришелся на 90-е гг. XX в.

В заключение отметим, что история любого народа, его приверженность тем или иным формам конфессиональных деструкций переплетены с историей религии. Конфессиональные деструкции выступают как один из атрибутов социального института религии. В современном мире их актуализация, обусловленная всем комплексом глобализационного процесса, представляет собой одну из важнейших проблем современности.

Примечания

¹ Яшкова Т.А. Политическая модернизация России в условиях глобальных трансформационных вызовов / Т.А. Яшкова. М., 2007. С.29.

² Егорышев С.В., Дорожкин Ю.Н., Петрова Н.В. Социальный контроль деструктивной деятельности новых религиозных организаций / С.В. Егорышев, Ю.Н. Дорожкин, Н.В. Петрова. Уфа, 2006. С.14.

³ См.: Дринова Е.М. Онтологические основания этноконфессионального пространства / Е.М. Дринова. Волгоград, 2006. С.47.

⁴ Устьянцев В.Б. Антропология риска: концептуальные основания / В.Б. Устьянцев // Общество риска и человек: онтологический и ценностный аспекты. Саратов, 2006. С.196.

⁵ Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть / Ж. Бодрийяр. М., 2000. С.293–294.

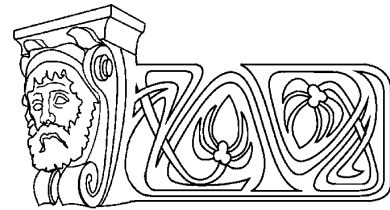

УДК 1:001(091); 930.1

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ В СВЕТЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И ИНФОРМАТИЗАЦИИ

И.Л. Зубова

Ульяновский государственный университет
E-mail: seamaid63@gmail.com

Статья посвящена анализу вклада представителей отечественной исторической мысли в экспликацию творческой природы общественной жизни. История в социальном творчестве предстает как состояние открытости социального бытия и как состояние новообразований (событий) в нем. В них преобразуется и по-новому проявляется форма глобальной духовной связи всего человечества.

Ключевые слова: глобальная история, онтология целостности, глобализация, информатизация.

The Domestic Historical Idea in the Light of Globalization and Informatization

I.L. Zubova

History appears as the so-state of openness of social life and as state of new formations in him. In the innovative states became topical and the form of global relations of all humanity shows up newly, transforming all accumulated them spiritual potential in a new structure and information. Article the deposit of representatives of domestic historical Idea is analyzed in the comprehension of universal connection of humanity in the states of openness and event of History.

Key words: ontology of integrity, global history, globalization, informatization.

Глобализация в качестве одной из тенденций и характерной черты современной цивилизации стала осознаваться и активно обсуждаться с середины 90-х гг. прошлого века. Многими исследователями она связывается, в первую очередь, с процессами в экономической сфере. Однако глобализация охватывает все сферы и проявляется на всех уровнях бытия «обобществляющегося человечества» (К. Маркс), включая уровень ментальных структур и духовных образований. Выявление своеобразных параметров таких образований и расшифровка их динамики представляет интерес как с точки зрения содержательной интеграции современного глобализма, так и с позиции механизмов его реализации в сфере человеческого духа, что, в свою очередь, проясняет многие вопросы, касающиеся бытия Человека в Мире. Поэтому в условиях кризиса техногенного бытия понятен повышенный интерес к духовным трансформациям в менталитете цивилизации

онной формы человеческого общения, во многом определяющим характер и содержание истории. Так, в поле зрения здесь попадает сама история во множестве своих импликаций.

История как выражение динамики социальной реальности осмысливается современной историографией через включенность в нее сознания. Обращение к состояниям сознания позволяет эксплицитовать *открытость* социального бытия в его актуально-потенциальных состояниях и особенно в состояниях *новообразований* – в частности, *событийности*. Проблема состоит в экспликации *сотворяющей себя истории* и выявлении спектра и характера связей, обеспечивающих целостность истории в этом ее измерении. В творчестве благодаря духовной энергетике человека актуализируется и по-новому проявляется форма глобальной связи всего человечества. Она преобразует весь духовный потенциал человечества в *новую формацию* и *информацию*.

Огромный вклад в осмысление универсальной связи человечества в состояниях открытости и событийности истории внесли представители практически всех направлений русской исторической мысли второй четверти XIX – начала XX вв. Плоды творчества наших мыслителей представлены множеством идей о всеобщей духовной связанности и усилении единения человечества в историческом процессе. Подчеркиваемая ими творческая природа исторического развития невозможна без «цельного знания», которое придает смысл и полноту жизни человека в ее сопричастности бытию Абсолютного. Эти и другие идеи оформились как предчувствие грядущих мировых катастроф XX в. и вместе с ними краха редуционистского утопического сциентизма в понимании Истории. Выдвигаемые представителями

отечественной философии и науки доктрины зачастую опережали возникновение аналогичных в Западной Европе и влияли на формирование новой духовной атмосферы со смещением акцентов с познавательной-преобразующей деятельности человека на его самопостижение путем раскрытия собственного потенциала, контекстом которого выступает все духовное богатство человечества.

Теории русских философов о всечеловеческом едином нерасчлененном целом апеллируют к духовному родству человечества, переживаемому в экзистенциально-феноменологических и творческих состояниях. Эти идеи, будучи объективированными формами сознания, восприняты и наряду с вновь открытыми феноменами сознания включены в положения современного ноосферного движения, глобального эволюционизма, синергетики, постмодернистской мысли. Причем перечисленные направления современной мысли относятся к различным сферам активности человеческого сознания. Так, синергетика родилась непосредственно в естествознании, а постмодернизм оформился на материале литературоведческой практики и лингвистического анализа текстов. Происхождение весьма сходных подходов и идей (форм) в различных областях знания – бесспорное свидетельство в пользу глобальной и универсальной информативной, пространственно-временной, энергетической связанности духовных явлений в современном цивилизационном процессе.

Русские мыслители считали, что корень большинства человеческих бед – в распаде целостности сознания. Западно-европейский рационализм нарушает гармонию, дробя «целостность духа» на части, предоставляя «высшее создание истины» отдельному логическому мышлению. Отпавшее от целостности рассудочно-логическое мышление делает «целостную личность» познающим субъектом, тяготеющим к локализации и оторванности от сообществ, социума, космоса. Так, например, Н.А. Бердяев показывает несостоятельность претензий дискурсивного мышления, исходящего из определенных оснований, которые ограничивают «уровень духовного общения до минимума» на обще-

обязательность в ущерб творческим актам осмысления бытия. Принудительность дискурсивного мышления «обозначает иссякание творческого дерзновения в познании», само такое мышление является царством середины, так как его начало и конец скрыты в интуиции и их следует разыскивать в творческом акте.

Культ «рацио», по мнению В.В. Эрнэ, подменяет укорененную в человеческой свободе культуру ее изнанкой – цивилизацией с присущими ей утилитаризмом и культом техники. Глобализация и информатизация в технике (нормативной процедурности) логического мышления легко превращаются в формы, разрушающие «цветущую сложность» (К.Н. Леонтьев) человеческого бытия, ограничивающие свободу и диктующие «ложное единство» (В.С. Соловьев) культивированием усредненных социальных форм, ценностей и образа жизни. Только критическое восприятие и переработка объективированных форм сознания через адекватные средства выражения связанности всего существующего в творческой активности человеческой личности позволяет создавать новое. Представители различных направлений российской философии и науки переосмысливали европейские достижения на основе иного культурно-исторического контекста путем апелляции к целостности ментальных состояний человека, синтеза логического и сверхлогического в познании и мышлении, что придало самобытность и оригинальность русской социально-исторической мысли.

В славянофильстве, религиозной философии, культурно-исторической монадохологии, космизме, евразийстве целостность бытия человека трактуется через *соборность, всеединство, симфоническую личность, богочеловечество, софийность* и другие. Эти идеи выражают целостность человеческого бытия в единстве со всей Вселенной (единство природного, человеческого, социального и Божественного бытия) на основе *глобальной* связи. Каждый «компонент» целостности целостен и состоит из «частей-целостностей». Например, у Л.П. Карсавина мир как всеединая симфоническая личность включает индивидуальные и социальные симфони-

ческие личности (семью, народ, государство, церковь и т.п.). Глобальная связь между «частями» целого мыслится как *презентативная* – целое существует в «свернутом» виде во всех своих частях, а любая часть – во всех других (Л.П. Карсавин), Н.О. Лосский это обозначает как «имманентность всего всему».

Презентативная связь одновременно является *нелокальной* и *целостнообразующей*. По сути, если использовать современные научные термины, она строится на основе *континуалистских* представлений. Согласно последним в целостности – едином континууме разнородных бытийных образований – нет жестко выраженной центрации. В ней осуществляется либо *синергизм* – совместное и одновременное действие всех ее «элементов», либо *резонансная* реакция всех элементов на импульсы, исходящие из одного из них. Человеческое бытие, не утрачивая свою природность, становится социальным, вписываясь в *мирообразующие* связи в результате осознания своей сопричастности и событийности со всем иным и с универсальным, воплощенным в Боге. Богочеловечество – открывающееся всеединство людей и абсолютная полнота бытия конкретного человека в его индивидуальности. София – живая творческая духовная сила. Приобщившись к этой силе, бытие человека наполняется смыслом. В Богочеловечестве творческое дело и энергия Софии сочетается с творчеством и энергией человека.

Доминирующая в русской философии онтология целостности и ее историческая динамика строится на *деонтологизации* и *десубстанционализации* «идеи истории». В соответствии с последней принцип монизма постулировал метафизическое основание динамики социальной реальности – детерминированную последовательность смены состояний с однозначно заданной линейно-иерархической структурой. Отказ от универсальности «идеи истории» как основы целостности социальных образований предполагал преодоление дуализма в онтологическо-гносеологических (плюрализм–монизм, реализм–номинализм, божественное–человеческое, природное–социальное, индивидуаль-

ное–универсальное, временное–вечное, внутреннее–внешнее, истинное–ложное, субъектное–объектное, логическое–дологическое, номотетическое–идиографическое) проявлениях. Снятие бинарных оппозиций в онтологии и мышлении выступало условием децентрированных динамических состояний социальной реальности в единстве всех ее «частей» и со всем сущим.

Метафизический принцип конституирования целостности с множествами, не имеющими заданной центрации, но равноправными и презентативно связанными локально-нелокальными субстанциями, философ А.А. Козлов назвал «*плюралистическим монизмом*», совместив тем самым противоположные принципы постулирования оснований. Плюрализм исключает процедуру выбора одного метафизического основания и его *определения* и не уничтожает его «полноту» ограничительными пространственно-временными и иными параметрами. Монизм закрепляет главную роль смыслового оформителя сингармонического единства «частей» целостности за творчеством человека. Он, творя историю, актуализирует и оптимизирует свою вписанность в глобальные универсальные мирообразующие связи. В этом состоянии бытие есть континуум, оно все целиком в настоящем. Бытие как континуум динамично и явлено событием – возникновением, рождением, образованием *иного целого* (инобытия). Целое при этом остается таковым благодаря наличию энергетического, информационного потенциала в нем. Человек – носитель активности – совместен с энергетическим и информационным потенциалом Универсума. История в этом случае может быть понята и трактована как *акт* и *факт обналичивания целого* через его энергетико-информационные характеристики. Она выступает в качестве «*разрыва непрерывности*», содержательным моментом которого является *вновь возникающее*. В состояниях социальной реальности таковым может являться *смысл*. *История становится выражением самосотворения социальной реальности через смыслопорождение*. Л.И. Шестов определил творческий способ перманентного установления человеком оснований бытия в

единстве со всем сущим как «закон *полной безоосновности*» человеческой жизни.

Трактовка целостности как всеединства различных реалий повлияла на исследование *оснований* или *факторов социально-исторического развития* в русской философии истории, социологии и исторической науке. Полученные результаты свидетельствуют о признании *многофакторности* исторического развития и в разной степени преодолевают редукционизм и схематизм в понимании оснований и движущих сил исторического развития. Все факторы множества, по мнению историка М.М. Ковалевского, совершенно равноценны, хотя в различных ситуациях на первое место могут выдвигаться отдельно религия, политика, экономика. Схему многофакторной одновременности можно обнаружить у Л.П. Карсавина. Он указывает на одновременное *синергетическое* действие множества факторов, подчеркивая бесчисленность причин, невозможность и несущественность причинного объяснения в истории. Называя стихией истории душевность, а предметом истории – «социально-психическое развитие всего человечества»¹, он подчеркивает духовное единство исторических индивидуальностей. Именно духовная связанность человечества во всех проявлениях его деятельности обеспечивает развитие *целостности* и позволяет определять его *закономерности*.

В.О. Ключевский называл три основные исторические силы людского общежития – личность, людское общество и природу страны. Каждая из них «вносит в состав общежития свой запас элементов, или связей, в которых проявляется ее деятельность и которыми завязываются и держатся людские союзы»². Уникальность истории конкретного народа историк объясняет развивающимся разнообразием социальных сочетаний элементов общежития. У «неокантианца» В.М. Хвостова много сходных мест в интерпретации движущих сил исторического процесса с «позитивистом» Ключевским и «евразийцем» Карсавиным. На основе многофакторности и многосторонности исторического процесса «критический позитивист» П.Н. Миллюков создает новое направление в исторической

науке – *культурную историю*. Представитель «субъективной школы» П.Л. Лавров считает важнейшим фактором преобразования культуры *мысль*. Мысль целостна, неделима, ее рождение всегда обусловлено всей целостностью ситуации в данный момент («настоящим») и синергетическим эффектом – совместной и одновременной энергетикой всех факторов или наличием многого в одном.

Даже российские марксисты, оставаясь приверженцами детерминации одного фактора в динамике социальной реальности, показали *многокомпонентность* этого, экономического, фактора, включив в него отношения обмена в обществе. Этот фактор рассматривался ими как испытывающий одновременное влияние демографического, географического и геополитического. Кроме того, наблюдается отход от жесткой обусловленности «надстройки» экономическим «базисом» в теории отечественных марксистов. Отмечается обратное воздействие «надстройки» на экономический «базис», влияние на него идеологического, психологического и других составляющих.

Исследование факторов исторического процесса в СССР не получило творческого продолжения, оказавшись в тисках идеологической доктрины марксистского толка. Однако оно не прекратилось за пределами марксистской парадигмы. А.Л. Чижевский выявил *физические компоненты* исторического процесса. Они накладываются на экономические, политические, психические и другие. Идею планетарного характера *научной мысли* отстаивал В.И. Вернадский. «Взрыв» научной мысли в XX столетии, с его точки зрения, подготовлен всем прошлым биосферы. В свою очередь, научная мысль вызвала трансформацию биосферы в *ноосферу* – новое качественное состояние Мироздания. Л.Н. Гумилев в концепции этногенеза отразил совместное действие всех возможных факторов, вызывающих преобразование континуального образования, – «географическая среда – человек – этнос (социум) – космос» – через *энергетические* характеристики, согласованные с временными, пространственными и информационными.

Отказ от метафизических оснований, таких, какими они понимались в классическом рационализме, допускавшем иерархическую дискретность Мироздания, социума, и означал признание их одухотворенности, высшей формой проявления которой выступает смыслопорождение. Творческие акты, являющие новизну мира, каждый раз завершают историю и одновременно возобновляют ее, но уже в новом качестве, через конституирование иной целостности Мироздания–Социума–Человека. История мыслится нелинейной и многовариантной. Её цели становятся постоянно творимыми в импульсивно изменяющемся мире. В этой связи идея линейного прогресса подверглась критике и пересматривалась. Так, К.Н. Леонтьев усматривал прогрессивное развитие общества (как и всякой социальной или природной реалии) только на стадиях «первичной простоты» и «цветущей сложности» их бытия. На стадии же «вторичного смесительного упрощения» «прогресс» ведет общество к гибели. Отсюда трудно оценивать динамику как прогрессивную, когда какая-то конкретная реальность должна полностью погибнуть, чтобы на ее месте возникла совершенно новая, возрождая по-новому все, что было. Если это прогресс, то прогресс совершенно иного рода, по сравнению с линейным.

Н.Я. Данилевский, Н.К. Михайловский и др. считали, что биологический и социальный прогресс возможен, если действует *закон борьбы за индивидуальность*. Усреднение, нивелировка индивидуальностей упрощают все целое, снижают его креативный потенциал и убивают жизненные силы. Для Н.А. Бердяева «учение о прогрессе есть неоправданное ни с научной, ни с философской, ни с моральной точки зрения обоготворение будущего за счет настоящего и прошлого»³, ведь идея прогресса покоится на допущении *постоянства условий* осуществления исторического развития, отсутствия событийности в динамике социальной реальности.

Теоретики истории в значительной степени преодолевают установки наивного онтологизма в понимании прогресса. Представители «субъективной школы» указывали на

возможность выбора различных критериев прогресса, а Р.Ю. Виппер прямо называет идею прогресса продуктом творчества историка. Л.П. Карсавин писал о недоказуемости прогресса. В то же время он подчеркивал неповторимую ценность теории прогресса, являющуюся «умаленным моментом всеединства». Опираясь на достижения российских философов в понимании целостности истории, *прогресс* можно помыслить как *возрастание, уплотнение и усиление глобальной связанности и информационной насыщенности Универсума духовным «капиталом»*. Духовный потенциал – сокровищница объективированных форм сознания, который презентует нечто, когда-то случившееся и одновременно актуализирующееся и сплавляющееся с активностью человечества в различных сферах жизни. В этом смысле *глобальная история – это состояния новообразований в жизни человека, общества, Универсума, включающие все, что было, есть и будет во всех возможных измерениях*.

Актуальным является вопрос кризиса исторического метарассказа, макроистории. Драматизировать ситуацию и связывать ее с нарастанием дезинтеграционных тенденций в обществе (иначе – распадом целостности) вряд ли стоит, исходя из целостности глобальной истории. Н.Е. Копосов утверждает, что нет смысла доказывать невозможность микроистории без макроистории, так как они презентативны. Подобный подход давно оформился в русской исторической мысли. Глобальная (всемирная история) – «историческое целое» (А.С. Лаппо-Данилевский) состоит из всего многообразия историй национальных и локальных. Причем единство в целом «существует не за счет всех или в ущерб им, а в пользу всех», «истинное единство сохраняет и усиливает свои элементы, осуществляясь в них как полнота бытия» (В.С. Соловьев). Осмысление в дореволюционной исторической науке нарастающего всеединства человечества в истории выражается в экспликации вопроса о влиянии иностранных заимствований, в разработке вопроса о самобытности и своеобразии русской истории, в спорах о ее включенности в мировую. Отсюда становятся понятными многие

противоречия и парадоксы отечественной историографии: почему «западник» П.Н. Миллюков разрабатывал «теорию контрастов» в историческом развитии России и Европы, а «западник» А.И. Герцен стал родоначальником концепции «крестьянского социализма» в России.

Современный глобалистский подход к осмыслению всемирной истории может базироваться на различных понимании и трактовке целостности. Глобалисты (мыслящие в духе классической «идеи истории») интерпретируют развитие истории с точки зрения стандартов западной цивилизации. Они не в меньшей степени провоцируют эскалацию национализма, фундаментализма, экстремизма, терроризма, чем антиглобалисты, отстаивающие своеобразие истории каждого народа. Выход из этой ситуации возможен в предлагаемом отечественными мыслителями

понимании целостности всемирно-исторического процесса, не признающего оценки государств, культур и народов по степени совершенства и не элиминирующего индивидуальное, инаковое, самоценное, непохожее. Открытый, многомерный и неопределенный, он мыслится как единство всех многообразных взаимодействующих модусов. Каждый из них реализует свою социальную конституцию, имеет свой смысл и свою динамику. **Глобальная история представляет собой пеструю, мозаичную, самоорганизующуюся единую картину Целого.**

Примечания

¹ Карсавин Л.П. *Философия истории* / Л.П. Карсавин. СПб., 2003. С.97–98.

² Ключевский В.О. *Русская история: полный курс лекций*: в 3 т. Т. 1 / В.О. Ключевский. Минск, 2003. С.16.

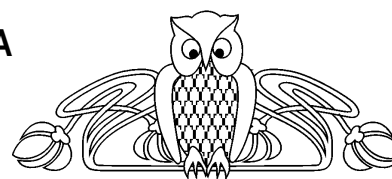
³ Бердяев Н.А. *Смысл истории. Новое средневековье* / Н.А. Бердяев. М., 2002. С.183.

УДК 1 (430)+929 Ницше

Ф. НИЦШЕ: КРИТИКА РАЦИОНАЛЬНОГО ГУМАНИЗМА

А.Д. Кампос

Саратовский государственный университет
E-mail: dioniszagrey@mail.ru

Цель статьи – проанализировать критику Ф. Ницше рационального гуманизма. Ницше полагает, что рациональный гуманизм заводит западный мир в тупик. Его отрицательное влияние заключается в подавлении волевых потенций человека, его духовном порабощении. Следствием этого становятся тоталитарные идеологии и режимы.

Ключевые слова: философия Ницше, рационализм, гуманизм, проект Просвещения.

F. Nietzsche: the Critic of Rational Humanism

A.D. Campos

The primary goal of this article is analysing Nietzsche's critics of rational humanism. Nietzsche believes that rational humanism is the deadlocking way of Western world. Its negative influence interferes with realisation of strong-willed potentialities of the person, enthrals him. The natural results of such situation are totalitarian ideologies and modes.

Key words: Nietzsche's philosophy, rationalism, humanism, Enlightenment.

Западноевропейский рационализм в эпоху Нового времени принимает облик научной рациональности. Соединяясь с гума-

низмом как мировоззренческим вектором становящегося буржуазного общества, он дает жизнь новому феномену – рациональному гуманизму, в котором *ratio* отражает инструментальный, а *homo* – мировоззренческий аспект. Таким образом, как будет показано в работе, в эпоху Просвещения гуманизм, поглощенный, если не сказать, зараженный вирусом научной рациональности, превращается в средство преобразования общества, порабощения человека и потому выступает объектом критики Ф. Ницше.

Хотя исторически эпоха Просвещения является частью Нового времени и базируется на определенных идеях, свойственных этому историческому этапу, следует заметить, что предметная область медитаций философов Просвещения несколько отличалась от нововременной уклоном в сферу социальной и этической проблематики.

В целом рационально-гуманистический «проект Просвещения» сводится к следующим положениям: 1) в своем поведении человек должен руководствоваться разумом, сдерживая порывы и аффекты («волнения утомляют, ослабляют нас»¹); 2) законы морали имеют человеческое, а не божественное «происхождение» и потому должны быть разумны и точны; 3) элиминация чувственно-эмоционального, внерационального позволит человеку реализовать свою свободу; 4) разумность души человека определяет его будущее: стать «господами и властителями природы»²; 5) механистическая картина мира фактически универсальна; 6) природа поддается исчислению: формализация и математизация позволяют повсюду находить «какой-либо порядок или меру»³; 7) вера в прогресс разума (который обеспечит прогресс социальный, нравственный) основана на любви к человеку, достойному быть свободным: необходимо освободить человечество, чтобы дать ему возможность совершенствоваться («уничтожение неравенства между нациями, прогресс равенства между различными классами каждой, наконец, действительное совершенствование человека», – таким видится будущее Ж.А. Кондорсе⁴); 8) требование равенства как требование здравого смысла (равенства в способностях, потребностях, поэтому каждый достоин счастья): природное равенство должно определять социальное равенство; 9) критика церкви, феодализма, деспотизма и частной собственности как залог успешного, гуманного исправления и переустройства мира (исправление виделось в нескольких вариантах: как возвращение к первозданной идиллии или как обретение свободного гражданского состояния); 10) функция просвещения – освободить разум (избавить человека от предрассудков, научить пользоваться разумом самостоятельно, без подсказок и указаний со стороны), воспитать человека, стремящегося к познанию законов природы и преобразованию социальной реальности; 11) оценка силовых параметров, потенциала знания в этических категориях (знание трактуется как сила и оценивается как благо); 12) гуманно то, что идет на пользу человеку, ему во благо, а

именно: процесс и практические результаты применения разума; 13) переустройство общества виделось условием/результатом совершенствования человека: рациональная реконструкция общества должна осуществиться либо «сверху» – усилиями просвещенного монарха, либо «снизу» – силами освобожденного от предрассудков народа (но ни в коем случае не путем анархистских переворотов); 14) исторический оптимизм просветителей в эпоху совершеннолетия (по Канту) разума был фундирован идеями разделения властей, теориями естественного права, концепциями общественного договора.

Отношение Ницше к гуманизму вообще и гуманизму, инспирированному духом рациональности, явно негативно. Рациональный гуманизм изначально антропоцентричен: подразумевает учение о любви к человеку, понятому именно как смысл и ценность мироздания. Это учение синтезирует в себе идеи гуманизма как любви к человеку, антропоцентризма и рационализма как средства удержания центрального положения человека в мире.

Недоверие к тому, что дается непосредственно, и доверие к тому, что осознается, с легкой руки Декарта ложатся в основу новой трактовки свободы. Некритичный и абсолютистский по сути антропоцентризм европейской цивилизации вкупе с редукцией человека к одному только разуму привели к трактовке свободы как рационализации, контроля (над окружающим миром, социумом, аффектами). Свободен тот, кто контролирует.

Человек, начиная с эпохи Нового времени, это «абсолютизированное сознание субъекта»⁵. Но *свободное* подчинение абстрактному разуму, контроль сознания над всей совокупностью проявлений человека, по Ницше, вовсе не составили оптимальную «программу» жизни. В этой связи он решается «философски дискредитировать *сознание* как основу ориентации человека в мире»⁶. Человека необходимо *освободить*, но освободить как раз от репрессивного действия сознания. Однако такой акт милосердия вовсе не входил в «проект Просвещения».

Разглагольствования же о *любви* к человечеству не вызывают у Ницше ничего, кро-

ме чувства неловкости за лицедейство. Учитывая опыт постпросветительских будней, Ницше не считает возможным для свободных умов, «продолжая играть в порядочность, лезть на человечество со своей похотью»⁷. Просветительский азарт, с которым гуманисты стремятся насильно облагодетельствовать человечество, по мнению Ницше, губителен и выражает лишь желание им владеть и манипулировать.

За осуществлением главных просветительских идей (прогресса, гуманизации, демократизации европейской цивилизации) следует, по Ницше, «чудовищный физиологический процесс <...> взаимоуподобления европейцев», селекция человека-приспособленца, «возникновение полезного, трудолюбивого, на многое пригодного и ловкого стадного животного “человек”»⁸. Для Ницше такой проект сродни христианскому: усмирить человека, запугать и повести раба вперед к светлому будущему под неизменными лозунгами «свободы и равенства». И потому он взыскует мужество, но не то мужество пользоваться своим разумом, о котором писал Кант⁹, характеризуя эпоху Просвещения, а *мужество инстинктов*, утраченное в эпоху рационального гуманизма¹⁰. С нашей точки зрения, Ницше потому и не приемлет ни идеала христианского аскетизма, ни просветительского рационализма, что господство подобных учений препятствует возникновению человека «мощного типа».

Однако заметим, что естественность, упоминаемая философом, не имеет отношения к той идиллической «природе», об отдалении от которой сетует Руссо. Подобная замена утраченного христианского рая на утраченную естественность, к которой с необходимостью вернуться люди, вскрывает рациональность и социальную востребованность такой «идиллии».

«Проект Просвещения», основывающийся на рациональности как одной из своих фундаментальных характеристик, задал вектор развития европейской культуры. Превознесение рациональности классического типа (нововременной и просвещенческой) оборотной стороной имело, согласимся с В.С. Швыревым, игнорирование «сложностей взаимо-

отношений рационального и иррационального в сознании и жизнедеятельности людей»¹¹, что означает утверждение тотального господства рациональности в познавательной и социальной сферах.

Критика Ф. Ницше идеалов и принципов Нового времени и Просвещения фактически положила начало рефлексии кризиса концепции рационального гуманизма (хотя, безусловно, и сами просветители, и их младшие современники – Г.В.Ф. Гегель, например, осознавали спорность и неоднозначность некоторых идеологем Просвещения и Нового времени).

И все же отношение Ницше к просветителям было двояким: с одной стороны, «позитивистский» период его творчества связан с именем Вольтера, которому он посвящает одну из своих работ, с другой стороны, сам дух Просвещения с его «гиперрационализмом, с требованием перекроить реальность, исходя из принципов человеческого разума, которому якобы все доступно»¹², вызывает у немецкого философа идиосинкразию.

Условием реализации «проекта Просвещения» Кант четко назвал свободу. Несмотря на то, что рациональный гуманизм явил собой антропоцентристское мировоззрение, основоположенное идеей формирования свободной нравственной личности средствами разума, его формирование оставило нерешенной антиномию – свобода в обществе или свобода во благо общества. Нерешенность этой проблемы увела гуманистическую мысль эпохи Просвещения в сферу подчинения человека разумно устроенному обществу (М. Фуко, задавая вопрос «что такое Просвещение?» и анализируя ответ Канта, замечает, что у последнего состояние несовершеннолетия определяется «формулой “повинуйся и не рассуждай”», а совершеннолетия – формулой “повинуйся и рассуждай”»¹³). Постановка вопроса о соотношении свободы суждения и повиновения в рамках публичного применения разума выводит весь дискурс Просвещения, с нашей точки зрения, на уровень политического.

Проведем анализ отношений политико-правовых категорий «воля всех» и «общая воля» (Руссо), с одной стороны, и «публич-

ное» и «частное применение разума» (Кант) – с другой. По Канту, публичное применение разума касается вопросов «внеслужебных», а частное – вопросов службы¹⁴. Поэтому первая ситуация требует свободы, а вторая – повиновения, послушания, выполнения обязательств. Руссо же интересуется выполнением социальных ролей: человек как частное лицо, представляющее свои частные интересы, должен быть свободен в выражении своей воли (которая есть структурная единица «воли всех»). А как «гражданин», включенный в политическую жизнь государства, он ограничен в своем частном интересе и выражает общие интересы, «общую волю»¹⁵. Так проявляется репрессивность «разумного» мироустройства. Человек может проявлять сколько угодно свою свободу суждения, но как только дело коснется интересов общества и государства, всякому гражданину придется повиноваться.

И даже в условиях столь ограниченной свободы «проект Просвещения» как попытка самостоятельной реализации рационального потенциала человека может быть осуществлен. Но празднование «совершеннолетия» в эпоху Просвещения подготовило-то успех «подросткового бунта» разума в эпоху Возрождения. Возникает вопрос: почему Ницше в таком случае не критикует дух Возрождения, предопределившего нововременной расцвет разума, а обрушивается только на Просвещение?

Ренессанс, по Ницше, был эпохой сильных, мощных натур, недаром редкий случай рождения сверхчеловека немецкий философ находит именно среди представителей итальянского Возрождения. Дух Ренессанса не мешал черни оставаться чернью, а людям одаренным – развиваться и совершенствоваться. В то время как Новое время и Просвещение признали равенство людей – политическое, а порой и социальное. В учении рационального гуманизма идея равенства людей достигла апогея развития (уже не только перед Богом, но и перед лицом друг друга). Демократизм, по Ницше, представляет собой стыдливое признание того, что «в сущности, мы все скопом своекорыстные скоты и чернь»¹⁶. Поэтому-то Вольтер, «аристократ, сторонник

победоносных господствующих классов», борец «за интересы вкуса, науки, искусства» противопоставляется Фридрихом Ницше Жан-Жаку Руссо (жневский гражданин кажется ему воплощением болезненности, злопамятности, плебейской вульгарности и ничтожности духа)¹⁷.

Резюмируя, заметим, что «шантаж Просвещения» (Фуко), то есть неразрешимость вопроса о реализуемости «проекта Просвещения», по-прежнему актуален. Продуктивность многих идеологем Просвещения до сих пор обсуждается, и они все еще имеют весьма авторитетных сторонников. Одним из краеугольных моментов в подобного рода обсуждениях, длящихся более двух веков, стал вопрос о критичности проекта. Первый лагерь образован философами, убежденными в отсутствии критического потенциала дискурса Просвещения, его монологичности и некоей тоталитарности. Сюда относят критиков Просвещения М. Хоркхаймера и Т. Адорно, а также другого представителя франкфуртской школы – Г. Маркузе. В работе «Разум и революция: Гегель и становление социальной теории» (1941) последний полагает, что тоталитаризм и трагедии фашизма (к идеологам которого причисляют порой и Ницше) инспирированы вовсе не Гегелем, а позитивизмом, являющимся продолжателем традиций Просвещения.

Второй лагерь (Фуко, например) придерживается идеи ценности именно критического потенциала проекта, продуктивности критического опыта вопрошания. Примечательно, что Ф. Ницше, критиковавший рациональный гуманизм Нового времени и Просвещения, по сути шел по следам критики просветителей. Ведь большинство объектов критики Ницше совпадает с просветительскими (церковь, зашоренность разума, ограниченность, предрассудки и пр.) с той лишь разницей, что Ницше обрушивается и на осуществленную просветителями десакрализацию, обвиняя их в трансформации религиозного мистицизма, в замене христианства религией разума при сохранении самой сути учения – любви к человеку¹⁸. Ницше же отстаивает *любовь к жизни*.

Таким образом, рациональный гуманизм становится объектом критики Ф. Ницше именно по той причине, что научная рациональность поглотила гуманизм, превратила его в инструмент порабощения человека. Фатальная логика Просвещения привела к саморазрушению разума, в том смысле, что он разрушил саму гуманность, перечеркнув более чем тысячелетнюю традицию философской концептуализации человечности. Разум здесь оказался востребованным лишь в качестве инструментального, как орудие подчинения природы и инстинктов, а значит – и человека.

Примечания

- ¹ Руссо Ж.-Ж. Письмо д'Аламберу о зрелищах / Ж.-Ж. Руссо // Избр. соч.: в 3 т. / Пер. с фр. М., 1961. Т.1. С.111.
- ² Декарт Р. Соч.: в 2 т. / Р. Декарт; пер. с лат. и фр.; под ред. В.В. Соколова. М., 1989. Т.1. С.286.
- ³ Там же. С.90.
- ⁴ Кондорсе Ж.А. Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума / Ж.А. Кондорсе; пер. с фр. М.: Л., 1936. С.149.
- ⁵ Манхейм К. Диагноз нашего времени / К. Манхейм; пер. с нем.; под ред. Я.М. Бергера. М., 1994. С.63.
- ⁶ Шадрин Л.Н. Контуры нового гуманизма / Л.Н. Шадрин // Цивилизационный подход к концепции человека и проблема гуманизации общественных отношений / Под ред. С.Э. Крапивенского. Волгоград, 1998. С.228.

УДК 316.32

НРАВСТВЕННОСТЬ В ПОЛИТИКЕ: СОЦИАЛЬНО-РЕЛИГИОЗНЫЕ КОНТЕКСТЫ РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ

М.О. Орлов

Саратовский государственный университет
E-mail: orok-saratov@mail.ru

Вопрос о соотношении морали и политики имеет глубокие корни. Практически все мыслители, рассматривавшие политический процесс, так или иначе этого вопроса касались, делая, однако, совершенно различные выводы. Соотношение нравственности и политики особенно актуально в мире современных социальных изменений.

Ключевые слова: русская философия, глобализация, социальная динамика, социокультурные изменения.

Moral in Politics: Social and Religious Contexts of Russian Philosophy

М.О. Orlov

The question of moral and politics correlation has a deep background. All philosophers, who studied political process, made different conclusions. The correlation of moral and politics is very important problem in the world of modern social changes.

Key words: russian philosophy, globalization, social dynamics, social and cultural changes.

⁷ Ницше Ф. Соч.: в 2 т. / Ф. Ницше; пер. с нем.; составление, редакция изд., вступ. ст. и примеч. К.А. Свасьяна. М., 1990. Т.1. С.703.

⁸ Там же. Т.2. С.361.

⁹ См.: Кант И. Ответ на вопрос: что такое Просвещение? / И. Кант // Соч.: в 6 т. / Под общ. ред. В.Ф. Асмуса, А.В. Гулыги, Т.И. Ойзермана. М., 1966. Т.6. С.27.

¹⁰ См.: Ницше Ф. Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей / Ф. Ницше; пер. с нем. М., 2005. С.90.

¹¹ Швырев В.С. Рациональность как ценность культуры. Традиция и современность / В.С. Швырев. М., 2003. С.5.

¹² Гайденок П.П. Человек и история в экзистенциальной философии Карла Ясперса / П.П. Гайденок // Ясперс К. Смысл и назначение истории / К. Ясперс. 2-е изд. М., 1994. С.19.

¹³ Фуко М. Что такое Просвещение? / М. Фуко // Интеллектуалы и власть: Избр. политические ст., выступления и интервью / Пер. с фр.; под общ. ред. В.П. Визгина и Б.М. Скуратова. М., 2002. Т.1. С.342.

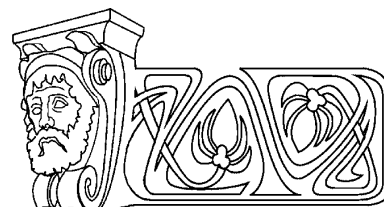
¹⁴ См.: Кант И. Указ. соч. С.29.

¹⁵ См.: Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре. Трактаты / Ж.-Ж. Руссо; пер. с фр. М., 1998. С.219.

¹⁶ Ницше Ф. Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей. С.410.

¹⁷ Там же. С.79.

¹⁸ См.: Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне: двенадцать лекций / Ю. Хабермас; пер. с нем. М., 2008. С.34.

Тема соотношения нравственности и политики была чрезвычайно актуальна практически на протяжении всей человеческой истории, однако воистину актуальной и востребованной она стала в XX и в начале XXI века. История, как это заметил ещё В.С. Соловьёв, всё более ускоряет свой бег, стремясь к, возможно, уже близкому итогу, и сейчас, когда мир стоит на пороге новой серии великих перемен и потрясений, насущно необходимо понять: правильны ли (т.е. нравственны ли) цели, которые ставят перед собой современные государства и политики, а если пра-

вильны, то оправданы ли с моральной точки зрения средства, применяемые для их достижения?

Можно выделить три основных взгляда на данную проблему. Приверженцы первого считают, что мораль и политика между собой совершенно не связаны. Такой точки зрения придерживались, например, Н. Макиавелли в «Государе» и Т. Гоббс в «Левиафане», утверждавшие, что мериллом политической деятельности служит не нравственность, а лишь эффективность. Таким образом, даже если какие-либо политические приёмы аморальны, они допустимы как ведущие к достижению поставленной цели.

Представители второго утверждают примат политики над моралью, или, точнее, отождествляют политику с моралью; хотя, например, И. Кант не мог представить себе «политического моралиста»². В качестве примера можно вспомнить такую одиозную фигуру, как С.Г. Нечаев, который в своём знаменитом «Катехизисе революционера» прямо говорил, что морально «всё, что способствует торжеству революции. Безнравственно и преступно всё, что мешает ему»³. Сходных взглядов придерживался В.И. Ленин и многие другие революционеры. Вообще, подобные идеи часто бывают характерны для политических учений мессианской направленности: например, сейчас подобная точка зрения характерна для русских неоевразийцев.

Придерживающиеся третьей точки зрения полагают, что политика должна находиться в безусловном подчинении морали и любые политические действия (равно, как и все прочие действия) обязаны быть жёстко обусловлены нравственными нормами. Причём последние неизменны и не зависят от ситуации, напротив, она должна зависеть от них. Как замечал И. Кант, который был сторонником именно этой концепции: «Истинная политика не может сделать шага, не присягнув заранее морали...»⁴.

Ярким представителем такой позиции был и В. Соловьёв, утверждавший нравственную основу всех проявлений человеческого и не только человеческого бытия. Политика, в его представлении, определяется

теми же нормами нравственности, что и остальные сферы человеческой жизни. А потому Соловьёв в своём учении рассматривает различные аспекты политической деятельности с тех же моральных позиций, что и деятельность отдельного человека.

Политика – весьма многогранное понятие, по-разному определяемое различными мыслителями. Термин для обозначения этого понятия был введён в оборот Аристотелем в его трактате «Политика», и понимался им как учение о государстве и государственном правлении. На наш взгляд, это толкование наиболее адекватно, а кроме того, так рассматривал проблему Соловьёв, учение которого мы разбираем. В философии Соловьёва государство как форма организации человеческого общества подпадает под действие тех же нравственных норм, что и отдельный человек, что неудивительно, ибо любое общество, в том числе государство, понимается Соловьёвым как «расширенная личность»⁴. Однако у нравственного содержания государства есть и особенности: государство, по Соловьёву, есть «собираательно-организованная жалость», ибо основным смыслом его существования является защита слабых и обиженных (защита мирных граждан от преступников и воинственных соседей, помощь людям во время различных бедствий и т.п.). Причём этот мотив жалости как определяющего императива государственной власти появляется ещё на заре русской философии, у Илариона, который провозглашает идеал власти, восхваляя князя Владимира: «Ты стал обиженным заступником, бедным – обогащением»⁵. В целях обеспечения этой защиты государство может, а часто просто обязано прибегать к определённой мере насилия. Пока этические идеалы не стали неотъемлемой частью человеческих сердец, оно необходимо как внешний ограничитель человеческой свободы, которая, не имея нравственного руководства, может вести ко злу.

Соловьёв выделяет как наилучший тип государства – христианское. Жалость как его главная нравственная основа свойственна любому государству. Так, императив жалости проявлялся ещё в дохристианских государствах Древнего мира. Отличие христиан-

ского государства от языческого, по Соловьёву, состоит в том, что язычники ошибочно полагали, что нравственное значение государства заключено в нём самом; в действительности же государство, как и любое другое тело, индивидуальное или собирательное, «не имеет своей жизни от себя, а получает её от живущего в нём духа <...> Совершенное же тело есть то, в котором живёт Дух Божий. Поэтому христианство требует от нас не того, чтобы мы отрицали или ограничивали полновластность государства, а чтобы мы вполне признавали то начало, которое может дать государству действительную полноту его значения, – нравственную его солидарность с делом царства Божия на земле, при внутреннем подчинении всех мирских целей единому Духу Христову»⁶. Кроме того, христианское государство должно находиться в теснейшей связи с другой, высшей, частью организации собирательного человека – с Церковью.

Церковь и государство – это части одной богочеловеческой организации. Между Церковью и государством существует своего рода разделение труда: Церковь занимается духовной сферой человеческой жизни, а государство создаёт нормальные условия для её физического существования и обеспечивает безопасность и комфортную среду для свободного развития всех и каждого. По Соловьёву, нормальное отношение между Церковью и государством состоит в том, что оно признаёт за вселенской Церковью принадлежащий ей высший духовный авторитет, обозначающий общее направление доброй воли человечества и окончательную цель её исторического действия, а Церковь предоставляет государству всю полноту власти для соглашения законных мирских интересов с этой высшей волей и для сообразования политических отношений и дел с требованиями этой окончательной цели, так чтобы у Церкви не было никакой принудительной власти, а принудительная власть государства не имела никакого соприкосновения с областью религии.

Задача государства состоит в том, чтобы удерживать зло в некоторых границах, пока человечество не дорастёт до окончательного

и сознательного выбора между абсолютным добром и абсолютным злом. Однако такое принудительное действие должно ограничиваться вполне конкретными пределами: «Правило истинного прогресса состоит в том, чтобы государство как можно менее стесняло внутренний нравственный мир человека, предоставляя его свободному духовному действию церкви, и вместе с тем как можно вернее и шире обеспечивало внешние условия для достойного существования и совершенствования людей»⁷.

Нравственность, по Соловьёву, важна не только внутри государства, но и в отношениях между государствами и нациями. В национальном вопросе действуют те же принципы, что и в отношениях между отдельными людьми. Национализм является аналогом эгоизма.

В своих рассуждениях о национальном вопросе Соловьёв резко критикует две противоположные точки зрения на эту проблему: космополитизм и национализм. Они справедливы лишь в отрицании друг друга. Так, космополитизм прав, критикуя национализм за ограничение действия универсального нравственного закона национальными рамками. А национализм прав, критикуя космополитизм за его пренебрежение к национальности и национальному. Однако во всём остальном эти учения ложны.

Ложь космополитизма состоит в отрицании того, что уважение к нации неотделимо от уважения к человеку, ибо нация как собирательная личность есть непосредственное продолжение индивида. Следовательно, неуважение к национальности есть неуважение к отдельному человеку, являющегося частью этой национальности. Как позднее заметил С.Н. Булгаков, человек есть не бесплотный дух, но воплощённый, а значит он через свою телесность «имеет родовую основу бытия»⁸. Ложь же национализма в том, что он нравственное отношение к человеку обуславливает внешними факторами, в данном случае национальной принадлежностью. Но, с точки зрения универсального, всечеловеческого нравственного идеала, это недопустимо.

Другая неправда космополитизма и национализма состоит в их ложном взгляде на ценностную сущность нации. Если космополитизм отрицает ценность нации вообще, то национализм абсолютизирует ценность какой-либо одной. На самом же деле, нация ценна не сама по себе, а тем вкладом, который она вносит в общечеловеческую цивилизацию – народы в эпохи своего расцвета и величия полагали своё значение, утверждали свою народность не в ней самой, а в чём-то всеобщем, сверхнародном, они живут не для себя только, а для всех.

Соловьёв считал, что каждый народ и каждое государство должны осуществлять христианскую политику, которая в области международных отношений заключается в содействии мирному сближению наций и государств. Отношения же между народами должны строиться на Христовой заповеди о любви к ближнему, распространяемой на международные отношения. Высший нравственный идеал требует, чтобы мы любили всех людей, как самих себя, но так как люди не существуют вне наций (как и нация не существует вне отдельных людей), и эта связь сделалась уже нравственной, внутренней, а не только физической, то отсюда следует, что мы должны любить все нации, как свою собственную. И это правило позволяет добиться не только совершенных отношений между народами, но и совершенного патриотизма, ибо не может быть любви к другим народам без любви к собственной нации, как, впрочем, и наоборот.

Обосновывая нравственную допустимость и даже необходимость принуждения внутри государства, с целью защиты граждан от различных антиобщественных посягательств, Соловьёв распространяет ту же точку зрения и на межгосударственные отношения и доказывает, что и в области внешней политики есть определённый этический минимум, осуществление которого должно обеспечиваться силой.

Рассматривая войну с нравственной точки зрения, признавая, что это зло, Соловьёв утверждает, что это зло относительное, которое допускается ради избавления от ещё большего зла и тем самым становится по

отношению к большему злу относительным добром. Так, Соловьёв приводит пример с маленьким ребёнком, выбросить которого из окна есть зло, однако выбросить его из окна, спасая от пожара, есть благо и даже необходимость. Философ писал: «Смысл войны не исчерпывается её отрицательным определением как зла и бедствия; в ней есть нечто положительное – не в том смысле, чтобы она была сама по себе нормальна, а лишь в том, что она бывает реально необходимою при данных условиях»⁹.

Организация войны в государстве есть первый великий шаг на пути к осуществлению мира. И действительно, с помощью войны из мелких государств образуются крупные. Тем самым расширяются зоны мира, ибо основные линии конфликтов проходят по границам различных государств, а поскольку количество государств уменьшается, то и количество конфликтов тоже. Особенно это ясно на примере истории обширных держав (всемирных монархий). Каждое завоевание здесь было распространением мира, то есть расширением того круга, внутри которого война переставала быть нормальным явлением и становилась редкой и предосудительной случайностью – преступным междоусобием. Философ доказывает, что желание утвердить на земле мир и порядок было одним из основных мотивов завоеваний у всех крупных держав, начиная с Ассирии и даже раньше.

Войны имеют большое значение для развития культуры и цивилизации. Например, греко-персидские войны вызвали высокий подъём культуры, а завоевания Александра Македонского и Рима породили тот великий эллино-восточный синтез религиозно-философских идей, который вместе с последующим римским государственным объединением составлял необходимое историческое условие для распространения христианства. И, в конце концов, уверен Соловьёв, с помощью войны будет осуществлено внешнее единство человечества.

Итак, война является необходимым элементом исторического процесса, без которого прогресс человеческого общества был бы невозможен. Тем не менее война является

объективным злом и потому может быть лишь временной необходимостью, нужной до тех пор, пока человечество не достигло такой степени нравственного развития, при которой уже не нужны внешние барьеры, препятствующие распаду человеческого единства. Война была прямым средством для внешнего и косвенным для внутреннего объединения человечества. Разум запрещает бросать это орудие, пока оно нужно, но совесть обязывает стараться, чтобы оно перестало быть нужным и чтобы естественная организация разделённого на враждующие части человечества, действительно, переходила в его нравственную, или духовную, организацию.

У всякого процесса есть определённая цель; такая, по мнению Соловьёва, есть и у политико-исторического процесса, развивающегося с момента появления человека. И цель эта – нравственная. С точки зрения Соловьёва, история (а значит и политика как выражение текущего момента истории) является частью и продолжением процесса космического становления, имеющего своей целью просветление и одухотворения всего и всех. Космический процесс, переходя в исторический, завершается возникновением человеческого вида, после чего берёт начало процесс исторический, который должен завершиться возникновением «человека духовного», полноправного члена Царства Божия. Причём этот телеологический процесс космически-исторического становления довольно жёстко детерминирован. Как замечает В.В. Зеньковский: «весь исторический процесс, по Соловьёву, неуклонно и необходимо (по самой сути его метафизики) ведёт к торжеству добра»¹⁰.

Итак, смыслом и целью историко-политического процесса является создание предпосылок и условий для полного нравственного развития человека и человечества, чтобы, в конце концов, стало возможно установление на земле Царства Правды и Добра. Орудием же для осуществления этой задачи должно стать государство, которое руководствуется определённой религиозной целью. Главная цель государства – это развитие и совершенствование человека и человечества. Хотя само государство не является и не мо-

жет являться частью Царства Божия, его задача – довести человека до его дверей, создать условия, в которых он смог бы дорасти до осознания и свободного принятия (или непринятия) Правды этого Царства.

Исходя из вышеизложенного, можно заключить, что смысл существования государства и его политической деятельности не в том, чтобы осуществить совершенный миропорядок, а в том только, чтобы послужить для него подготовительным этапом. Когда же совершенство будет достигнуто, то государство прекратит своё существование, так как исполнит своё назначение. Впрочем, и сама история в тот момент прекратит бег, достигнув своей цели, мир кончится.

До тех же пор, пока не кончится этот мир, будет продолжаться и существование государства. И, как полагал Соловьёв, пока мир не достиг совершенного состояния в Царстве Божием, человек должен не бежать от государства, а пользоваться им как орудием совершенствования.

Итак, можно сделать вывод о том, что политическая философия Соловьёва является, во-первых, нравственной философией (точнее, её частью), а во-вторых – эсхатологической.

Политическое учение Соловьёва является нравственным, так как все проявления политического бытия, прямо или косвенно, находят своё основание в нравственности. Даже государство, с его точки зрения, суть общественное развитие моральной категории жалости. Все элементы государственно-политической деятельности укладываются в универсальную схему нравственной философии, созданную мыслителем.

Эсхатологической же философией политическое учение Соловьёва можно назвать потому, что все его размышления об историческом процессе (особенно в последние годы жизни) проникнуты апокалипсическими мотивами; недаром А.Ф. Лосев называл Соловьёва философом «нового русского апокалипсического мироощущения»¹¹. Весь исторический и политический процесс у Соловьёва встроен в единый поток космической эволюции, начало которой положил акт Божественного творения, и которая теперь

стремится к своему завершению, то есть к концу мира. Признаком же приближения конца мира философ полагал очевидное ускорение темпов течения истории.

В настоящий момент, когда бег истории ускорился многократно и человеческое сознание часто не успевает за бурно меняющейся действительностью, когда в обществе образовался определённый идейный вакуум и многие теряют нравственные ориентиры в том, что происходит с ними, со страной, с миром, философское наследие Владимира Соловьёва может оказаться необходимым.

Статья подготовлена в рамках аналитической ведомственной программы «Развитие научного потенциала высшей школы (2009–2010 гг.)» (проект № 2.1.3 / 6499).

Примечания

- ¹ Кант И. К вечному миру. Философский проект / И. Кант // Собр. соч.: в 8 т. М., 1994. Т.7. С.40.
- ² Нечаев С.Г. Катехизис революционера / С.Г. Нечаев // История терроризма в России в документах, биографиях, исследованиях. Ростов н/Д., 1996. С.48.
- ³ Кант И. К вечному миру. С.49.
- ⁴ Соловьёв В.С. Оправдание Добра / В.С. Соловьёв // Соч.: в 2 т. М., 1990. Т.1. С.286.
- ⁵ Иларион Киевский. Слово о Законе и Благодати / Иларион Киевский // Русская идея / Отв. ред. М.А. Маслин. М., 1992. С.36.
- ⁶ Соловьёв В.С. Оправдание Добра. С.531.
- ⁷ Там же. С.533.
- ⁸ См.: Булгаков С.Н. Нация и человечество / С.Н. Булгаков // Соч.: в 2 т. М., 1993. Т.2. С.645.
- ⁹ Соловьёв В.С. Оправдание Добра. С.464.
- ¹⁰ Зеньковский В.В. История русской философии: в 2 т. / В.В. Зеньковский. Ростов н/Д., 1999. Т.2. С.71.
- ¹¹ Лосев А.Ф. Русская философия / А.Ф. Лосев // Введенский А.И. Очерки истории русской философии / А.И. Введенский, А.Ф. Лосев, Э.Л. Радлов, Г.Г. Шпет. Свердловск, 1991. С.82.

УДК 339.977+005

СПЕЦИАЛИЗАЦИЯ ФУНКЦИЙ ГОРОДА И СЕЛА В ОБЩЕСТВЕННОМ ВОСПРОИЗВОДСТВЕ

В.И. Разумов

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского
E-mail: rvi57@mail.ru

В статье раскрывается постулат, согласно которому город обеспечивает воспроизводство человеческого капитала, а село – воспроизводство населения. Применен системно-кибернетический подход, позволяющий анализировать взаимодействия города и села с помощью моделей гомеостатического типа. Сформулированы предложения по оптимизации баланса данной системы, согласующиеся с реформами в российском обществе в целом. **Ключевые слова:** воспроизводство, гомеостатические модели, город, население, село, реформы.

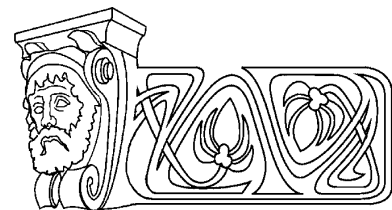
Specialization of City and Village Function in the Social Reproduction

V.I. Razumov

The city provides a human capital reproduction, but the village does the population reproduction. We have applied a system-cybernetic approach to analyze the city-village interaction by means of the homeostatic type model. We present the proposals to optimize the system balance confirming with the reforms in Russian society as a whole.

Key words: reproduction, homeostatic models, city, population, village, reforms.

В качестве темы настоящего исследования обратимся к системообразующей для России оси город–село и, используя кибер-

нетический подход на уровне качественных моделей, обозначим задачу – управление балансом основных ресурсов города и села, учитывая распределение между ними функций общественного воспроизводства.

Человечество выработало две основные исторические формы поселения, связанные с двумя типами укладов – село и город (модификацией последнего является агломерация). Заметим, что эта оппозиция оказалась чрезвычайно устойчивой в течение всего развития цивилизации. Органическая связь воспроизводства человеческого ресурса с воспроизводством хозяйства – основное родовое свойство сельского поселения. Внедрение форм индустриального производства на село может привести к двум результатам. Если это производство отчуждается от домохозяйств (как было в совхозах), возникает новый уклад, практически превращающий село

в разнородность города (недаром говорили о ликвидации различий между городом и деревней при социализме).

Для более тонкого анализа воспользуемся версией системно-кибернетического подхода, развитым в гомеостатике¹. Модель, отражающую баланс взаимодействия хозяйственных укладов и домохозяйств на селе, можно представить в виде компенсационного гомеостата (рис. 1). В ней заложены несколько идей. Две отдельно взятые неустойчивые системы в гомеостате могут соединяться перекрестными обратными связями таким образом, что вместе они образуют устойчивую систему. Регулирование в компенсационном

гомеостате определяется входящими потоками (сельскохозяйственный ресурс, семья), мощностями блоков-преобразователей (традиционный хозяйственный уклад, домохозяйство), а также величиной и качеством (положительная/отрицательная) перекрестных обратных связей². Такие системы способны к самоуправлению, для них можно выделить и проанализировать четыре режима деятельности, определяемые комбинациями двух прямых и обратных положительных и отрицательных связей. Функцией гомеостата как структурной информационной единицы управления является гомеостаз системы.

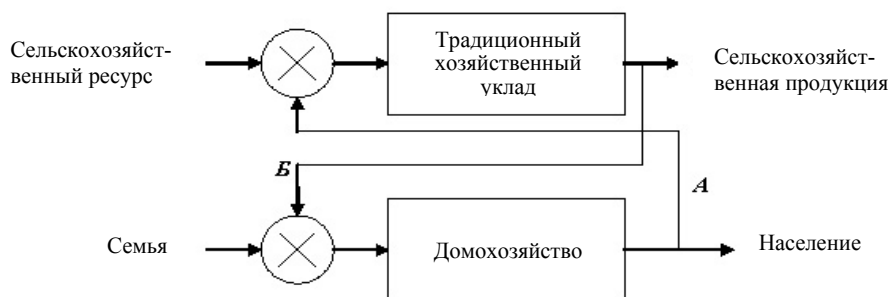

Рис. 1. Компенсационный гомеостат, выражающий устойчивость развития села

В этой модели сельскохозяйственный ресурс перерабатывается в рамках традиционного уклада в сельхозпродукты, а семья через деятельность домохозяйств формирует человеческие ресурсы (население). На производство продукции в рамках данного хозяйственного уклада влияют: население (связь А) и сельскохозяйственный ресурс, а на воспроизводство населения – сельскохозяйственный продукт (связь Б) и семья (см. рис. 1). Характер этого влияния в зависимости от исторических условий может быть различным (табл. 1).

Для России с ее избытком территории наиболее приемлемыми историческими условиями является Столыпинская реформа, хотя это состояние (так же, как и четвертое, реализованное в СССР) является неустойчивым. Может быть, поэтому она и не реализовалась по задуманному П.А. Столыпиным сценарию (а реализованный в СССР выродился в демографическую катастрофу)?

Таблица 1

Характер взаимного влияния воспроизводства населения и форм хозяйственных укладов на селе

Возможные исторические условия	Характер развития села
Население остается на селе и распоряжается продуктами труда (Столыпинская реформа в России)	Интенсивный экономический рост села
Население остается на селе, сельхозпродукция изымается (Россия XIX в. до Столыпинской реформы)	Перенаселение, рост бедности
Население мигрирует из села, домохозяйства распоряжаются продуктами труда (Западная Европа первой половины XX в.)	Урбанизация, богатое село
Население мигрирует в город, сельхозпродукция изымается (СССР, XX в., начиная с индустриализации)	Вырождение села, депопуляция

Основной исторический итог развития городов – появление новых возможностей в организации жилых, общественных, производственных и других функций и, в конце концов, пространственные изменения в образе жизни людей и появление новых хозяйст-

венных укладов. Одним из главных ресурсов, производимых в современных городах, является человеческий капитал, его качество определяется уровнем жизни, образованием, социальным обеспечением и т.д. Человеческий капитал не следует путать с человеческими трудовыми ресурсами. Как раз человеческий ресурс перерабатывается в городе, расходуется, производя, в том числе, человеческий капитал. Увеличивается ценность каждого человека при уменьшении численности населения и ускорении процессов депопуляции. В отличие от традиционного уклада домохозяйство в городе не способно в такой же степени играть роль фактора воспроизводства населения. Эту роль здесь берут на себя градообслуживающая сфера, социальная инфраструктура и культурная среда.

Модель, отражающую баланс взаимодействия в городе производства и социальной инфраструктуры, можно представить в виде компенсационного гомеостата (рис. 2), причем о росте численности населения в городе за счет собственных жителей говорить бессмысленно, поскольку этот рост не стимулируется ни одним из известных факторов. Население любых городов увеличивается за счет миграции. Поэтому имеет смысл говорить не о росте населения, а о росте человеческого капитала. В этой модели уклады современного города (в том числе производственный) перерабатывают одни ресурсы (сырье) в другие (продукты), а социальная инфраструктура, потребляя часть богатств общества, формирует человеческий капитал.

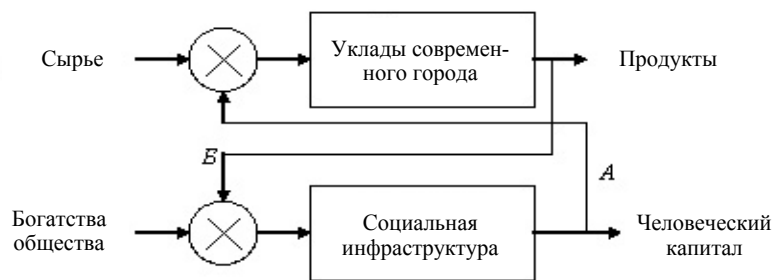

Рис. 2. Компенсационный гомеостат, выражающий баланс взаимодействия в городе производства и социальной инфраструктуры

На производство продукции в рамках городских хозяйственных укладов влияют: человеческий капитал (связь А) и ресурсы, перерабатываемые городом, а на увеличение человеческого капитала – производимый обществом продукт (связь Б) и накопленные в городе богатства (см. рис. 2). Характер этих воздействий в разных исторических условиях может приобретать разные формы (табл. 2).

Для России наиболее приемлем второй вариант развития городов (регулируемый рост) (см. табл. 2). Этот вариант является устойчивым и приводит к минимальным социальным и экономическим издержкам. Исторические условия, которые рассматривались (см. табл. 1, 2), не являются случайными. Каждое из них возникло, как итог применения той или иной государственной политики, той или иной управленческой парадигмы,

Таблица 2

Характер взаимного влияния роста человеческого капитала и производимых ресурсов (продуктов) в городе

Возможные исторические условия	Характер развития города
Рост производимых городом ресурсов и человеческого капитала (Москва и Санкт-Петербург)	Неуправляемый рост города
Изъятие ресурсов из города, рост человеческого капитала (закрытые города, академгородки в Советском Союзе)	Регулируемый рост
Ресурсы остаются в городе, утечка человеческого капитала (регионы с развитой добывающей промышленностью России)	Криминализация, нарастание кризиса
Изъятие ресурсов, утечка человеческого капитала (малые города и поселки городского типа России)	Стагнация, депопуляция

концепции развития общества. В этой связи очень интересна точка зрения, которую высказывал академик Ю.В. Яременко в своих

знаменитых «Экономических беседах»³. Сравнивая экономики СССР и Китая, он очень большое внимание уделял гомеостатическим (хотя и не применял этого термина) процессам взаимного влияния села и города и видел в разрушении деревни одну

из причин разрушения трудового потенциала России.

Для изучения возможных форм взаимодействия ресурсно-демографических процессов на селе и в городе можно применить качественную модель (рис. 3).

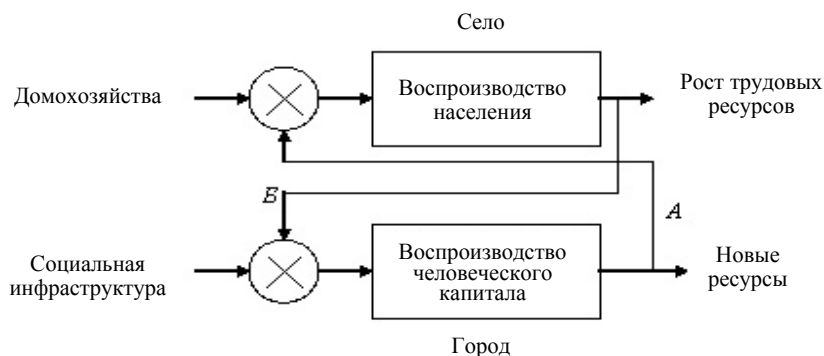

Рис. 3. Компенсационный гомеостат, выражающий баланс движения ресурсов в системе село-город

На рост трудовых ресурсов (численности населения) влияют деятельность домохозяйств на селе и новые ресурсы, производимые в городе (связь А). На качество и количество производимых городом ресурсов влияют степень развития городской инфраструктуры и ситуация с трудовыми ресурсами на селе (связь Б) (см. рис. 3).

Принципиально новый подход к этой проблеме заключается в том, что основной функцией села является не производство сельскохозяйственной продукции (с этой функцией на современном этапе прекрасно справляются индустриальные, т.е. городские уклады на базе новых ресурсов и технологий), а воспроизводство населения нации. Формы взаимодействия села и города характеризуются четырьмя случаями (табл. 3).

Россия сегодня находится приблизительно в том же положении, что и Западная Европа (см. табл. 3). Основная проблема этой группы стран – неуправляемая миграция, потеря национальной идентичности. У России, по сравнению с другими странами, есть то преимущество, что она имеет свободные территории для воспроизводства собственного населения. Если западные страны пошли по единственно возможному для них пути привлечения и адаптации мигрантов, то наша страна имеет дополнительные возможности

Таблица 3
Формы взаимодействия села и города в разных исторических условиях

Возможные условия	Характер развития государства
Рост выпуска продукции в городе и рост населения в деревне (современные Китай, Индия, Бразилия)	Неуправляемый демографический и инвестиционный бум
Рост производства в городе, депопуляция в деревне (Западная Европа, Россия)	Неуправляемая миграция, потеря национальной идентичности
Падение производства в городе, перенаселение деревни (часть стран СНГ, часть африканских стран)	Обострение социальных проблем, криминализация
Падение производства в городе, депопуляция деревни (Россия, Украина в период развала СССР)	Катастрофа, возможный развал государства

организации воспроизводства населения в сельской местности. Проблема России заключается в том, что нация не осознает ни угроз, ни тех преимуществ, которыми может воспользоваться.

Россия сегодня находится приблизительно в том же положении, что и Западная Европа (см. табл. 3). Основная проблема этой группы стран – неуправляемая миграция, потеря национальной идентичности. У России, по сравнению с другими странами, есть то преимущество, что она имеет свободные территории для воспроизводства собственно-

го населения. Если западные страны пошли по единственно возможному для них пути привлечения и адаптации мигрантов, то наша страна имеет дополнительные возможности организации воспроизводства населения в сельской местности. Проблема России заключается в том, что нация не осознает ни угроз, ни тех преимуществ, которыми может воспользоваться.

Каковы же должны быть основные выводы, которые следует сделать относительно политики развития российского города и деревни на современном этапе? Для моделирования вариантов возможных действий можно воспользоваться конструкцией гомеостата регулирования баланса производства в городе и на селе. Обобщив модели (см. рис. 1–3),

получим модель гомеостата (рис. 4). В ней дополнительно к принципам, по которым устроен компенсационный гомеостат, вводится орган локального управления – государство. В блоках-преобразователях выделены подсистемы – город (развитие инфраструктуры, производство ресурсов), село (деятельность домохозяйств, воспроизводство населения). Указан объект воздействия – общество. Кроме перекрёстных обратных связей выделены те, которые соединяют объект с каждым из преобразователей, а также генеральная обратная связь общества и государства. Естественно, такая модель богаче не только в плане анализа, но и для поиска режимов управления системой.

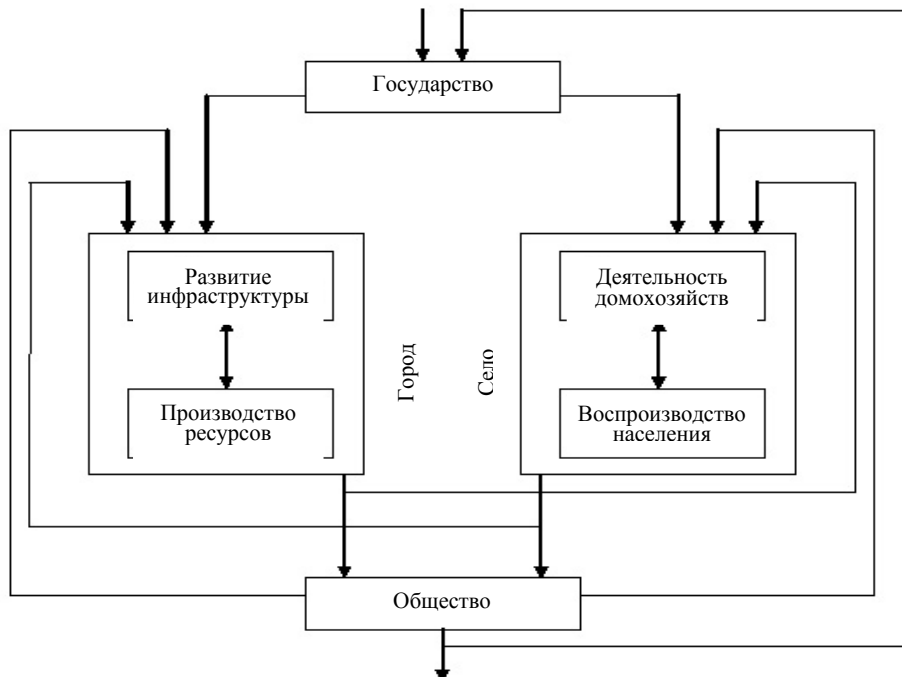

Рис. 4. Гомеостат регулирования баланса воспроизводства общества городом и селом⁴

Анализ связей позволяет смоделировать возможные варианты действий и спрогнозировать их последствия в зависимости от того, какой характер носят прямые и обратные связи, взятые в качестве проводников управляющих воздействий (см. рис. 4). На основании анализа приведенных в статье материалов, обобщенных и отраженных на схеме гомеостата регулирования баланса производства в городе и на селе применительно к России, предлагаются следующие выводы.

Государственные меры по стимулированию рождаемости и снижению депопуляции не принесут ожидаемых результатов, если не будут учитывать изложенные выше взаимосвязи между воспроизводством населения и хозяйственными укладами на селе и в городе. Особенности развития села и города, а также разных типов городов на отдельных территориях России диктуют необходимость формировать индивидуальную политику по отношению к каждому типу поселений.

Следует считать ошибочным узкоутилитарный экономический подход к русскому селу, только как к производителю сельскохозяйственной продукции. Главной функцией села является воспроизводство генофонда нации на базе сельскохозяйственной деятельности, и для реализации этой функции ему нужны меры государственной поддержки. Такие меры должны быть нацелены на приоритетное обеспечение именно этой функции.

Главной функцией города следует считать формирование человеческого капитала на базе развития социальной инфраструктуры, причем в разных типах городов эти задачи должны решаться по-разному. Часть создаваемых в городах ресурсов должна быть законодательно защищена от изъятия в вышестоящие бюджеты и направляться в соответствии с обоснованными нормативами на развитие социальной инфраструктуры. Особенно это актуально для малых и средних городов. Необходимо кардинальное укрепление местного самоуправления.

Развитие сверхкрупных городов должно пойти по регулируемому пути, ограничивающему их рост. Уровень рисков, прежде всего, относящихся к случаям потери управляемости системой, растет в Москве. Нужны кардинальные меры: одной из них может стать определение оптимального по военно-политическому, демографическому, социально-экономическому, экологическому критериям места для новой столицы РФ. Она

должна стать новым источником развития для российского общества, адекватного вызовам XXI в.

Основной вывод, вытекающий из данного исследования, заключается в том, что для отечества (особенно в условиях мирового кризиса) актуализируется проблема смены парадигмы государственного управления территориями. А обществу необходимо изменить устоявшееся понимание задач развития села и города, не соответствующее современному демографическому и этнокультурным вызовам. Вместе с этим требуются кардинальные изменения в социальной, демографической, миграционной и экономической политике относительно поселений разного типа с учетом специфики разных территорий Российской Федерации.

Примечания

¹ См.: Горский Ю.М. Системно-информационный анализ процессов управления / Ю.М. Горский. Новосибирск, 1988; Горский Ю.М. Гомеостатика живых, технических, социальных и экологических систем / Ю.М. Горский, В.И. Астафьев, В.П. Казначеев и др. Новосибирск, 1990; Горский Ю.М. Основы гомеостатики. Гармония и дисгармония живых, природных, социальных и искусственных систем / Ю.М. Горский. Иркутск, 1998.

² См.: Разумов В.И. Категориально-системная методология в подготовке ученых: Учеб. пособие / В.И. Разумов; вступит. ст. А.Г. Теслинова. Омск, 2004. С.190–200; Разумов В.И. Информационные основы синтеза систем: в 3 ч. / В.И. Разумов, В.П. Сизиков. Ч.1. Информационные основы системы знаний. Омск, 2007. С.41–49.

³ См.: Яременко Ю.В. Экономические беседы: запись С.А. Белановского / Ю.В. Яременко. М., 1999.

⁴ Схемы гомеостатов на рис. 1–4 построены совместно с Л.И. Рыженко.

УДК 339.977+005

ВНУТРЕННИЕ ВЫЗОВЫ РОССИИ В КОНТЕКСТЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ «ГОРОД–СЕЛО»

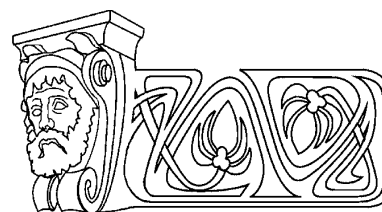
Л.И. Рыженко

Международный институт стратегического проектирования
E-mail: Leonid_ryz@rambler.ru

В статье такие внутренние вызовы России, как демографические проблемы, деформация национальной идентичности и утечка человеческого капитала, рассматриваются как взаимосвязанные явления, представляющие собой проявления глобальных процессов, имеющих объективную основу. Строится система взаимосвязанных категорий, описывающих эти процессы, а на базе

гомеостатического моделирования исследуется специфика их проявления в городе и на селе. Предлагаются рекомендации для выработки решений при управлении этими процессами.

Ключевые слова: внешние угрозы, гомеостатические модели, городская субкультура, демография, депопуляция, инновации, миграция, национальная идентичность, человеческий капитал.

Internal Challenges of Russia in the Context of Interaction «Urban – Rural»

L.I. Ruzhenko

The article deals so internal challenges to Russia, as a demographic problem, the deformation of national identity and leakage of human capital. They considered as interrelated phenomena, which are manifestations of certain global processes that have an objective basis. Using information theory of dynamical systems to build a system of interrelated categories describing these processes, and based on homeostatic modeling examines the specifics of their manifestation in the city and the countryside. We propose recommendations for decision-making in the management of these processes.

Key words: external threats, homeostatic models, city subculture, demography, depopulation, innovations, migration, national identity, theory of dynamic information systems, human capital.

Социально-демографические процессы в России протекают в русле модернизации современного мира. Последняя характеризуется урбанизацией, мощными миграционными потоками из сельской местности в город и из менее развитых стран в более развитые, ростом подвижности человеческого капитала, а также усилением этнической самоидентификации как реакцией на глобализацию. В России эти процессы проявляются достаточно рельефно.

Первая внутренняя проблема для России из этого ряда – демографическая. Российское село перестало быть источником демографических ресурсов. Миграционные процессы направлены из более мелких поселений в более крупные и из восточных населенных пунктов в западные. Восточные регионы России стремительно теряют свое население¹. Вторая не менее важная проблема (проявляющаяся и в странах Запада) – деформация национальной идентичности. Русское население практически все урбанизировано, а национальные меньшинства, даже мигрируя внутри государства, сохраняют элементы традиционного образа жизни и традиционные связи. Третья проблема – это утечка человеческого капитала. Ускоренное развитие крупных городов, вне зависимости от общественной атмосферы в них, объективно обеспечивает перемещение в них человеческого капитала из поселений меньшего размера. Открытость современного мира приводит к дальнейшей миграции человеческого капитала за границу, в страны, где общественная атмосфера для него более благоприятна.

Безусловно, все указанные явления взаимосвязаны и являются проявлениями неких глобальных процессов, имеющих объективную основу. В данной статье проведен анализ указанных выше проблем с использованием специально разработанных моделей. Они позволяют осмыслить социальную реальность и полезны для формирования представлений в практике управления. Для построения необходимых понятий и категорий используется теория динамических информационных систем². В её основу положены тройки (триады) понятий, раскрывающие смыслы исследуемых феноменов.

Представим проекции на четыре базовые триады категорий, достаточных для понимания сути дела (рис. 1).

Каждая из категорий, обозначающих внутренние вызовы для России – демографическая проблема, деформация национальной идентичности, утечка человеческого капитала, – расшифровывается через свои триады понятий, причем между ними имеются тесные взаимосвязи (см. рис. 1). В основе раскрытия темы лежит устойчивая для любого общества оппозиция между городом и селом. Она заключается в различии господствующих в каждом из этих двух типов поселений хозяйственных укладов (порождающих, соответственно, разные пространственные формы организации жизнедеятельности).

Основное отличие между традиционным селом и городом, олицетворяющим модернизацию, большинство исследователей видят в том, что на селе семья (а следовательно, и население) воспроизводится вместе с хозяйством, а в городе воспроизводство населения определяется совершенно другими факторами, в частности, уровнем развития социальной инфраструктуры. Городские хозяйственные уклады и образ жизни способствуют использованию трудовых ресурсов для создания ценностей и формирования человеческого капитала.

Продуктивным способом исследования данных процессов является их моделирование при помощи гомеостатических моделей³. Предмет нашего исследования уместно моделировать как систему гомеостатического типа (рис. 2).

Рис. 1. Система понятий, используемых в моделировании внутренних вызовов России

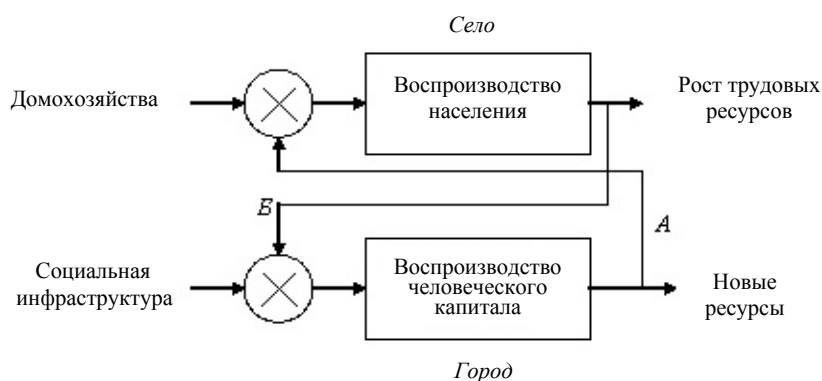

Рис. 2. Компенсационный гомеостат, выражающий баланс движения ресурсов в системе село – город

Перекрестные обратные связи А, Б в разных исторических условиях имеют разный (положительный или отрицательный) характер (см. рис. 2). В период становления индустриального общества в Европе (XX в.) и в период Столыпинской реформы в России эти обратные связи действовали со знаком «плюс», когда воспроизводство населения и человеческого капитала шло сбалансированно. В этих условиях на смену традиционному типу семьи (многодетная семья – пирамида), характерному для села, постепенно приходит новый тип так называемой европейской семьи (отец, мать, ребенок)⁴. В индустриальную эпоху коренное городское население постоянно убывает, но города продолжают расти за счет притока из села.

В конце XX в. страны, которые мы сейчас относим к «золотому миллиарду», подошли к состоянию, когда село фактически исчезло, а в городах усилился феномен «конфликта между семьей и работой»⁵. В деревне вместе с традиционным укладом исчезла потребность семьи в большом количестве детей, а в городе образ жизни стал просто разрушать механизмы продолжения рода. Изменения в образе жизни людей привели к резкому падению рождаемости. Обратная связь «Б» стала отрицательной (см. рис. 2). Города и трудоспособное население в этих странах продолжают расти только за счет внешней миграции.

Указанные процессы характерны для всех стран и принимают тем более болезнен-

ную форму, чем больший «рывок» страна вынуждена делать в своем «догоняющем» развитии. Наиболее драматично эти процессы протекали в России. В период существования СССР обратная связь «Б» имела устойчиво положительный, а связь «А» – ярко выраженный отрицательный характер (см. рис. 2). Это отрицательное воздействие по своей силе напоминало «демографические удары». Историки отмечают три таких удара.

Первый удар был связан с ускоренной индустриализацией СССР за счет коллективизации деревни. Основные проектные документы индустриализации были подготовлены старыми российскими «спецами», причем частично до революции⁶. Однако средства на ее реализацию были крайне ограничены. Сталин нашел эти средства, ограбив лучшую часть деревни: происходили экспроприация кулаков, создание из них «трудармии», да и просто создание огромной массы трудовых ресурсов, которые были согнаны с земли для новой советской индустрии.

Второй удар нанесла Великая Отечественная война. Официальная цифра в 20 млн погибших на фронтах и в зонах оккупации – это лишь часть цены. Статистика зафиксировала не только падение рождаемости, но и огромный рост смертности в тылу. Детская смертность увеличилась «в разы»⁷.

Третий, завершающий удар был нанесен в связи с формированием мировой социалистической системы, когда в сельском хозяйстве стали применяться агропромышленные технологии, уничтожались неперспективные деревни, малокомплектные школы, последние сохранившиеся храмы и другие атрибуты привязанности к традиции. Была подорвана ресурсная база сельского уклада, принявшего к тому времени форму домашнего приусадебного хозяйства. Крестьяне были «раскрепощены» и, получив паспорта, хлынули в города. Деревня стала катастрофически быстро спиваться и пустеть.

К началу XXI в. Россия, так же, как и западные страны, подошла к черте, за которой стоят демографический и этнокультурный вызовы, угрожающие существованию самого общества. Ещё одной угрозой является деформация (с опасностью потери) национальной идентичности в связи с массовой миграцией из стран третьего мира. Для России эта проблема актуальна в силу многонациональности государства.

«Городской котел» не всегда успевает «переварить» потоки мигрантов⁸. Процессы, происходящие в этой сфере, можно изобразить в виде гомеостатической модели (рис. 3).

Рис.3. Компенсационный гомеостат, отражающий процессы деформации национальной идентичности в России

Процессы формирования городских субкультур, изображённые в верхней части гомеостата (см. рис. 3), действуют в двух направлениях: с одной стороны, «переваривают» этнонациональные субстраты, с другой – формируют новые субкультуры, в том числе маргинальные.

Обратная связь II в настоящее время работает в России со знаком «плюс». При этом

процессы на селе приводят к «разрыхлению» культурно-ценностного монолита (нижняя часть гомеостата), а обратная связь IV, также работая со знаком «плюс», усиливает расслоение города на субкультуры, в том числе маргинального характера (см. рис. 3). В среде этих субкультур формируются новые субъекты, которые влияют на общественную атмосферу. Это одна из причин разрушения общенациональной идентичности.

Рост маргинальных субкультур имеет и другие отрицательные стороны для России. Это – снижение творческого потенциала общества, потеря способности к эффективной организации жизни, к реализации общенациональных проектов, возникновение общественной атмосферы, способствующей отто-

ку из страны человеческого капитала. Представим общую гомеостатическую модель движения человеческого капитала во временном (нижняя часть гомеостата) и территориальном (верхняя часть гомеостата) разрезах (см. рис. 4).

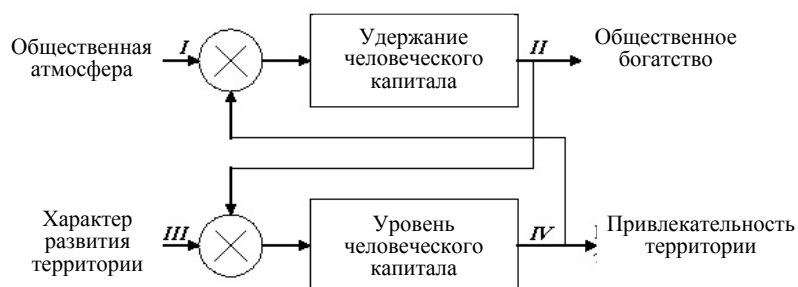

Рис. 4. Связь между уровнем человеческого капитала и территорией

Как видно из модели, сложная система взаимовлияющих факторов актуализирует внутри нашей страны задачу не столько воспроизводства человеческого капитала (с чем она справляется в силу культурных традиций и хорошего образования), сколько его сохранения (удержания), причем видны основные факторы, влияющие на его утечку. В России недостаточно эффективное управление, низкая привлекательность территории и низкие темпы модернизации страны относительно других стран стимулируют утечку человеческого капитала, причем именно последний формирует основную часть миграционного потока за рубеж.

Требования работать со всеми этими системными факторами в условиях дефицита ресурсов диктуют для государств такого типа стратегию концентрации управленческих воздействий не на все сообщество, а на ограниченное, специально выделенное для этой цели подпространство. Китай (и ряд других государств) пошел по пути выделения особых территорий (экономических зон), отгороженных от остального сообщества «ключевой проволокой» и обладающих максимально благоприятными условиями для удержания и привлечения человеческого капитала⁹. Россия во времена СССР также использовала этот прием, создавая закрытые города и академгородки. Сегодня потенциал этих терри-

торий пытаются реанимировать в рамках госкорпораций¹⁰. Однако отсутствие национальной стратегии в этом вопросе пока ведет к стихийной концентрации человеческого капитала в крупнейших мегаполисах и к дальнейшей его утрате из-за утечки за рубеж и разрушения физического и морального здоровья его носителей.

Из приведенного выше анализа можно сделать следующие выводы. В связи с утратой русской деревней традиционного уклада жизни и исчезновением механизмов воспроизводства населения внутренние демографические возможности развития России практически исчерпаны. Необходимо кардинально пересмотреть стереотип отношения к русскому селу. Утилитарное отношение к нему как источнику сельхозпродукции приводит к ошибочным управленческим решениям и должно быть пересмотрено. Главной функцией села является воспроизводство населения на базе сельскохозяйственной деятельности, и для реализации этой функции селу нужны меры государственной поддержки. Деревня – источник генофонда нации. Демографическая политика на селе, нацеленная на воспроизводство качественного человеческого ресурса, обязана включать программы развития несельскохозяйственных видов деятельности, связанные с поддержкой семьи и воспитанием. Особое значение должны

иметь воспитательные программы, направленные на искоренение пьянства, низкого культурного уровня, приобщения через общероссийские ценности к мировым.

В основе деформации национальной идентичности лежат сложные процессы перестройки хозяйственных укладов на селе и формирования субкультур в городе, которые могут иметь как созидательный, так и деструктивный характер. Созидательный характер они приобретают, когда город способен создать инфраструктуру «переработки» этнонациональных субстратов во избежание формирования маргинальных субкультур. Для этого он должен обладать соответствующими ресурсами, когда их не хватает, процессы идут по стихийному пути и могут принять деструктивный характер.

Главной функцией города в современных условиях следует считать формирование человеческого капитала на базе развития социальной инфраструктуры, на создание которой должна направляться часть создаваемых в городах ресурсов в соответствии с обоснованными нормативами. Особенно это актуально для малых и средних городов. Необходимо кардинальное укрепление местного самоуправления. Важной проблемой России на современном этапе следует считать не только создание, но и сохранение человеческого капитала. Меры по его удержанию должны включать инвестиции в рост привлекательности российских городов, нужны соответствующие государственные программы.

Дополнительные меры по сохранению человеческого капитала могли бы заключаться в концентрации ресурсов в некотором ограниченном социальном пространстве, обладающем полным комплексом необходимых для этого условий, а затем – в поэтапном «втягивании» в него остальных подсистем российского общества. Это пространство может быть организовано разными способами: или в виде «специальных экономических зон», как в Китае, или в виде «закрытых го-

родов», как в СССР, или в рамках «госкорпораций», как это сейчас пытаются сделать, или должна быть найдена какая-то новая форма, соответствующая современным реалиям. Конструирование такого пространства – актуальная задача национальной стратегии, совмещенная с задачами перехода к инновационному обществу.

Найти ответы на внутренние социально-демографические и национальные вызовы, обсуждаемые в данной статье, – не менее важная задача для России, чем ответить на внешние угрозы.

Примечания

¹ См.: Государство. Антропоток [Электронный ресурс]: доклад / Центр стратегических исследований Приволжского федерального округа. Н.Новгород; М., 2002. URL: <http://www.antropotok.archipelag.ru/dok/dok01.htm>

² См.: Разумов В.И. Основы теории динамических информационных систем / В.И. Разумов, В.П. Сизиков. Омск, 2005.

³ См.: Горский Ю.М. Гомеостатика: модели, свойства, патологии / Ю.М. Горский // Гомеостатика живых, технических, социальных и экологических систем. Новосибирск, 1990. С.20–67.

⁴ См.: Бродель Ф. Что такое Франция?: в 2 кн. Кн.1: Пространство и история / Ф. Бродель; пер. с фр. М., 1994.

⁵ См.: Sennett R. Capitalism and the city / R. Sennett // Cities of Europe: Changing Contexts. Local Arrangements and Challenge to Urban Cohesion / Ed. Yuri Kazepov. Blackwell; Oxford, 2005. P.109–122.

⁶ См.: Кржижановский Г.М. Избранное / Г.М. Кржижановский. М., 1957.

⁷ См.: Исупов В.А. Смертность гражданского населения Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны как социокультурный феномен / В.А. Исупов // Культурологические исследования в Сибири. 2007. №2(22). С.41–52.

⁸ См.: Рыженко Л.И. Русские уходят? / Л.И. Рыженко. Омск, 1998.

⁹ См.: Фридман Г.Ш. О схеме участия государства в развитии национальной индустрии высоких технологий / Г.Ш. Фридман // Инновационный уклад в развитии территорий / Под ред. А.М. Завьялова. Омск, 2005. С.11–18.

¹⁰ Инновационное развитие – основа модернизации экономики России: национальный доклад / Ин-т Мировой экон. и междунар. отношений, Гос. ун-т Высш. шк. экон. М., 2008.

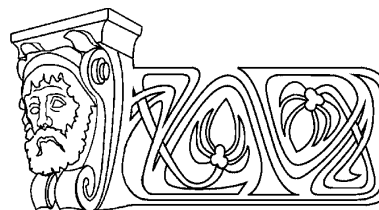

УДК 1(091)

ОБРАЗ ВЕЛИКОГО ИНКВИЗИТОРА В РЕЛИГИОЗНОЙ ФИЛОСОФИИ К. БАРТА

Е.С. Севрюкова

Саратовский государственный университет
E-mail: sevr_e@mail.ru

Статья посвящена проблеме бытия человека XX в. в ситуации кризиса духовных и моральных ценностей, которая ведет к появлению феномена Великого Инквизитора. Этот образ, созданный Ф.М. Достоевским, стал в теологии К. Барта символом мира, в котором провозглашена смерть Бога. Поэтому Карл Барт призывает современное человечество к напряжению всех усилий для того, чтобы избежать окончательной духовной и культурной катастрофы, к которой ведет Великий Инквизитор.

Ключевые слова: религиозная философия, Бог, вера, протестантизм, кризис духовности, человек и его бытие.

The Image of the Grand Inquisitor in Religious Philosophy of K. Barth

E.S. Sevryukova

The article is about problem of man's being in the situation of spiritual and moral values crisis. This crisis leads to appearance of the phenomenon of Grand Inquisitor. The image of Grand Inquisitor had been created by F.M. Dostoevsky and in theology of K. Barth it became the symbol of situation of world, in which God's death was proclaimed. Therefore Barth claimed that humanity had to do everything to avoid spiritual and cultural catastrophe, to which Grand Inquisitor could lead humanity.

Key words: religious philosophy, God, faith, Protestantism, crisis of morality and ethics, man's being.

В начале XX в. протестантский теолог К. Барт пришел к выводу, что человеческая цивилизация приближается к неизбежной катастрофе, потрясены сами основы ее бытия. Эта катастрофа была, в сущности, гораздо страшнее даже международного политического краха. Это был грядущий зловещий распад незримых, но заключающих в себе сущность жизни основ морали и цивилизации. Такое ощущение распада и расцвет нигилизма заставили теолога пересмотреть все современное ему протестантское богословие, в результате чего Барт сделал вывод о том, что теология XIX века так и осталась в XIX веке и абсолютно не соответствует мироощущению людей начала XX столетия. Теологическое направление, в котором начал работать Барт, стало ведущим в современном богословии и получило название диалектической теологии или теологии кризиса. Наряду с С. Кьеркегором сильнейшее влияние

на богослова оказало творчество Ф.М. Достоевского, а образ Великого Инквизитора стал квинтэссенцией представлений Барта о современном ему человечестве.

«Если у меня есть “система”, – заявил Барт, – то она состоит в том, что Кьеркегор назвал “бесконечным качественным различием” времени и вечности, что я, по возможности, постоянно имею в виду как в негативном, так и позитивном значении: “Бог на небе, а ты на земле”. Отношение этого Бога к этому человеку, отношение этого человека к этому Богу является для меня как темой Библии, так и суммой философии в едином»¹. По мнению Барта, Бог и мир являют собой диалектическую противоположность, бесконечное качественное различие, несоизмеримость. Даже на основании формулы, что человек создан по образу и подобию Бога, ничего нельзя сказать о Боге. Человек – не образ Бога. «Поскольку мы существуем, – заявляет Барт, – мы есть и останемся врагами Бога, склонными по своей природе ненавидеть Бога и наших ближних, следовательно, ни в коем смысле не являемся гражданами и наследниками царства Божия, но, напротив, изначально препятствующими его разрушителями»². Бог как нечто «совсем другое» принципиально недоступен человеческому познанию, он вообще не присутствует в мире человека. Между Богом и человеком лежит пропасть: «человек должен осознать свои пределы, не затушевывать грань, отделяющую конечное от бесконечного, чтобы избежать искушения отождествить свои сомнительные и эфемерные возможности с надеждами и ожиданиями христианской проповеди, искушения рассматривать свою деятельность как непосредственное участие в “вечном”, в божественном деянии»³.

Отсутствие Бога восполняется всесилием человека, что ведет к потере миром мо-

ральных и этических ценностей, духовности и культуры. По мнению Барта, именно с такой проблемой и столкнулся современный человек, он полон сил для борьбы за власть любыми способами, он стремится к господству, к подчинению себе других. За счет власти над другими людьми он основывает свое господство и величие, не задумываясь о ценности других людей. Такой человек не признает власти вечности и подлинности, есть только его личная власть, и ему все дозволено. Он стал господином мира и других людей, уверен в абсолютности своей власти. Для Бога в таком мире просто не осталось места, есть только человек. По мнению Барта, нельзя допускать такой подмены Бога человеком, человек никогда не станет Богом, а лишь – Великим Инквизитором. Именно поэтому Бартом постулируется абсолютное разделение Бога и мира человека.

Это разделение божественного и человеческого и полное отсутствие Бога в мире человека приводит к выводу о том, что именно на человеке лежит вся ответственность за зло в мире. Человек, по мнению Барта, недопустимо оптимистично оценивает свое бытие, определяя свою жизнь лишь как то, что есть здесь и сейчас. Человек отвернулся от вечности, для него важен лишь данный момент, сиюминутные желания, которые наполняют его жизнь вместо истинного смысла бытия. «Мир человека, – пишет Барт, – есть мир времени и вещей, мир, в котором люди пребывают в отдаленности друг от друга, около и против друг друга; это мир контрастов духа и материи, идеального и материального, души и тела, мир власти, тронов и насилия. Этот мир находится в плену человека, вместе с человеком»⁴.

Служение этому времени стало единственным усилием человека, его смыслом существования. Но если жизнь ограничивается только этой временностью и не имеет цели в вечности, то можно говорить о ситуации мира, которую Ф.М. Достоевский назвал вседозволенностью в результате смерти Бога. К. Барт проводит анализ социальной действительности с точки зрения присутствия вечных и неизменных ценностей. Отсутствие Бога восполняется высотой самого человека,

и именно эту ситуацию наблюдал Барт в начале XX в., назвав ее кризисной. Кризис – это время, которое вступает в конфликт с собственными принципами, когда человек перестает надеяться на прежние опоры, перестает верить в то, во что верил раньше. «Эта кризисная ситуация, в которой оказалось человечество в начале XX века и которая в отдельные моменты угрожала внезапным, вулканической мощи взрывом, была создана действием двух начал. С одной стороны, бунтом против духовных основ и нравственного закона цивилизации, с другой – тошнотворной леностью, равнодушием и инертностью современной души»⁵.

Отпадение человека от Бога, принимающее все более острые, кризисные формы, становится причиной, сделавшей его рабом вещей, пешкой в хаосе противоречий истории. Именно в результате этого отпадения оживают и возводятся на трон идолы, а Бог становится чем-то абстрактным, невесомым, проблематичным и ирреальным. Так происходит изменение и подмена ценностей: мир становится для человека священным, замещающая всемогущего творца и требуя поклонения, положенного только Богу. Возомнив себя творцом и субъектом истории, человек игнорирует вопрос о пределах своей социально-исторической активности, не чувствует за собой вины и ответственности, ибо отошел от Бога и, следовательно, не способен стать беспощадным критиком своей деятельности в мире.

Если человек не рассматривает собственные действия с точки зрения вечности, то тогда никакой вечности не существует, момент времени важен сам по себе и не ведет к достижению вечной цели и истины. Сама истина существует только здесь и сейчас, поэтому на высотах современного мира находится не Бог, а человек, который прикладывает все свои усилия, чтобы на этой высоте остаться. Но ведь абсолютной высоты не бывает, любая высота уже содержит в себе свою противоположность – падение, и всегда ею станет. Для человека нет смысла находиться на любой человеческой высоте. «Если наше мышление, желание и действия титаничны (и разве когда-нибудь человеческое

усилие не было титаничным?), если они (пусть даже мы при этом ясно говорим о «Боге») несут на себе очевидную каинову печать борьбы за существование, если при этом (очевидно, неизбежно!) развеваются знамена, созидаются башни, то все это должно разбиться в законе смерти, которого не может избежать ничто существующее»⁶. Человеку необходимо спуститься с этой высоты. Тогда мир вновь приобретет те ценности, которые уничтожал, ставя себя на их место.

По мнению К. Барта, когда человек пытается изменить мир в глобальных масштабах, причем это изменение начинает не с себя самого, а с мира, это приводит лишь к замене старого зла на новое, так как изменение идет не от Бога как творца этого мира, а от человека, который может с легкостью творить только зло в мире. Чаще всего такие люди проповедуют революцию как абсолютную ценность, но революция всегда есть лишь разрушение. Революция – это очередная высота, на которую поднимается человек. Барт призывает к спуску с этой высоты, так как высота требует подчинения других людей. Человек не имеет права объективно обладать правом по отношению к людям, и чем больше видимость объективности, которой он при этом окружен, тем больше и несправедливость, которую он совершает по отношению к другим, потому что высшее право есть высшее бесправие, если один человек понимает это право только как его личное. «В этом познании зла в существующем порядке, зла, существующего в том, что оно существует, пытается родиться революционный человек, желающий избавиться от зла с помощью того, что он отправляется в путь для победы над ним и его свержения, то есть чтобы устранить существующее право как воплощение несправедливости и создать на его месте новое право»⁷. Таким образом, один человек уничтожает права других и дает им только одно право – подчиняться. Этот человек становится Великим Инквизитором, который выступает как правообладатель по отношению к другим людям, он узурпирует это право, но его легальность на самом деле нелегальна.

По мнению Барта, образ Великого Инквизитора, созданный Ф.М. Достоевским, есть символ этического кризиса, с которым столкнулся мир в начале XX века, когда появилось множество религиозных и социальных идеологий, направленных на установление рая на земле и пытающихся принести божественную благодать или преодолеть пропасть между царством божественной вечности и человеческим временем. Великий Инквизитор обосновывает свою власть тем, что он стремится ко всеобщему благу, его целью является объединение человечества, дарование всем людям порядка, покоя, безопасности и «хлебов», но для этого он забирает у людей реальную свободу и лишает личной ответственности. Эти свобода и ответственность возможны и действительны при одном условии: что истина Бога выходит за пределы всех выработанных человечеством норм, категорий, социальных институтов, организаций, законодательств, стремлений. Эта истина будет качественно превосходить все социальные и политические идеалы, да, пожалуй, и все созданные человечеством религии, понятия и мечты. Великий Инквизитор возвел самого себя на престол высшей власти и провозгласил человека, его разум, счастье, его представления об истине, его категории добра и зла конечной инстанцией. Он – благодетель, чье появление и господство необходимы в мире, где человек утратил веру, убеждения, смирение и глубокое уважение к вечной истине; где он не знает, как ему распорядиться своей свободой, что ему делать с самим собой, со своей собственной душой и со своим ближним. Появление Великого Инквизитора – это не причина всеобщего кризиса мира, а его следствие. И нет ничего проще для человека, чем подчиниться такой «благодатью» власти.

Мир Великого Инквизитора – это мир лжи и обмана. Инквизитор лжет, что во имя Иисуса одни люди подчиняются другим, одни отдают свою свободу и возможности самореализации и утверждения другим, становятся слабыми, чтобы они могли стать сильными. Инквизитор знает, что Бог не дает людям счастье, он открывает им путь свободы, который является трудным испытанием. Лю-

ди «порочные и малосильные бунтовщики, недоделанные пробные существа, созданные в насмешку»⁸. Они не выдержат испытания свободой, ответственность за нее слишком тяжела, значит, и спасения таким людям не будет. Поэтому Великий Инквизитор пытается сделать их «счастливыми» здесь и сейчас. Он искренне уверен, что любит людей, всю жизнь положил к ногам их. Лжет им, что чудо – это повседневное представление, что свобода – это пресловутая свобода выбора, что вечность – это временность здесь и сейчас, призывает их служить этой временности. Инквизитор лжет и боится, что Иисус опровергнет его ложь, он боится услышать правду, хотя и знает ее. Но Иисус молчит.

Барт назвал реальность бытия человека неподлинной именно потому, что произошла полная подмена Бога на идола. Ложь Великого Инквизитора вполне устраивает людей, так им гораздо проще жить. Все уже кто-то решил, всем уже кто-то солгал, кто-то уже взял на себя ответственность за то, что происходит в мире, за зло, которое в мире существует. Человеку не нужно быть сильным, ему гораздо проще жить в толпе таких же слабых, как и он. Зачем нужна постоянная напряженная борьба за вечность, истину, смысл жизни, когда совсем легко быть как все. И именно слабые люди вручают свою свободу в руки Великого Инквизитора. Для них свобода слишком тяжела. «Ибо кому же владеть людьми как не тем, которые владеют их совестью и в чьих руках хлебы их»⁹. Нет ничего проще, чем верить в чудеса, на которые не скупится Великий Инквизитор, они не требуют трудного пути веры и смирения.

Барт призывает к постоянному напряжению мысли и жизни. Самое трудное испытание человека – это вера, которая является опустошающей работой, через которую в «посюстороннем» должно освободиться место для «потустороннего»¹⁰. Вера не есть основание, на котором можно устоять, не есть порядок, которым можно руководствоваться. Она никогда не дана изначально и требует от человека титанических усилий. Подлинная вера – всегда «пустота», «вздохание», «ожидание без надежды на надежду», «недостаточность» и «позиция в воздухе», она везде и

всегда есть «новый прыжок в неизвестное, в темноту, в пустоту воздуха». Вера – это вечный парадокс, она не дает и не может дать житейской уверенности в повседневной суете, но она будоражит сердца людей, возмущает спокойствие духа: «вера для всех одинаково легка и трудна, одинаково возможна и невозможна»¹¹.

Наряду с верой колоссальным испытанием для человека является и смирение, отказ от всех высот, признание вечности. Спуск с высоты – это испытание, которое каждый должен пройти, по мнению Барта, самообман, от которого каждый должен отказаться. Человек должен не только отказаться от всех своих притязаний на власть, но и быть готовым принести себя в жертву за других. Способность к самопожертвованию есть высшее проявление ценности человеческого в обезбоженном мире.

Иисус молчит. Звучит лишь ложь Великого Инквизитора, он оправдывается, он боится упрека и разоблачения. Но Иисус молчит, за него говорит истина.

По мнению Барта, вся человеческая история – это история обращения Бога к человеку, и человек должен научиться слушать это обращение. Без усилий слышна лишь речь Великого Инквизитора.

Разрыв единения человека с Богом приводит к непреодолимой греховности, к тягчайшему злу – забвению греха, что наиболее ярко проявляется в самообожествлении человека. Но реальность такова, констатирует Барт, что человеку «остаётся нести все бремя греха и все проклятие смерти. Никаких иллюзий относительно нашего здесь-бытия и так-бытия»¹². По мнению Барта, человек свободен тогда, когда признает свой нравственный грех и просит милости у последнего Судьи, против которого погрешил.

Барт призывает человека к проявлению своей силы, а не слабости подчинения как самому простому способу быть. Тот, кто услышал голос Бога, нашел в себе силы для свободы, должен довериться Ему. Ни сохранение нейтралитета, ни равнодушие здесь невозможны: нейтралитет и безразличие – акты принятия враждебного Богу решения, это признание силы Великого Инквизитора,

это бездействие перед лицом катастрофы. Иисус ушел, покинул этот мир, но «поцелуй горит на сердце»¹³ человека, напоминая о Боге, о силе самого человека. Только сильный человек откажется от революции, от любовью высоты и власти и увидит в другом человеке своего ближнего, равного ему перед Богом. Только на таком духовном равенстве и строится жизнь. «Сильный, поскольку он сильный, не противостоит никому и находится за пределами всего. Он не спешит вперед, он ждет. Он не отдыхает, он бодрствует. Он не критикует (для этого он слишком критичен), он надеется. Он не воспитывает, он молится, или он воспитывает через свою молитву. Он не выступает вперед, он отступает назад. Но он ведет, ибо не предводительствует. Он прорывается вперед, ибо ничего не

разрушает. Он побеждает, ибо он покоряется. Он светит, ибо он невидим. Он нигде, ибо он повсюду»¹⁴.

Примечания

¹ Барт К. Послание к Римлянам / К. Барт. М., 2005. С.28.

² Там же. С.318.

³ Гараджа В.И. Критика новых течений в протестантской теологии / В.И. Гараджа. М., 1967. С.11.

⁴ Барт К. Указ. соч. С.174.

⁵ Громадка Й.Л. Перелом в протестантской теологии / Й.Л. Громадка. М., 1993. С.164.

⁶ Барт К. Указ. соч. С.425.

⁷ Там же. С.465.

⁸ Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы: роман: в 2 кн. Кн.1 / Ф.М. Достоевский. М., 2003. С.271.

⁹ Там же.

¹⁰ Барт К. Указ. соч. С.419.

¹¹ Там же. С.380.

¹² Там же. С.426.

¹³ Достоевский Ф.М. Указ. соч. С.273.

¹⁴ Барт К. Указ. соч. С.509.

УДК 13; 371

ДЕГРАДАЦИЯ ПОНИМАНИЯ И СОЦИОПСИХИЧЕСКАЯ СУЩНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА

О.И. Тарасова

Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина
E-mail: ol.tar@mail.ru

Человек целостный, думающий, чувствующий, понимающий, творческий, поэтический – не состоялся. Человек разумный и духовный становится человеком интеллектуальным, функционирующим и бездуховным. Основу антропологического кризиса составляет «бегство от мышления»: отождествление мышления и приобретенных навыков, понимания и операциональности, разума и рассудка.

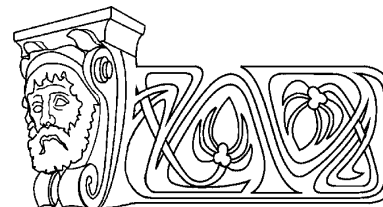
Ключевые слова: понимание, мышление, творчество, пассивность сознания, антропологический кризис.

Degradation of Understanding and Socio-Mental Essence of the Person

O.I. Tarasova

The Person thinking, feeling, understanding, creative, poetic did not took place. The person reasonable and spiritual becomes the person intellectual, functioning. A basis of anthropological crisis makes «to escaping from thinking»: an identification of thinking and the got skills, understanding and operating, reason and mind.

Key words: understanding, thinking, creativity, passivity of consciousness, anthropological crisis.

Очевидно, опасность не в том, что мир становится полностью технизированным, а в том, что мы не готовы осмысленно встретить наступление на жизнь и сущность человека, более того, – деформацию человеческой сущности.

Наука вынуждена констатировать, что целостный человек не состоялся и не состоялся человек думающий, чувствующий, творческий, поэтический. При этом современного человека часто характеризуют как человека с «закрытым» или «спящим сознанием». Исследователи полагают, что это следствие той раздробленности Я, отчужденности от собственной жизни, которая возникает как проявление искусственного, опосредованного характера психической жизни в целом.

Бездумность – это болезнь, уничтожающая сущность человека. М. Хайдеггер отмечал, что «сегодняшний человек спасается бегством от мышления. Это бегство от мышления и есть основа бездумности»¹. Одним из способов такого бегства становится отождествление мышления и приобретенных навыков, понимания и операциональности, разума и рассудка. Человек разумный и духовный становится человеком интеллектуальным, функционирующим и бездуховным. А «духовная шизофрения (условное название множественных поломок естественной натуры) – новая реальность, в которую погружается одинокое и безнравственное существо»².

Основу антропологического кризиса составляет бегство от мышления, деградация понимания, неспособность человека непосредственно встретиться с реальностью. Лишенный мыслящего сознания, он лишается доступа к творчеству. Когда творческое начало в человеке подавляется неблагоприятными условиями его существования, в нем начинает доминировать «одна лишь тварность, с которой связаны пассивность и страдание. Эти качества неуклонно приближают человека к небытию, способствуют его умиранию»³. Возможность программирования и манипуляции сознанием ведет к программируемой тварности. Поэтому человек с закрытым сознанием – это андроид нового типа с развитыми витальными потребностями, приобретенными навыками социально-кибернетического функционирования, лишенный творческого мышления и полноценного отношения к бытию.

Письменность как технический, опосредующий способ коммуникации разрушает онтологическое единство слышащей событийности на «субъект речи» и «объект слуха», создает возможность дистанцирования человека от мира, от других и самого себя. Дистанцирование есть показатель разрушения социокультурных связей, собственных устной традиции, всех родовых отношений и родственных чувств. М. Маклюэн отмечает, что когда письменность взрывает племенную или семейную общность родового человека, высвобождается энергия, сопоставимая с энергией расщепления ядра.

Эта индивидуализация и атомизация социокультурного пространства неизбежно требует компенсации. Как указывает Ж. Бодрийяр, интерактивное существо рождается не от новой формы обмена, но от исчезновения социальных связей и отличий. «Это тот другой, который появляется после гибели Другого и уже не есть то, что было прежде. Это – результат отрицания Другого»⁴.

Процесс атомизации общества как нарастание дистанцированности индивидов компенсируется повышенной интерактивностью, опосредуемой системой коммуникаций. Письменный тип коммуникации требует не вмещающей обращенности к Другому, а навыков обращения с текстом. Специфика письменной культуры, ее ориентация на постоянное умножение/производство текстов оборачивается не только необозримостью информационного архива, но и тем, что при дуализме формы и содержания «форма как таковая начинает играть роль паразитарного механизма, существующая наряду с сугубо интеллектуальной формой произведения»⁵. Паразитарная форма опосредования «стягивает» на себя все творческие и интеллектуальные возможности человека, накладывает жесткий запрет «на взаимность» и непосредственное взаимодействие с реальностью. Иначе говоря, гипертрофированная система опосредованного взаимодействия с реальностью основывается на неосознаваемом паразитарном механизме письма, который сам по себе ничем техническим не является. А непосредственное постижение и понимание бытия заменяется операциональными навыками производства и потребления текстов. Как отмечает Ф.И. Гиренок, очень немногие почувствовали, как совершился переход из пространства мысли в пространство текста, производство и потребление которого может существовать, только имитируя мысль и создавая иллюзию ее существования⁶. И эта гипертрофированная паразитарная форма опосредования отражается в социокультурной реальности в тех неестественных «возрастаниях», которые Ж. Бодрийяр сравнивает с раковыми опухолями.

В эпоху книги, когда линейность, гомогенность и воспроизводимость становятся

доминирующими характеристиками мышления, когда происходит формирование индустриальной цивилизации и массового потребителя, осуществляется процесс снижения внутреннего психологического и эмоционального разнообразия, аналогичный процессу семантического упрощения структуры культуры (Ю.М. Лотман). Письменность создает гораздо более простые типы людей по сравнению с теми, которые развиваются в сложной паутине обычных племенных и устных обществ. Ибо фрагментированный человек создает гомогенизированный западный мир, тогда как устные общества состоят из людей дифференцированных, но дифференцированных не «специалистскими» навыками или видимыми признаками, а уникальными эмоциональными смещениями. «Внутренний мир устного человека представляет собой сплетение сложных эмоций и чувств, которые практичный человек Запада давным-давно внутри себя разрушил или подавил в интересах эффективности и практичности»⁷.

Массовые грамотность, книга, школа способствовали формированию массового человека как феномена массовой культуры. В то время, когда формируются однотипные реакции индивидуализированного человека массового индустриального общества, все своеобразие личности как бы стирается, и начинается «серийное производство» человека. И чем сильнее утрачиваются личностные качества, чем однотипнее становится «человек-масса», тем более актуальным становится процесс «авторизации», персонализации. «Личность отсутствует, она мертва, выметена из нашей функциональной вселенной. И именно эта отсутствующая личность, эта утерянная инстанция стремится «персонализироваться». Именно это утерянное существо собирается вновь конституироваться in abstracto с помощью знаков, умноженного набора отличий. Логика персонализации <...> одновременно является натурализацией, функционализацией, культуризацией и т.д. Общий процесс может быть определен исторически: монополистическая индустриальная концентрация, уничтожая реальные различия между людьми, делает однообразными личности и продукты и одновременно освящает царство дифференциации»⁸.

Процесс упрощения психического разнообразия человека переходит от стадии омасовления к этапу стандартизации и серийному размножению, т.е. клонированию человека. Клонирование устраняет не только отца и мать, как отмечено Бодрийяром, но и устраняет человека от живой человеческой преемственности, от наследования человечности. Живое возникает только из живого в бесконечной линии продолжения жизни: так и чудо человеческого передается только от человека к человеку в бесконечной цепи преемственности и наследования бытия.

Бодрийяр отмечает, что клон – это отмена и уничтожение всех возможных изменений. Бесконечное тиражирование и серийное размножение человека становится способом его самоуничтожения. Более того, мы не представляем себе уровень развития технологии, которая, производя идентичные существа, делает невозможным возврат к существу изначальному. Имитация достигает черты, за которой нет возврата. Индивид теперь является собой некий раковый метастаз формулы, лежащей в его основе⁹. Нарушение меры допустимых изменений, чрезмерное изменение параметров гибкости и устойчивости грозят человеку не только подчинением технике, но и окончательным вырождением.

Отсутствие меры возможной изменчивости приводит к тотальному упрощению. И современный идеальный клон – это «субъект, из которого вымарано все Другое, который лишен возможности деления и обречен на метастазирование самого себя, на чистое повторение. Это уже не ад, созданный отличием, это ад Того же самого»¹⁰. Э. Фромм, имея в виду метафору «все в одном и одно – во всем», говорил, что в одном индивиде представлен весь род человеческий, что индивид со своими особенностями в этом смысле уникален; и в то же время он носитель всех характерных свойств человеческого рода¹¹. Но клонирование репродуцирует и воспроизводит замкнутый ад того же самого.

Переход от устности к письменности изменяет способ преемственности и наследования: от со-творческого инвариантного бытования к точной информационной трансляции. Вытеснение традиционного фольклора «фольклором индустриальной эпохи», а уст-

ной традиции – массовой культурой означает изменение творческой событийности на «инструментальное любопытство» (Бодрийяр), поскольку ни реклама, ни поп-арт не нуждаются в эстетическом чувстве и глубине переживании. «Поп-арт – это спокойное искусство: оно не требует ни эстетического экстаза, ни эмоционального или символического участия (deep involvement), а требует своего рода “abstract involvement”, инструментального любопытства»¹².

В условиях устности при онтологическом единстве речи и слуха, при творческом бытовании культуры нет привычной для письменности дифференциации на автора (механического исполнителя) и нетворческую пассивную потребительскую публику. «С развитием индивидуального начала в литературе и, тем более, с введением книгопечатания происходит разделение труда – переписчик (наборщик, типографский рабочий) выключается из творческого процесса. За ним остается чисто техническая роль. В отличие от этого в фольклоре исполнитель всегда остается участником творческого, по своей природе, процесса бытования»¹³. Появление нетворческой потребительской публики, в широком смысле слова, относится не только к художественному творчеству, но и ко всем видам деятельности. Например, в каком объеме необходимо знать физику и математику, чтобы быть больше, чем пользователь/публика, или больше, чем сервисная служба/исполнители? Это деградация уровня знания является вариантом социального запрета на взаимность – как запрета на соответствующие знания, на со-ответ-ный и со-ответствующий уровень со-знания и образованности.

При переходе от устности традиционной к устности электронной, при угасании творческих навыков на полюсе восприятия и социальном запрете на взаимность «равенство в творчестве» равенство перед творческим канонem сменяется творческим неравенством и формальным равенством перед записанным кодексом, равенством перед буквой и потребительской стоимостью. Традиционная эстетическая реальность, связанная с каноническим мышлением и «теорией сходства», за-

меняется социально-технологической повседневностью, кодексом и дифференциацией. «Функция системы дифференциации выходит далеко за рамки удовлетворения потребностей в престиже <...> Система исключает всякое оригинальное качество, удерживая только различительную схему и ее систематическое производство»¹⁴. Равенство перед записанным кодексом и потребительской стоимостью означает творческое неравенство и неравенство в возможности умственных усилий.

«Порабощение воображения» (Г. Маркузе), тенденция письменной культуры к умственному потребительству постепенно приводит к деградации образного мышления, к утрате психикой способности самостоятельно генерировать и интерпретировать образы. При подчинении ситуации безответности, под властью автоматически действующего означающего любое проявление внутреннего убеждения неизбежно становится бессильным. Подавляя внутреннее, субъективное, «социокультурная система осуществляет эффективное, но не традиционно медикаментозное, а символическое “зомбирование” каждого отдельного человека»¹⁵. Массмедийные коммуникативные технологии сводят на нет «внутреннее измерение сознания» (Г. Маркузе), а всеобщая коммуникация и перенасыщение информацией представляют угрозу для защитных свойств человеческого организма. Это символическое интеллектуальное пространство, где рождаются суждения, не защищено более ничем¹⁶. Иначе говоря, под давлением технологий открытость миру трансформируется в открытую беззащитность для манипуляций немыслящего сознания.

Один из основателей теории информации А. Тьюринг в свое время сформулировал парадоксальный вопрос: если машина способна осуществлять сверхсложные действия так, что ее реакцию практически невозможно отличить от реакции человека, то, следовательно, машина может обладать человеческим сознанием? Пассивность немыслящего сознания и опасность символического интеллектуального зомбирования открывает неограниченную перспективу информационного

тоталитаризма как форму информационного социально-кибернетического рабства. Благодаря бегству от мышления и бездумной глупости возникает новый конформизм «счастливого сознания» (Г. Маркузе). Характеризуя новое комфортабельное функционирование «счастливого сознания», и А.А. Зиновьев, и Ж. Бодрийяр, по сути, формулируют парадокс Тьюринга на социопсихическом уровне. «Настоящая пассивность заключается в беззаботном соответствии с системой “динамических” кадров с живыми глазами и широкими плечами, совершенно адаптированных к современной активности. Усталость – это активность, скрытое, хроническое восстание, само по себе бессознательное»¹⁷. Аналогичным образом говорит А.А. Зиновьев: «Наступает диктатура мира делового и вещного. Основная масса людей превращается в роботов нового типа <...> Смысл жизни просто пропадет как нечто излишнее <...> Будут жить здоровые, долго и бездумно живущие существа, однообразно автоматизированные. Человечество выродится именно на основе своих баснословных достижений»¹⁸. В новой искусственной социотехнической безбытийной реальности могут жить только специально адаптированные существа, те, которые «разумно движутся, оставаясь неразумными» (М.К. Петров).

Технически цивилизованный человек изначально лишен экзистенциального чувства единства с миром, чувства единства с жизнью. Отсутствие этих чувств как свидетельство «закрытости» психики ощущается как невроз, тревога, неспособность регулировать естественные процессы жизнедеятельности между истинным бытием и неистинным. Иначе говоря, «неврозы сигнализируют о нарушении механизмов саморегуляции жизни. Естественная природа как бы умолкает для разума. Человек теряется в выборе добра и зла, не может отличить истину от лжи. Разум не помогает в такие минуты, может увлечься иллюзиями. И тогда становится легко манипулировать разумом извне идеологией, политикой, религией, навязывая ему ложные идеи»¹⁹.

Человек без чувств оказывается в экзистенциальном вакууме, он лишается и чувства жизни, возможности мышления и творче-

ства, оказывается в ситуации экзистенциального риска. Избавление от информационных перегрузок и монотонности функционирования, попытка восстановить жизненные силы превращается в поиск возбуждения, прямого или косвенного, чтобы получить «ощущение жизни». И наркомания, и алкоголизм по своей «духовной» сущности – это попытка компенсировать потерю чувства жизни, ее красоты, целостности и смысла искусственным путем. Они позволяют сбросить иго разума и переживать мир в его непосредственности. Но за «химические удары по мозгам» надо страшно платить. Удовлетворяемая таким способом тяга к обновлению чувств, к более яркой реальности завершается потерей всякого интереса к ней – бесчувствием²⁰.

Человек без чувств, с остановленным умственным усилием деградирует до отождествления себя с искусственным интеллектом, забывая, что «мышление машин» – это всего одна из проекций человеческого мышления. Теперь примитивный компьютерный интеллект возведен в ранг вершины прогресса. Но исчисляющее мышление – это только частный вид мышления, только калькулирующее мышление, даже если оно не оперирует цифрами и не пользуется компьютером. А все «умные» машины всегда останутся машинами, материализованной технологией расчета и исчисления. А искусство мышления, мышление как творчество, «сознание как акт осознания» (М. Мамардашвили), а не как операциональность, принципиально, в силу отсутствия чувств, им недоступна. Искусственный разум лишен способности мышления, потому что он безыскусен. Эти машины обладают лишь наивностью счета; единственные игры, которые они могут предложить, – сочетания и перестановки²¹. Отождествление человека с машиной можно рассматривать как проявление духовной патологии цивилизации, одной из форм духовной шизофрении. Закономерно, что под воздействием фундаментального принуждения техники гамлетовский вопрос «быть или не быть?» для современного одномерного индивида без свойств превратился в технологическую проблему: «кто я: человек или компьютер?».

Деятельность человека всегда будет отличаться от работы даже самой умной машины теми чувствами, какие испытывает человек в процессе труда. Человек научился изобретать машины, которые умеют работать, думать, перемещаться в пространстве лучше, чем он сам, но не в его силах найти информационно-технологическую замену удовольствия человека, удовольствия быть человеком. Машины не обладают теми смешными излишествами, тем избытком жизни, который у людей является источником наслаждения или страдания, благодаря которым люди способны выйти из очерченных рамок и приблизиться к цели. Машина никогда не превазойдет свою собственную операцию²².

Только нормальное развитие человека связано с пробуждением и культивированием в нем интеллектуального, эмоционального и практического творчества, потому что творчество – это норма бытия, а не его патология. В целом отчуждение от творчества оказывается отчуждением от мышления, понимания и осознания бытия. «Содержание мысли не может войти в нас извне, мы должны извлечь его из собственных глубин. Сознание – это творчество»²³.

Примечания

- ¹ Хайдеггер М. Отрешенность / М. Хайдеггер // Разговор на проселочной дороге. М., 1991. С.103.
- ² Букреев В.И. Человек агрессивный. Истоки международного терроризма / В.И. Букреев. М., 2007. С.326.
- ³ Омельченко Н.В. Опыт философской антропологии / Н.В. Омельченко. Волгоград, 2005. С.101.

УДК 130.2

ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ РЕКЛАМЫ КАК СЕМИОТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

Л.Е. Трушина

Чебоксарский политехнический институт (филиал) Московского государственного открытого университета
E-mail: ltrushina@inbox.ru

Статья посвящена исследованию методом семиотики механизмов порождения смыслов в рекламе – базовом векторе культуры современного постиндустриального общества, в рамках которого функции рекламы выходят далеко за рамки первоначальной цели – информирования о товарах и услугах.

Ключевые слова: реклама, коммуникация, знак, идеология.

Philosophic Analysis of Advertisement as the Semiotic System

L.E. Trushina

The article analyzes by the method of semiotic the mechanisms of generation the sense into the advertisement in the contemporary

⁴ Бодрийяр Ж. Прозрачность зла / Ж. Бодрийяр. М., 2006. С. 185, 109.

⁵ Барт Р. Нулевая степень письма / Р. Барт. М., 2008. С.110.

⁶ См.: Гиренок Ф.И. Удовольствие мыслить иначе / Ф.И. Гиренок. М., 2008. С.18.

⁷ Маклюэн М. Понимание Медиа: Внешние расширения человека / М. Маклюэн. М., 2003. С.60–61.

⁸ Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структура / Ж. Бодрийяр. М., 2006. С.119–121.

⁹ См.: Бодрийяр Ж. Прозрачность зла / Ж. Бодрийяр. М., 2006. С.176–177.

¹⁰ Там же. С.181.

¹¹ Фромм Э. Человек для себя / Э. Фромм. М., 2006. С.55.

¹² Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структура / Ж. Бодрийяр. М., 2006. С.156–157.

¹³ Чистов К.В. Специфика фольклора в свете теории информации / К.В. Чистов // Вопр. философии. 1972. №6. С.112.

¹⁴ Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структура. С.125.

¹⁵ Пигалев А.И. Призрачная реальность культуры: Фетишизм и наглядность невидимого / А.И. Пигалев. Волгоград, 2003. С.313–314.

¹⁶ См.: Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. С. 185, 109.

¹⁷ Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структура. С.232.

¹⁸ Зиновьев А.А. Фактор понимания / А.А. Зиновьев. М., 2006. С.516.

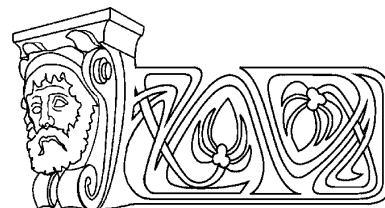
¹⁹ Букреев В.И. Человек агрессивный. Истоки международного терроризма / В.И. Букреев. М., 2007. С.26.

²⁰ См.: Кутырев В.А. Философский образ нашего времени (безжизненные миры постчеловечества) / В.А. Кутырев. Смоленск, 2006. С.297–298.

²¹ Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. С.76–78.

²² Там же. С.77–78.

²³ Ортега-и-Гассет Х. Эстетика. Философия культуры / Х. Ортега-и-Гассет. М., 1991. С.217.

post-industrial society. In today's world the function of advertisement goes far beyond its initial aim of informing about goods and service.

Key words: advertisement, communication, sign, ideology.

Реклама сегодня выполняет массу функций – от маркетинговой до этической и эстетической, однако главной её функцией с момента зарождения и по настоящее время остается коммуникативная.

Поскольку социальная коммуникация осуществляется с помощью знаков – вербальных и невербальных – рекламу можно считать семиотическим, или знаковым образованием. «Реклама весьма демократична, – отмечает современный теоретик и практик рекламы копирайтер И. Морозова. – Она редко создает “с нуля” собственные знаки, а с готовностью пользуется богатым знаковым материалом, наработанным в других сферах.

Реклама может использовать только формы существующих знаков, наделяя их новым содержанием. Или забирать себе целые знаковые комплексы, приспособлявая их смысл для достижения своих целей»¹.

Определение и классификация знаков были предложены американским ученым Ч. Пирсом в 1860-х гг. Он называет знаком любой предмет, служащий заместителем и репрезентантом другого предмета или явления в сознании человека, воспринимающего этот знак. Структура знака согласно Пирсу трехчастна, он представляет собой треугольник, так как состоит из объекта (часть реальности, которой соответствует знак), репрезентанта (форма, которую принимает знак, указующий на нечто в реальности) и интерпретанта (смысл, которым наделяется знак при восприятии). Пирс создает три трихотомии знаков: знаки по отношению к самим себе, по отношению к интерпретатору и по отношению к действительности. Из этих трихотомий в настоящее время широко используется только последняя: деление на знаки-индексы, знаки-иконы и знаки-символы.

Индексальное отношение основывается на естественной (каузальной, т.е. причинно-следственной) связи знака и того, что он репрезентирует. Индексы, впрочем, как и иконы, часто называют «натуральными» знаками, поскольку они стоят гораздо ближе к реальным объектам, чем к символам. К таким знакам можно отнести следы и указатели. Отношение между знаком и явлением, на которое он указывает, есть смежность (в пространстве и/или во времени). В рекламе индексы широко используются в визуальных и аудиовизуальных рекламных сообщениях,

когда необходимо наглядно и доступно продемонстрировать конкурентные преимущества (особенно, если речь идет о свойствах, которые достаточно трудно продемонстрировать напрямую – свежесть, скорость, престиж и т.п.) и принципы действия рекламируемого продукта.

Что касается иконического отношения, то оно определяется Пирсом как относительное сходство знака с репрезентируемым им объектом в сознании воспринимающего (это сходство определяется как иконичность). Иконы в рекламе, как и в изобразительном искусстве, – это визуальные образы, изображения. В символических знаках отношение знака к обозначаемому им безотносительно к какой-либо фактической связи между ними. Иначе говоря, их отношение представляет собой не естественную, как это было в случае с индексами, но конвенциональную смежность. К символам относятся все элементы фирменной символики, обеспечивающие однозначную идентификацию бренда и фирмы-производителя, включая рекламных персонажей, которые обретают статус «лица», или визитной карточки фирмы, или бренда, например, всемирно известный ковбой «Мальборо».

После Пирса значительную роль в развитии науки о знаках сыграл швейцарский языковед Ф. де Соссюр. Он определял язык как систему знаков. В знаке он выделяет две стороны: план выражения – означающее и план содержания – означаемое. В отличие от трехчастной модели Пирса модель знака Ф. де Соссюра двухчастна. Означающее представляет собой звуковой образ (шире – форму, которую принимает знак в коммуникации), означаемое – образ или понятие, или мысль, концепцию человека о явлении действительности, которое он представляет в процессе восприятия знака. В отличие от Пирса для Соссюра знак – явление прежде всего языковое, но он также распространяет это понятие за пределы лингвистики на другие явления индивидуальной и социальной жизни человека. Принцип Соссюра, лежащий в основе его лингвистики, заключается в том, что языковой знак всегда конвенционален (у

Пирса же конвенциональными являются только символы). Это позволяет рассматривать семиотику Пирса как «семиотику знака», а семиологию Соссюра и его последователей – как «семиотику языка».

Ф. де Соссюр подчеркивает, что для адекватного прочтения и понимания транслируемого сообщения отправитель и получатель информации должны владеть его кодом – системой правил, определяющих значимость сочетания элементов сообщения и отделяющих значимые элементы от незначимых. Благодаря коду мы соотносим знаки с определенными образами предметов и не принимаем во внимание те из элементов сообщения, которые не охватываются кодом. Код устанавливается и крепнет в системе общения как результат общепринятых правил коммуникации. «Коды – явление социальное, – замечает И. Морозова, – поскольку подразумевают общественный “договор” о связи определенных форм и референтов, который единственно и обеспечивает понимание друг другом носителей одной культуры и одновременно отделяют их от носителей других культур, этими кодами не владеющих»².

В сфере рекламы особенно часто случаи неправильной дешифровки сообщений встречаются там, где сталкиваются иные ценностные миры, т.е. где рекламодатель и целевая аудитория – выходцы из различных культурных общностей, например, представители разных национальностей, субкультур, другого вероисповедания. Разница смысловых кодов нашего визуального восприятия в современной полистилистической культуре коренится в гендерных, возрастных, психологических различиях, в особенностях культур и субкультур их носителей. Однако реклама в целях успешности и эффективности коммуникативного рекламного акта, адресованного широкому кругу аудитории, «всегда пользуется визуальными знаками с устоявшимся значением, провоцируя привычные ассоциации, играющие роль риторических предпосылок, те самые, что возникают у большинства»³.

Графический дизайн представляет собой «синтетическую коммуникацию», соединяющую в себе текст и изображение. По-

следнее мы наблюдаем в рекламе в двух видах: как рисунок и как фотографию. Построить семиотику языка изображений оказывается достаточно сложным делом по следующим причинам. Известно, что вербальный язык поддается двойному членению: на первом уровне выделяются значимые единицы (слова, или морфемы), а на втором – фонемы, обладающие только дифференциальными, а не смысловыми признаками. Однако произвести указанную операцию применительно к изображениям чрезвычайно трудно. Есть исследователи, утверждающие, что нахождение таких знаков в визуальных искусствах вообще невозможно. Так рассуждает, например, Э. Бенвенист: «В изобразительных искусствах <...> существование каких-либо единиц становится проблематичным <...>. Художник творит свою собственную семиотику...»⁴.

На уровне иконического знака также трудно разрешимой, по сравнению с вербальным сообщением, остается проблема выделения синтагмы, т.е. формальной единицы высказывания. Имеющиеся попытки вычленения дискретных единиц всегда наталкивались на тот факт, что предлагаемые знаковые единицы изображения оказывались неоднородными и даже при условии общности материала или законосителей существенно различались по форме, размеру, объему. Кроме того, знаковые единицы иконического сообщения сами по себе не образуют системы жестких различий и противопоставлений в отличие от фонем языка, т.е. они лишены такого качества, как разработанное в фонологии понятие позиционального и оппозиционального значения. Поэтому говорить о языке изображений как семиотической системе можно только со следующих позиций. Во-первых, ошибочно полагать, что любой коммуникативный акт основывается на языке, коды которого подобны кодам естественного словесного языка. Во-вторых, убеждение в том, что любой язык обязательно имеет только два устойчивых членения (незначимые, дифференциальные элементы и их значимые сочетания), – также заблуждение. Таких членений может быть не только два и не обязательно устойчивых.

На примере исследования рекламного образа французский исследователь Р. Барт хочет решить проблему иконического знака и аналогового кода (т.е. кода изображения) и рассмотреть вклад рекламы как одного из средств массовой коммуникации в идеологию общества. Он насчитывает в рекламе три типа сообщений: вербальное (языковое), иконическое сообщение с кодом (или иконическое символическое) и иконическое сообщение без кода (иконическое перцептивное). Обычный потребитель не различает последние два сообщения и одновременно воспринимает перцептивное изображение (без кода) и символическое (с кодом). Буквальное сообщение играет роль опоры (означающего) для символического, утверждает Барт, но затем оговаривается: найти «адамов модус» изображения, т.е. нечто, лишенное коннотаций, практически невозможно. Следовательно, буквальность, или денотативность фотографии, активно используемой в рекламе, относительно в сравнении с рисунком, ибо рисунок всегда построен на базе определенного кода.

Принципиальное отличие фотографии от рисунка заключается в том, что в первом случае мы имеем дело с механическим воспроизведением объекта. То, что реальность запечатлена механическим прибором, является залогом ее объективности. Однако в фотографии присутствуют общекультурные коды: выбор кадра, его построение, выбор освещения и т.д. Таким образом здесь мы находим отношение природы (механическое воспроизведение объекта) к культуре, в то время как в графике проявляется соотношение двух культур: на денотативном и коннотативном уровнях. Фокус, производимый средствами массовой коммуникации, заключается в том, чтобы заставить зрителя читать дизайн-графику как фотографию. Иначе говоря, фотография натурализует символическое сообщение рисунка.

Далее Барт выясняет функции вербального сообщения и его отношения к изобразительному. Он обращает внимание на то, что в современной цивилизации практически любое изображение сопровождается надписью.

Возникает вопрос: дает ли она избыточную информацию или дополняет смысл изображения? Дело в том, что любое изображение полисемично: под слоем его означающих обнаруживается плавающая цепочка означаемых, и при восприятии изображения можно обратить внимание на некоторые из них, при этом не заметив других. Вот почему вербальное сообщение по отношению к иконическому выполняет функции закрепления и связывания смысла. Преодолевая смысловую неопределенность иконических знаков, подпись совершает акт именования – закрепления денотативных смыслов. В отношении символических сообщений (картин, рисунков) словесный текст управляет не идентификацией, а интерпретацией зрительных образов. Он подобен тискам, зажимающим коннотативные смыслы и не дающим им выскальзывать в зону сугубо индивидуальных ассоциаций. Можно сказать, что вербальный текст выполняет репрессивную функцию: он жестко проводит реципиента по полю иконических знаков в направлении заранее заданного смысла, при этом акцентируя одни знаки и затушевывая другие.

Обращение итальянца У. Эко к рекламе связано с желанием проверить закономерности риторической коммуникации в новой для риторики области. В визуальной коммуникации он выделяет пять кодификационных уровней. Самый высший и общий – иконический. Существуют интернациональные коды, управляющие общезначимыми, архетипическими основами человеческого поведения или укорененные в его физиологии, и коды регионального, национального значения. Второй уровень – иконографический – ярко выражен в рекламном изображении. Именно реклама более других современных искусств вводит в обиход условные иконограммы (исторические и современные), как раньше это делала живопись, классическое искусство. На этом уровне Эко выделяет два типа кодификации. Первый из них – исторический, заимствованный из сферы классического искусства и выработанный им иконографией, т.е. устоявшихся принципов и приемов изображения определенных идей и понятий («свя-

тость», «материнство» и пр.). Другой – созданный в рекламе как таковой (определенные позы, ракурсы, мимика, жесты, манера одеваться и т.д.). Иконограмма, как и сочетание иконических фигур, – уже не знак, а сема.

На третьем уровне мы имеем дело с тропами, включающими в себя визуальные эквиваленты выделенных Аристотелем словесных тропов. В особенности часто используются рекламой такие их виды, как гипербола и литота, метафора и метонимия. Часто в рекламе для достижения эффекта неожиданности, привлечения внимания потребителя, о-странения привычного образа используется прием визуализации или буквального воплощения в иконическом знаке словесной метафоры.

В современной рекламе получили также распространение такие виды тропов, как причастность по смежности. Например, таким образом на рекламируемый продукт с помощью соответствующего изображения, как правило, дополненного надписью или связанного с названием товарной марки, может распространяться авторитет уже признанного или окруженного ореолом почтенности, причастности к истории человека или вещи. Среди таких тропов Эко особо выделяет так называемую иконограмму-китч, или доказательство от авторитета, которую также можно отнести к разновидностям топосов, или общих мест. С иконограммой-китч мы имеем дело, когда видим знаменитое произведение искусства, превращенное в рекламный плакат или в этикетку, упаковку. В этом случае может использоваться всемирно известный шедевр в качестве элемента, составной части рекламного плаката или другой печатной рекламной продукции, возможно, с определенными изменениями или переработкой. В последнем случае произведение искусства выступает перед нами в виде коннотации самого себя, но всегда оно уделяет немного от своей славы и рекламируемому товару, создавая ему паблисити. Особенно часто современная реклама для этой цели использует женские образы, например, Джоконду.

В качестве типичной визуальной фигуры, эксплуатируемой современной рекламой, Эко называет также двойную метонимию, или импликацию, имеющую цель однозначной идентификации товара, выделения его среди аналогичной продукции конкурентов. В результате между визуальным знаком и его референтом устанавливается отношение однозначного соответствия, или тождества: «Только дубленки, купленные в фирменном магазине “Дубленки на Неве”, – настоящие дубленки».

В итоге, отмечает Эко, практически каждый рекламный образ строится как определенная риторическая фигура, которая начинает доминировать, т.е. имеет место антономасия. При этом всякая изображенная на рекламном плакате вещь или любой индивид представляют не только себя, но шире – свой род или вид. Согласно этому принципу молодые люди или девушки, пьющие «Фанту» или «Пепси», делают то, что «делают все парни или девушки». Таким образом, указание на какой-то отдельный случай в рекламе приобретает смысл примера, становится доказательством от авторитета. Частное здесь принимается за всеобщее и образцовое. Этот принцип является основополагающим в области рекламной коммуникации, именно на нем базируется ее убедительность и сила внушения. Реклама апеллирует к авторитету коллектива, представителем и выразителем интересов которого является изображенный на рекламном плакате субъект.

Четвертый кодификационный уровень в сфере рекламы – уровень топосов, включающий в себя предпосылки и общие места аргументации. Топосы в силу их банальности и неоспоримости, общепризнанности обладают очень сильным потенциалом внушения, в том числе и в сфере визуальной коммуникации, где они, как правило, находят свое воплощение в форме иконограмм. Каждая иконограмма, кроме своего буквального, денотативного значения, имеет ряд коннотаций, большая часть из которых – топосы («Все делают так», «Это неоспоримо», «Это – истина» и т.д.), наводящие на определенную предпосылку («И ты делай так», «Согла-

сись и ты с этим», «Не сомневайся» и пр.). Так с помощью топосов реклама не столько убеждает, разъясняет и аргументирует, сколько внушает на глубинном уровне архетипических структур коллективного бессознательного.

На пятом, последнем уровне мы имеем дело с визуальной аргументацией, которая вся строится по принципу энтимемы, т.е. сокращенного умозаключения с опущенными посылками, отсылающего к устоявшимся способам аргументации. Поскольку печатная реклама имеет два ряда, или регистра сообщений – изобразительный и словесный, риторические приемы, используемые в каждом из них, могут не совпадать друг с другом, образуя сложные конфигурации. Например, в визуальном ряду могут использоваться изощренные образцы классической живописи. Также он может выстраиваться по типу художественного организованного кинокадра из культового фильма для избранной публики, т.е. быть заимствованным из элитарной культуры (*highbrow culture*); в то же время словесный текст снижает эту элитарность («высоколобость») и обращается к широким кругам потребителей с более примитивными запросами (возможен, конечно, и обратный вариант).

Высокая информативность, создающая эстетическое поле рекламного обращения, еще не решает вопрос о способности рекламы перестраивать идеологию, констатирует Эко. Даже утонченные образцы рекламы на идеологическом уровне могут оказаться тривиальными, избыточными, не выводящими потребителя за рамки таких устоявшихся жизненных стереотипов, как: самое главное в жизни – преуспевание, богатство, престиж и т.п. Тем не менее Эко не исключает того, что возможна реклама, обладающая информативностью не только на риторическом, но и идеологическом уровне, особенно в сфере социальной и политической. Коммерческая же реклама, полагает он, призвана в большей

степени упрочивать идеологические установки потребителя, нежели менять их. Поэтому в финале своих семиотических штудий рекламы автор заявляет, что «мораль» его исследования заключается в том, чтобы побавить иллюзии разработчиков рекламы по поводу своих возможностей усовершенствовать эстетические вкусы и запросы, модифицировать стиль жизни, преобразовать систему ожиданий, развить интеллект и воображение публики. На все это, напоминает Эко, накладывают ограничения экономические реалии, которым подчинена реклама.

Вместе с тем следует подчеркнуть, что в информационном обществе культура соединяется с цивилизацией, материальные блага получают культурное измерение, а культурные наделяются экономическими моментами. От массового усредненного потребления человечество переходит к взыскательному, претенциозному в эстетическом и культурном отношении. Престиж вещи, ощущение ее необходимости смещается с материальных, функциональных качеств товара в сторону символически-культурных. Потребление товаров становится потреблением культуры – языка, символов, знаков. Этим объясняется огромная роль, которую реклама играет в обществе потребления, где приобретение вещей диктуется не насущной необходимостью, а прежде всего рекомендациями рекламы, соображениями престижа, присвоением социальной символики. Так предметы постепенно лишаются своей вещественности, превращаясь в знаки, инструменты коммуникации.

Примечания

¹ Морозова И.Г. Рекламный сталкер. Теория и практика структурного анализа рекламного пространства / И.Г. Морозова. М., 2002. С.21.

² Там же. С.54.

³ Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию / У. Эко. СПб., 2006. С.107.

⁴ Бенвенист Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист. М., 1974. С.82–83.

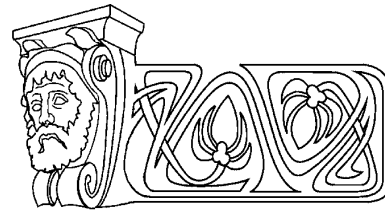

УДК 165

КРЕАТИВНЫЙ МИР ФИЛОСОФА

В.Б. Устьянцев

Саратовский государственный университет
E-mail: ystvb@list.ru

Статья посвящена философскому наследию известного отечественного философа В.П. Кохановского. Актуализируются концептуально оформленные ростовским учёным идеи и принципы диалектики в эпистемологических моделях мира, выявляется вклад мыслителя в развитие историко-философских знаний. Рассматривается роль профессора В.П. Кохановского в развитии философского образования в высшей школе.

Ключевые слова: общеполитические методы, принципы диалектики, концепции, историзм, жизненный путь.

The Philosopher's Conceptual World

V.B. Ustyantsev

The article is devoted to a philosophical heritage of a well-known native Russian philosopher V.P. Kokhanovsky. This work represents the analysis of ideas and principles of dialectics in epistemological models of the world, that were conceptually shaped by the Rostov scientist. Also this thesis identifies the contribution of the thinker to development of historical-philosophical knowledge. The author of the article mentions the role of professor V.P. Kokhanovsky in development of philosophical education in the higher school.

Key words: common philosophical methods, principles of dialectics, concept, historicism, life.

*Посвящается памяти
профессора В.П. Кохановского*

Философия открывает разные горизонты мироздания. Если научная картина мира рождается усилиями дисциплинарно организованных научных сообществ и научных школ, то концептуальный образ мира – это итог размышлений и философских обобщений одного ученого, его «визитная карточка» в научное сообщество, его знания и убеждения, образующие неповторимую вселенную мысли. В.П. Кохановский создал свой концептуальный мир, наполнил его сокровенными смыслами, идеями, убеждениями, новыми знаниями, получившими признание философской общественности России.

За многие годы дружбы с Валерием Павловичем Кохановским у меня образовалась целая библиотечка его авторских и коллективных монографий, сборников научных статей, учебников для высших учебных заведений и учебных пособий для аспирантов,

выполненных под его научным руководством. Поразительно многообразие его философских интересов – от диалектической логики, диалектики как общей теории развития до методологии социального познания, герменевтики и общетеоретических проблем синергетики. Причем самые разнообразные по содержанию и жанру философские тексты, вышедшие из под его пера, объединены общим философским замыслом и стали своеобразными вехами его творческого пути в философии. Концептуальные основания рационально выверенного мышления В.П. Кохановского нераздельно связаны с диалектическим методом. «Современный мир – это сложная диалектическая целостная система, адекватное постижение которой невозможно без диалектико-материалистического метода»¹. Диалектический метод – это философское кредо известного ростовского ученого, основа его философских убеждений, от которых он не отходил в научном поиске и в жизни.

Как известно, общеполитические методы раскрываются, прежде всего, через принципы. В философском наследии Кохановского авторская концептуализация диалектики начинается с принципа историзма. В работе над этим принципом он уходит от прямолинейных оценок и суждений, охватывает широкую философскую традицию, обсуждает становление идеи развития в классической рациональности Г. Лейбница, И. Канта, Г.-Ф. Гегеля, в страстных публицистических высказываниях русских революционных демократов, в воззрениях на научные революции классиков философии науки. Философская эрудиция В.П. Кохановского раскрывается в широкой осведомленности о работах отечественных философов, изучающих принципы и категории диалектики.

Широкую известность у философской общественности страны приобрела его авторская монография «Историзм как принцип диалектической логики» (1978). Отходя от традиционного в марксистской диалектике обоснования теории развития с позиций принципа единства теории и практики, «сформулированного применительно к исходному пункту исследования»², Кохановский связывает проблему «начала» в диалектике с принципом историзма. Историзм находит свое предельно общее выражение в проблеме начала – «это исходный пункт всего исторического рассмотрения, где формируется предварительное представление о предмете»³. Философ обосновывает временные структуры историзма, где целостный образ настоящего сочетается со «следами» прошлого и содержит в себе зачатки будущего⁴. Плодотворной в научном плане представляется идея связи историзма со становлением, с диалектическим отрицанием, где каждая предшествующая фаза развития преодолевается в последующей, охваченной движением к будущему. Уходя от схематизма, философ подчеркивает связь историзма как принципа диалектической логики с генетическим подходом, сравнительно-историческим методом, методом актуализма.

Обоснование принципа историзма с позиций философской теории времени появляется на перепутье авторских рассуждений над историко-философскими проблемами, сформулированными еще в кандидатской диссертации («Категория возникновения», 1968) и изучения работ по философским проблемам времени в конце 60 – первой половине 80-х годов прошлого столетия. В этот период в философском пространстве появились фундаментальные исследования, где категории диалектики (прежде всего, категория становление) превращались в научные и мировоззренческие ориентиры для раскрытия проблемы времени. Саратовский философ Я.Ф. Аскин обосновал роль категории становления в структурировании модусов времени, выяснил специфику детерминации природных и социальных процессов модусами прошлого, настоящего и будущего⁵.

Я.Ф. Аскин и В.П. Кохановский каждый шли своим путем в осмыслении темпоральной логики диалектического мышления, по-своему обосновали роль времени как онтологического начала развивающихся систем.

От историзма как исходного принципа диалектики В.П. Кохановский переходит к осмыслению связи диалектического метода с дисциплинарными методологиями, выстраивает проблемное поле социальной диалектики. В условиях устойчивости социальной системы, развивающейся по стратегиям плановой экономики, социальное развитие социалистического социума рассматривалось в социальной метафизике как экстраполяция законов диалектики. Социальные противоречия, качество, отрицание довольно часто мыслились как выражение универсальных законов диалектики и представляли частным выражением единства диалектики, логики и теории познания. В.П. Кохановский, привлекая диалектический метод «выведения» к осмыслению социальной реальности, отмечает слабые стороны фрагментарного анализа социальной диалектики, необоснованные попытки сведения метода диалектики «к отдельному приему», когда игнорирование широких возможностей идей диалектики при разработке диалектического метода искажает понимание марксистской философии, «тормозит исследование той социальной реальности, в которой мы живем, ориентируя хотя и на верные, но весьма общие положения из теории диалектики»⁶. По сути дела, философ выступает против широко распространенной в годы перестройки установки фрагментарного анализа категорий социальной диалектики посредством применения «отдельных приемов». За процедурами выяснения самодостаточности общественного противоречия, социального отрицания, социального качества наблюдалась утрата целостного взгляда на развитие общества. На практике общественные реформы имели точечную направленность, не затрагивая нарастающую деформацию всей социальной системы. Фундаментальное понимание общества как целого, по мнению В.П. Кохановского, открывает возможность вывести идею развития именно

из сущности целого как закона, «из которого должно быть выведено все то, что принадлежит этому целому, но не обладает собственными потенциями саморазвития»⁷. Сегодня, в условиях нарастания неуправляемых экономических, социальных рисков, обострившихся противоречий, особенно актуальна методологическая установка осмыслить и преодолеть масштабные социальные деформации с учетом общенациональных интересов, избегая давления корпоративной политики меньшинства, за которой стоят интересы бизнес-элит, отдельных правительственных чиновников и ангажированных экспертов.

Весьма характерной особенностью концептуализации социальной реальности, категориальных рядов диалектики в творчестве Кохановского предстает фундаментальная историко-философская проработанность обсуждаемых проблем. Интересующая мыслителя философская тематика органически выводится из историко-философских концептов. Так, эвристическое осмысление этапов становления диалектического метода в наследии классиков марксизма органически дополняется самостоятельными суждениями философа о диалектическом содержании категориальных рядов в философии античности, Нового и новейшего времени. Значительный интерес для него представляли работы по принципам диалектики в философском наследии Гегеля⁸. Понимание истоков диалектики, по мнению Кохановского, связано с осмыслением проблемы начала. В работах Гегеля он особо выделяет две идеи: идею темпоральности начала, когда речь идет о начале и, соответственно, о конце только применительно к конечным предметам, над которыми властвует время, и о системной природе начала, когда «всякое новое явление, по Гегелю, начинается только тогда, когда оно появляется как целое, как органическая система всех своих предпосылок». Размышляя над проблемой начала, Кохановский переводит гегелевские идеи в плоскость собственного авторского анализа, выдвигая оригинальную концепцию о темпоральной природе историзма.

Авторский подход к философским системам эпохи Просвещения превращается в заочный диалог с традиционными точками зрения на философию и других просветителей в современной западно-европейской философии. В качестве примера можно остановиться на различии оценок философского наследия Г. Лейбница. По мнению Б. Рассела, «Лейбниц, основывая свою философию, опирался на две логические предпосылки: закон противоречия и закон достаточного основания»⁹. В таком контексте основания метафизики Лейбница сводятся к аналитическим суждениям, выражающим развитие в духе аристотелевской логики. Другие исследователи выделяют теологический аспект мироздания. «Философия Лейбница представляет собой оправдание мира, выбранного богом»¹⁰. В.П. Кохановский создает иной образ философа, подходит к идеям немецкого просветителя с других позиций, усматривая за аналитическими суждениями и теологическими взглядами Лейбница особый философский горизонт, где просматривается единство формальной логики и диалектического метода. В опубликованных тезисах доклада на III Российском философском конгрессе (к сожалению, из-за болезни автор тезисов не смог принять участие в работе конгресса) содержится итог кропотливой работы над произведениями Лейбница. Кохановский сосредоточил внимание на принципах диалектики как «науки об уме», выделив в философском наследии немецкого философа принципы всеобщих различий, непрерывности, дискретности, единства дискретных пар, всеобщей связи и взаимодействия¹¹. Содержание тезисов не дает возможности раскрыть аргументацию ее автора, по-видимому, он собирал материал для научной публикации, которая, к сожалению, так и не была завершена. Помимо философской классики эпохи европейского Просвещения в поле зрения философа постоянно оказываются идеи диалектики, сформировавшиеся на почве национальной культуры России. Весьма внимательно он относится к философскому наследию Н.Г. Чернышевского, видя в нем не только писателя, философа, но и яркую са-

мобитную личность¹². Помню, как в один из первых приездов в Саратов Валерий Павлович сразу же предложил посетить музей-усадьбу и памятник-мемориал Н.Г. Чернышевскому. Он стремился с помощью артефактов понять, что чувствовал, что любил, против чего боролся автор знаменитого романа «Что делать?».

На своем жизненном пути, будучи уже состоявшимся философом, мыслителем, Кохановский удивительным образом сочетал философские воззрения и ценностное отношение к жизни, открыто занимал критическую позицию к схематизму, косности, к стремлениям отдельных философов порождать умозрительные схемы и поверхностные схоластические «произведения»¹³.

Остро ощущая потребность научного познания в обновлении методологических функций диалектического метода, философ обращается к осмыслению философии науки и углубленной трактовке методологии социального познания. Неоднократно, касаясь вопроса классификации социогуманитарных наук, отмечал ее слабую разработанность. Долгое время анализ науки и научного знания, по его мнению, проводился по модели естественно-научного знания. В последние же десятилетия резко возрос исследовательский интерес к социально-гуманитарному познанию, которое рассматривается как один из видов научного. Авторское исследование философии и методологии науки в концептуальном мире ученого идет по двум направлениям: освоение норм и принципов парадигмального мышления и совершенствование методики преподавания философии для аспирантов и соискателей. Связующим звеном для этих направлений становятся базовые принципы диалектики. Приступая к обоснованию философских основ науки, Кохановский как руководитель научного коллектива¹⁴, задается вопросом: насколько философские принципы применимы к анализу науки? Утвердительный ответ неоднозначен. Как можно заключить из содержания книги, ответ предполагает, *во-первых*, установление соответствия науки и философии по понятийному аппарату и принципам. Обсуждая

вопросы применения принципа историзма к современному научному знанию, он выделяет основные пути исследования: «первый путь – это реконструкция прошлого по его “обломкам” в настоящем, второй путь – конструировать будущее по его “зародышам” в настоящем, так как будущее вытекает из настоящего»¹⁵. *Во-вторых*, философия задает методологические планы решения научной проблемы: ученый стремится увидеть в науке отношение мысли к действительности. Философии отводится роль «компетентного арбитра», который в состоянии дать философские модели решения парадоксальных проблем. В этой связи «понятие “философские основания науки” выражают, – по мнению Кохановского, – философские идеи и принципы, которые содержатся в данной науке и дают самые общие ориентиры для познавательной деятельности»¹⁶. Именно эти идеи и принципы во многом обуславливают структуру философии науки – эпистемологию, методологию и социологию научного познания. Разумеется, сама структура имеет тенденцию к уточнению и изменению. *В-третьих*, вопрос об оправданности применения философии к анализу науки касается функций собственно философии науки как целого в процессе развития научного знания. Авторская трактовка Кохановским функций философии науки как целого в процессе развития научного знания вызывает особый интерес, так как касается болевых точек эпистемологии – таких, как различие, общность и единство естественно-научной и социогуманитарной областей знания и соответствующей ей методологии. Манифестацией звучит тезис о том, что «современная философия науки выступает в качестве недостающего звена между естественно-научным и гуманитарным знанием»¹⁷.

Логическая и методологическая направленность исследования философии науки получила свое дальнейшее развитие в других авторских работах, где научная обстоятельность сочетается с доступными для читателей формами изложения этого материала¹⁸. Особо следует подчеркнуть, что авторская позиция пронизана стремлением рассмотреть

науку как развивающееся формообразование на основе принципа историзма.

Не все было гладким и безоблачным на творческом пути философа. В последние два десятилетия парадигма материалистической диалектики переживает трудные времена. В адрес сторонников диалектической концепции мира обращены незаслуженные обвинения в анахронизме, схематизме, излишней приверженности эссенциализму и редукционизму. В.П. Кохановский вместе со своими коллегами публикует работы, где раскрывается творческий дух диалектики, ее эвристическая направленность в междисциплинарных исследованиях, в осмыслении связи диалектического и синергетического подходов. Создавая все новые «защитные пояса» (термин И. Лакатоса) для диалектического метода, он выстраивает методологическую программу, где применение диалектического метода к вновь появившимся реалиям становится необходимым условием развития постнеклассической рациональности¹⁹.

Концепции и парадигмы в философии живут духом созидания нормальной науки до тех пор, пока продолжают развиваться идеи лидеров научных школ. Светлый образ доктора философских наук, профессора В.П. Кохановского, которому в этом году исполнилось бы 70 лет, лидера, человека мощного интеллекта, создавшего свою философскую вселенную, сохранится в памяти философского сообщества, а его творческое наследие будет жить и развиваться в работах соратников и многочисленных учеников.

Примечания

¹ Кохановский В.П. Диалектико-материалистический метод / В.П. Кохановский. Ростов н/Д., 1992. С.3.

² Материалистическая диалектика: в 5 т. Т.1. Объективная диалектика / Под общ. ред. Ф.В. Константинова, В.Г. Махромова. М., 1981. С.14.

³ Кохановский В.П. Историзм как принцип диалектической логики / В.П. Кохановский. Ростов, 1978. С.141.

⁴ Там же.

⁵ См.: Аскин Я.Ф. Проблема времени. Ее философское истолкование / Я.Ф. Аскин. М., 1966; Аскин Я.Ф. Философский детерминизм и научное познание / Я.Ф. Аскин. М., 1977.

⁶ Ватин И.В. Диалектический метод и социальная реальность / И.В. Ватин, В.П. Кохановский. Ростов н/Д., 1990. С.49.

⁷ Там же. С.53.

⁸ Кохановский В.П. Принцип историзма в историко-философской концепции Гегеля / В.П. Кохановский // Известия Северо-Кавказского науч. центра высш. шк. Сер.: Общественные науки. 1973. №3; Кохановский В.П. Принцип историзма в философии Гегеля / В.П. Кохановский, В.Н. Карташкина // Вестн. Моск. ун-та. Сер. VIII, Философия. 1973. №4. С.6–11.

⁹ Рассел Б. История западной философии и ее связи с политическими и социальными условиями от античности до наших дней / Б. Рассел. Новосибирск, 2003.

¹⁰ Скирбекк Г. История философии / Г. Скирбекк, Н. Гилье. М., 2001.

¹¹ Кохановский В.П. Универсальный метод Готфрида Лейбница / В.П. Кохановский // Рационализм и культура на пороге третьего тысячелетия: материалы Третьего Российского философского конгресса (16–20 сентября 2002 г.): в 3 т. / Отв. ред. В.С. Степин [и др.]. Ростов н/Д., 2002. Т.1. С.53–54.

¹² См.: Кохановский В.П. Н.Г. Чернышевский об историзме как принципе познания / В.П. Кохановский // Известия Северо-Кавказского науч. центра высш. шк. Сер.: Общественные науки. 1978. №2. С.12–16.

¹³ См.: Кохановский В.П. Диалектика против софистики и эклектики / В.П. Кохановский. Ростов н/Д., 1984; Кохановский В.П. «Философская необразованность» и политические ошибки / В.П. Кохановский, И.В. Ватин. Ростов н/Д., 1990.

¹⁴ Кохановский В.П. Основы философии науки: учеб. пособие для аспирантов / В.П. Кохановский, Т.Г. Лешкевич, Т.П. Матяш, Т.Б. Фатхи. Ростов н/Д., 2004.

¹⁵ Там же. С.27.

¹⁶ Там же. С.34.

¹⁷ Там же. С.15.

¹⁸ Кохановский В.П. Философские проблемы социально-гуманитарных наук (формирование, особенности и методология социального познания): учеб. пособие для аспирантов / В.П. Кохановский. Ростов н/Д., 2005. Рец. на кн.: Социальное познание: формирование, особенности, методология / В.Б. Устьянцев, Е.В. Листвина // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2006. Т.6, вып.1/2. С.121–123.

¹⁹ См.: Устьянцев В.Б. Научное знание: единство методологии / В.Б. Устьянцев, В.П. Барышков // Эпистемология. Философия науки. 2005. Т.6, №4. С.242–246.

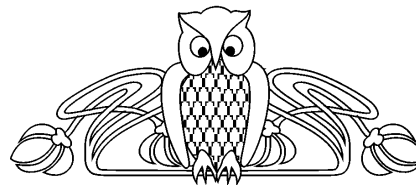

УДК 130.2

СОЦИАЛЬНАЯ ЭСТЕТИКА ВКУСА: ЭЛИТАРНОЕ И МАССОВОЕ

О.Ф. Филимонова

Саратовский государственный университет
E-mail: Filmon-2006@yandex.ru

Статья посвящена анализу проблемы эстетического вкуса в контексте изменений структуры отношений элитарное–массовое. Внимание фокусируется на ряде социальных и эстетических понятий, отражающих специфику современной потребительской культуры. Критерий качества, который является ключевой составляющей последней, выступает подосновой социально-структурных подвижек, а феномен вкуса – мерой диспаритета в области эстетического и культурного опыта.

Ключевые слова: элитарное, массовое, антимассовое, эстетический вкус, качество, омассовленное общество, потребительская культура.

Social Aesthetic of Taste: Elitist and Mass

O.F. Filimonova

The article covers the analysis of the aesthetic taste problem in the context of changes of relation structure: elitist – mass. Attention is focused on some social and aesthetic categories and conceptions reflecting the specificity of the modern consumers culture. The quality criteria being the key component of the latter is the underlying cause of the social-structural progress, and the taste phenomenon is the measure of disparity in the field of aesthetic and cultural experience.

Key words: elitist, mass, antimass, aesthetic taste, quality, massified society, consumers culture.

Тот факт, что явление эстетического вкуса стало играть весьма актуальную роль в социальных и институциональных структурах, предполагает признание ряда позиций. Во-первых, сегодня нельзя отрицать ту высокую степень классовых отличий и многообразия форм дифференциации, которую они приняли в условиях глобальной капитализации жизни, равно как невозможно не признать реальность их тесного переплетения с атрибутами и эффектами буржуазной культуры. Мы повсеместно наблюдаем стилевое разнообразие жизни и смену эстетической семантики, вызванные изменениями общих условий и потребностей, а вместе со всем этим и отказ от стандартных восприятий, сложившихся по образу чувств эпохи модерна. Это обстоятельство особенно заметно на примере субкультур, масс-медиа, явлений потребления, где предпочтительность реализует себя эстетически-ценностно в специфиче-

ске чувственных откликов и мотивов. Являясь своеобразным классификатором людей и вещей, чувство вкуса выполняет дифференцирующую, упорядочивающую и сортирующую функцию, и потому оказывается в одном ряду с такими измерениями социальной принадлежности, как класс, статус, среда, стиль, ментальность.

Во-вторых, в любом обществе элита определяет политику, экономику, формирует основы знаний, демонстрирует образцы стиля, выправляет русло общественного вкуса (нет смысла опровергать бытующее мнение, что красота и ее понимание всегда есть удел меньшинства – и этим объясняется неизбежность духовного аристократизма). Она обладает такой возможностью уже в силу того, что способна формулировать свои мысли и выражать себя. Ведь элита (*eligo* – с лат., выбирать, избирать) означает не что иное, как способ удостоверения избранности¹. Элита есть нечто лучшее, превосходящее, но такого рода, качественная индексация которого не допускает иной возможности опыта, кроме той, что получена с помощью этого превосходства (будь то род, святость, знание, власть, деньги, талант или статус). Подобная избранность проявляется рано – в направленности вкусов, интересов, склонностей и продолжается в непрерывном выборе.

С другой стороны, *eligo* всегда как бы противостоит *massa*, понятию, которое буквально означает «ком», «кусочек». Здесь отличительная нагрузка связывается с количественным признаком, уводящим в область представлений о чем-то неразвитом, грубом, неструктурированном, множественном. В «плотной» среде масс нет чрезвычайных опытов и предпочтений, резких уклонов от сложившихся правил и традиций. Чувство массы – от численности, и его происхожде-

ние чисто демократическое. В этой перспективе обнаруживается дивергентность качественных корреляций: массовое распознается как «совместное» и «простое» в отличие от «единичного» и «сложного» элитарного. Отсюда культурная оценка массового устойчиво несет на себе несмыслимый налет вторичности и ведомости, приметы усредненности и подражательности, оттенок вульгарности и пошлости.

Поэтому не случайно, что многие идеи и мотивы деятельности элиты имеют судьбоносное влияние, поскольку ее воля способна объединять и направлять волю масс. Этот малый сегмент общества не только создает движения за социальные и культурные изменения, но и устанавливает контроль над ходом их дальнейшего развития. В любой момент созданный им общественный капитал в виде ценностей оказывает влияние на поведение людей через более или менее сознательное принятие их в качестве предпочтений или ограничений. Такая связь, несомненно, образует важный компонент развития. Однако несмотря на интенцию сближения и моменты со-действия с общественными силами, элита ориентирована на дистанцирование как образом жизни, так и символически. В своем позиционировании она альтернативна, самобытна, творчески оригинальна, уникальна, короче говоря, элитарна. Это обстоятельство позволяет признать и понять актуальность следующей позиции в рассматриваемой нами проблеме.

В-третьих, нельзя уклониться от признания тотального омассовления общества. В гуманитаристике принято подразделять новоевропейскую культуру на: классовую культуру, которой свойственно четкое деление на элитарную и массовую (народную); массовую культуру, связанную с унификацией вкусов потребительского рынка, стиранием классовых и иных различий; и, наконец, потребительскую культуру, где культура превращена одновременно в производительную силу, продукт и товар. В сущности, потребительская культура – это образ омассовленного общества, характеризующий его в ряде ключевых моментов. Прежде всего, это тенденция на всеохватность. Если массовая

культура была нацелена завоевать так называемого «среднего» человека, то потребительская претендует на захват потребительской массы во всей ее полноте, и главным образом, элиты, поскольку она – активный потребитель.

Другой момент отражает специфику идентификационных процессов: всякий осознает себя в социальном отношении через культурные образы и образцы (бренды). Поточное производство идей, текстов, визуальных пространств, продукции подается в самых разнообразных формах и на любой вкус, и каждый вправе придерживаться того, что его душе угодно. Эту функцию выполняют все те, кто взял на себя это бремя забот: интеллектуалы, технократы, художники, дизайнеры, рекламщики, имиджмейкеры, шоумены, рестораторы, кулинары и т.п.

Третий момент фиксирует дилемму: возможность выбора не означает, что потребители свободны в своих действиях. Разумеется, любой и каждый, кто не способен к самостоятельной ориентации в разнородном потоке культурных артефактов, будет испытывать большую затруднительность в применении эстетико-культурных критериев в сравнительной оценке. Отсутствие необходимого уровня рефлексии неизбежно приводит к наивной доверчивости, а невзыскательность незамысловатого вкуса подвергнется риску оказаться под влиянием чужих, нередко заниженных, эстетических перцепций. Наиболее зримо такая зависимость проявляется в процессе деструкции старых систем смысла (религиозных, идеологических, художественных) и традиционных связей, которая повлекла за собой ослабление приверженности основной массы людей ранее унаследованным идеям и нормам. Индивидуальное сознание буквально отпущено на произволение. Некоторые аспекты господствующей произвольности и ее следствия может прояснить цитата из работы Б. Хюбнера². По мнению немецкого философа, господство произвольности в области эстетического явилось следствием отрицания этоса. Там, где более нет ни диктатуры духа, ни диктатуры вкуса, там царит произвольность. Именно этико-метафизический дефицит вы-

звал необходимость в эстетических компенсациях (в надежде, что эстетическое восполнит отсутствие смысла).

Здесь необходимо обратить внимание на один важный аспект. Дело в том, что этико-экзистенциальная недостаточность отразилась в эрозии современных элит. В чувственной вольности и стремлении к некоей сторонней ответственности за историю и культуру она уклонилась от своего высокого, почти священнического, достоинства и пренебрегла сверхчувственным. Хотя в традиции, как известно, «избранничеству» имманентна усиленная тенденция к интеллектуальному созерцанию. Такое сущностное мышление (содержательное как проявление высшей воли и высшей мудрости) онтологически входит в избранничество и в большой мере формирует его историческую судьбу.

С учетом всего сказанного можно предположить, что внимание к феномену вкуса в плане элитарно-массовых соотношений оправдано. Вопрос состоит в том, чтобы узнать, как эстетическое суждение служит производству, деформации и воспроизводству связи «элита-масса»? На каких основаниях чувство вкуса позиционирует сегодня меру диспаритета элитарного и массового в области эстетического и культурного опыта?

Подобно другим естественно и культурно обретенным человеческим способностям и дарованиям эстетический вкус во многих своих проявлениях уникален. Вкус – это *субтитут*, биографически-культурный «осадок», неотчуждаемое качество человека, изменчивая и одновременно предустановленная часть его этоса. Вкус сочетает в себе и когнитивные, и чувственные потенции. Как духовный ресурс он побуждает к действиям, которые неотделимы от вечной тяги к познанию и радости, самовыражению и самовышению.

Вместе с тем чувство вкуса – это *институция*, сопутствующий структурным отношениям феномен, и в этом качестве он является знаковым, поскольку непосредственно свидетельствует о социальной принадлежности обладающего им субъекта через укорененные ценности, диапазон эстетико-художественных интересов и характер об-

щих манер. Нет ничего необычного в том, что лица, занимающие одну и ту же структурную позицию, обладают схожим паттерном поведения. Такая групповая идентификация предполагает, что выбор одного лица схож с мнением других лиц общей с ним среды, и отличен от предпочтений тех, кто находится в другом классе. Вот почему в группе с похожим мышлением и взглядами признание приходит мгновенно, а порой вкус и индивидуальность даже мешают. Следовательно, в условиях определенного сообщества, будь то класс, или «люди одного круга», или просто те, кто «близок по духу», *суждение вкуса есть оценка, с которой бы не могли не согласиться остальные*. Однако именно благодаря контрасту различных перспектив мы начинаем осознавать расхождение точек зрения, особенно в тех случаях, если этот контраст несет в себе угрозу или указывает на несовместимость с условиями нашей реальности, в силу чего и вызывает сопротивление. Здесь вкус берет на себя роль критики, так как испытывает и сопоставляет свое суждение с суждением другого. В этом случае он становится определенным выходом для разочарования, безысходности и враждебности, неким исключительным обстоятельством, смягчающим конфликты и риски. В таком контексте вкус проявляет себя в качестве этического фермента поведения и как частное и частичное суждение становится чувствительным³ регулятором поступка.

Наконец, вкус онтологичен, и его смысловой горизонт расширяется к двум полюсам. Первый – базисный, видоспецифичный, поскольку эстетическое суждение – качество сугубо человеческое. Второй – культурно-исторический, поскольку неотделим от времени и места. Если каждый из полюсов указывает на конкретные реальности, то в эстетической перспективе они сходятся в точке вкуса или чувстве красоты. Вкус конституирует представления о красоте как всеобщие – через всю историю, через границы самых непохожих культур и обилие связующих переходных форм. Когда Ш. Бодлер говорил о том, что впечатление от прекрасного едино, несмотря на его неизбежную двойственность, то имел в виду изменчивость и веч-

ность элементов красоты. Прекрасное, согласно его мнению, содержит в себе два элемента: вечный и неизменный, доля которого крайне трудно уловима, и элемент относительный, обусловленный моментом и зависящий от эпохи, моды, норм поведения, страстей и даже от всех этих обстоятельств одновременно. Поэтому без этого второго слагаемого первое «было бы неудобоваримым, недоступным, неприемлемым для человеческой натуры»⁴.

Думается, высказывание Бодлера можно привлечь в качестве аргумента для сравнения: как в произведении искусства доля вечной красоты будет одновременно и выражена, и скрыта, в зависимости от моды или индивидуального темперамента автора, так и *суждение вкуса существует в единичном мнении, хотя в нем распознается и единое*. Если прекрасное есть отраженное в преходящем вечное, то *вкус – это прочувствованное вечное в преходящем*. Таким образом, *чувство вкуса имеет свою историю, социальный и культурный смысл. Вкус непосредственно индивидуален, общеспецифичен и всеобщ одномоментно*.

Современные элиты и массы – участники борьбы вкусов⁵. Каков же характер эстетико-культурных диспаритетов? Представляется, что на общем фоне исследований в методологическом плане выделяются три наиболее дискуссионных темы. Тема «*восстания масс*» выражает попытку описания различных аспектов массовой культуры. Провозвестником темы явился К. Маркс, обосновавший историческую закономерность восстания масс. Её манифестатором – Ф. Ницше, предугадавший опасность демократизации искусства и омассовления личности. Однако символом считается Х. Ортега-и-Гассет. В работе «*Восстание масс*» философ выразил крайнюю обеспокоенность по поводу угрозы разрушения общественного порядка и цивилизующих традиций западной культуры со стороны общественной силы, которую он назвал массой. При всем многообразии употребляемых в адрес этого общественного явления характеристик ведущей явилась не социальная, но психологическая. Масса – это не класс, но человеческий склад⁶. Каковы же

эстетические пристрастия человека такого склада, которого философ определяет как средний человек, многие, толпа, «малая колесница», плебейство? Сгусток чувств и умственных состояний, возникающих на основе его внутриэстетических формирований – таких, как грубость, тривиальность приемов, наивность восприятия, чудовищная заурядность мысли, банальность речи, полуосознанное высокомерие, – можно определить только через такой заниженный эстетико-культурный критерий как пошлость. Именно пошлый вкус как эстетический фермент объединяет классовую разнородность человека массы (*vulgar person*).

Тема «*восстания элит*» очерчивает контуры фундаментального вызова интересов/функций элит, брошенного социальному большинству. Этот мотив мы находим в русле теорий элит и классов, а также в постструктуралистских и ориентированных на субъективные измерения стратификационных подходах, где исследования смещаются в сторону статусных и межгрупповых отношений. В связи с этим весьма интересные в этом направлении идеи высказал американский социолог К. Лэш. В эссе «*Восстание элит*» он говорит о всемирном упадке среднего класса и установлении «*двуклассового общества*», в котором структурные отличия обуславливаются тремя факторами – богатством, властью и образованием. Специфика современной ситуации в том, что элита изъяла себя из общей жизни и не признает обоюдных обязанностей между собой и массой. Общественные отношения проникнуты простой дихотомией между теми, кто владеет собственностью, и теми, кто живет, продавая свой труд⁷. С одной стороны, социальное большинство косвенно и интенсивно отчуждается от высших достижений культуры и цивилизации. С другой стороны, снобизм новой элиты (высший слой среднего класса, сословие специалистов и управленцев) противостоит «скверно информированному о переменах вкуса и модных направлениях мысли», «отупевшему от воздействия телевидения» человеку массы. Диспаритет такого рода точно иллюстрирует фраза М.Вебера: «*границы образования и культура вкуса –*

самые резкие и непреодолимые из всех словных различий»⁸.

Тема «качества» самым непосредственным образом постулируется в виде дополнительного ресурса и новой рамки для конструирования человеческих и социальных миров. Действительно, современное общество потребления окружило себя «философией качества»⁹. Фактор качества всеобъемлюще включается в систему производства, на все уровни отношений, потребления, культуры. Включая в себя широкий спектр условий и требований, он призван задать всему (вещи, услуге, жизни) завершённую в своём совершенстве форму, но незавершённую в её совершенствовании (улучшению качества нет предела). Сегодня понятие качества в буквальном смысле становится синонимом культуры, критерием жизни, свидетельством вкуса. На этом фоне можно выделить три модуса: *качество вкуса*, *вкус качества* и *вкус к качеству*.

Как было выше отмечено, общество потребления – это дифференцированная масса потребителей с разноуровневой культурой вкуса. Культура вкуса сама по себе характеризует особенности стиля жизни как некоего уникального «способа» выражения представлений о себе и жизни. Безусловно, в процессе создания жизненного стиля большое значение имеет ряд условий, прежде всего, ресурсы, необходимые для экспериментирования и творчества, сильное чувство принадлежности к социальной среде, создающей общую культурную основу, и, конечно, врожденные способности и таланты. Соединяя между собой все эти условия, стиль демонстрирует своеобразие манеры выражения такой связности. Вот это выражение и есть культура вкуса, которая поддерживает наш выбор манеры жить. Вопрос о выборе важен потому, что он переносит его из сферы необходимого на ментальный уровень, где имеют место размышления, оценки, стратегии и та область, где начинает действовать эстетика – вкус, предпочтительность, воображение. Как в любых других сферах познания и практики, здесь необходимо воспитание, умение искать и выносить суждения относительно того, что заслуживает внимания, с тем, чтобы переос-

мыслить собственные впечатления на основании новых измерений. Следовательно, культура вкуса – это узкий промежуток, отделяющий невежество от лжевкусия, и потому выбор всегда свидетельствует о *качестве вкуса*. Чем ярче и выше выражено качество вкуса, тем больше стремление к поискам чего-то лучшего, интересного, непредсказуемого, неизвестного, однако особого свойства в смысле новизны, утонченности, изысканности, оригинальности.

Современная культура потребления настойчиво побуждает к обогащению чувственного опыта во всех его тончайших проявлениях и оттенках – запахах, цветах, звуках, прикосновениях, визуальных впечатлениях, гастрономических ощущениях. Вкус целенаправленно избран мишенью соблазна, а качество – его орудием. Стратегия выражается в том, чтобы побудить потребителя познать *вкус качества*, но главное, зародить в нем *вкус к качеству* (действуя по принципу: однажды вкусив, уже невозможно отказаться). Отсюда, из этой перфекционистской перспективы берет начало фанатичное внимание производителей любого рода к детализации. По этой причине становится важен не просто потребитель, но знаток, способный оценить изыск деталей предлагаемого продукта. Ведь чтобы прочувствовать что-либо точно, надо знать в этом толк. Не случайно критерий качества, работая на повышение ценности объектов потребления, придает их примечательности особый привкус роскоши. Однако роскошь здесь – это не сам предмет, но качество предмета (разумеется, не дешевого). В конечном счете, качество определяется как синоним роскоши, качество продукта – знаком качества жизни, а качество жизни – обещанием счастья и благополучия.

Сегодня социально-классовое противостояние ослаблено движением за идентичность. Логически причина такого побуждения кроется в ощущении утраты, в тоске человека по потерянной удовлетворенности жизнью. Одни стремятся обрести ее любой ценой; для других она недостижима. Скепсис, невозможность достижения полноты бытия, безнадежное чувство ограниченности существования человека в пространстве и

времени – вот силы, толкающие людей на отчаянные поиски альтернативных решений и уподобление каким-либо новым вариантам жизнеустройства. В порядке заключительного вывода можно предположить, что в настоящее время смена позиционирования элит и масс в области культурно-эстетического опыта идентифицируется на «территории качества». С одной стороны, диспаритеты размыты в том смысле, что обе части уподоблены потребительской массе, с другой стороны, дробятся на трехуровневую оппозицию: *элитарный* уровень проявляет себя через индивидуальность. Здесь культура (индивидуальность) вкуса играет ключевую роль, поскольку речь идет о ценителях качества, определенного рода «интеллектуалах» в вопросе его истинности. *Антимассовый* слой представлен теми, кто не может в силу разных факторов и обстоятельств подняться до высшего уровня, однако никогда не станет смешиваться с массой. Таков феномен гламура, дендизма, возвращающегося к своему культурному истоку – аристократизму, молодежных субкультур, богемы, успешных интеллектуалов и бизнесменов, т.е. тех, кто стремится жить так называемой светской жизнью. Это типичные последователи, которые выражают специфичность вкуса через умеренное подражание элите и доверие серийным (брендовым) вещам, компенсирующим стандарт через стандарт другого уровня. *Массовый* слой выражает себя через стандартный, обыкновенно сниженный и упрощенный в качественном отношении культурный артефакт или предмет потребления. Это представители китчевой культуры, обладатели вульгаризированного вкуса.

Примечания

¹ Феномен «элиты» имплицитно подразумевает понимание в субстанциональном смысле, тогда как понятие «элитарный» отсылает в область различий, контрастов, соотношений. Все это в равной степени относится и к понятиям «масса», «массовый».

² «...именно потому, что произвольность как следствие современной этико-экзистенциальной апории царит в этической сфере, она накладывает отпечаток и на широкую область эстетического, причем именно отрицание этоса привело к необходимости эстетического: там, где существует этос, эстетическое пребывает внутри, но там, где нет этоса, нет ИДЕИ, эстетика обязательно выходит наружу, продуцируется в чувственном, чтобы иметь возможность пребывать внутри» (см.: Хюбнер Б. Искусство истины и/или эстетика очарования / Б. Хюбнер // Эстетика в XXI веке: вызов традиции?: сб. ст. СПб., 2008. С.19–20).

³ Не чувственным, но чувствительным, т.е. утонченным чувством, делающим человека пригодным к нравственной жизни.

⁴ Бодлер Ш. Об искусстве / Ш. Бодлер. М., 1986. С.284–285.

⁵ Отметим, что классический порядок деления на элиты-массы есть формальное установление равенства между тем, что само по себе не является однородным. Эти две социальные формы, полярность и неразрывность которых – принципиальная особенность, гетерогенны. Субсреды элит и масс структурированы (среда, как мы ее понимаем, образуется двумя слагаемыми – ментальным полем и инфраструктурой). Внутри каждой есть собственные критерии различения, устойчиво работающие по принципу «есть те, что лучше остальных». Этот двуединный процесс отъединения/объединения не имеет завершения.

⁶ Х. Ортега-и-Гассет пишет: «Но в действительности внутри любого класса есть собственные массы и меньшинства. Нам еще предстоит убедиться, что плебейство и гнет массы даже в кругах традиционно элитарных – характерное свойство нашего времени» (см.: Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс / Х. Ортега-и-Гассет // Эстетика. Философия культуры. М., 1991. С.310).

⁷ Лэш К. Восстание элит и предательство демократии / К. Лэш. М., 2002. С.24.

⁸ Вебер М. Теория ступеней и направлений религиозного неприятия мира / М. Вебер // Избранное: Протестантская этика и дух капитализма. М., 2006. С.264.

⁹ Качество товара – это «клеточка» буржуазного способа производства, как заявлено в известном тезисе К. Маркса. «Философия качества» лежит в основе современной системы управления обществом (TQM), которая ориентирована на общие изменения, осуществляемые параллельно в процессах производства, организационных структурах, отношениях между людьми и окружающей средой.

ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.923.2

ПСИХОСЕМАНТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ИССЛЕДОВАНИЮ ОБРАЗА ИНТЕГРИРОВАННОЙ ЛИЧНОСТИ

Ю.А. Абросимова

Саратовский государственный университет
E-mail: ericom007@mail.ru

В статье изложены основные аспекты психосемантического подхода к исследованию образа интегрированной личности. Приводится краткий обзор результатов структурного анализа систем значений данного феномена в быденном и научном сознании. Обозначены направления дальнейших исследований и пути применения полученных результатов в контекстах кризисной психотерапии и оптимизации социального взаимодействия.

Ключевые слова: образ интегрированной личности, психосемантика, системы значений.

Psychosemantic Approach to the Research of the Integrated Personality's Image

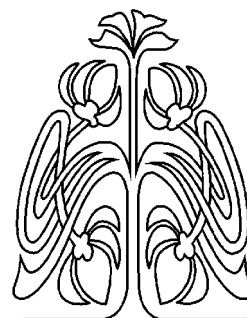
J.A. Abrosimova

The main aspects of the psychosemantic approach to the integrated personality's image are expounded in the article. The brief review of the structural analysis's results of the meanings systems of this phenomenon in everyday and scientific awareness is held up. The directions of following researches and ways of the usage of gotten results in the contexts of recessionary mental therapy and optimization of social interaction are denoted.

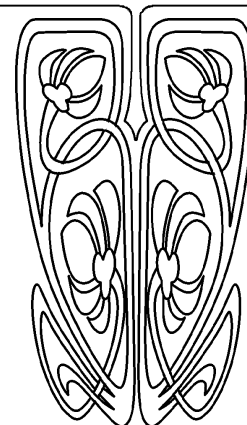
Key words: integrated personality's image, psychosemantics, meanings systems.

Обращение к образу интегрированной личности является закономерным в процессе психологического консультирования по проблемам кризисных состояний как к одному из ключевых показателей эффективности оказываемой помощи. Несмотря на то, что необходимость личностной интеграции признается многими исследователями¹, возникает проблема идентификации данного критерия как на эмпирическом, так и на теоретическом, понятийном уровне. Процессы интеграции в современной психологии как науке, тенденция к интегративному подходу в психотерапии также рассматриваются «не как результат совершенствования и обобщения отчужденного от человека психологического знания, но как результат интеграции самого человека»².

В имеющихся на сегодняшний день определениях интегрированной личности существует вполне закономерное для освоения новых областей познания многоязычие (это и «самость» по К. Юнгу, и «творческая сила я» по А. Адлеру, «родовая человеческая сущность» по Б.С. Братусю, «консолидация личности» по В.А. Ананьеву и ряд других), которое при попытках перевода порождает новые смыслы, обогащая индивидуальное и общественное сознание³. И все же для корректного проведения исследований и целенаправленного оказания психологической помощи необходимо оперировать более точными понятиями, символами и метафорами, связанными с образом интегрированной личности (ОИЛ).

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Психосемантический подход к исследованию ОИЛ дает возможность исследовать категориальную структуру сознания, отражающего данный образ. Цель такого исследования – выявить значимые структурные единицы языка, системы значений индивидуального и общественного сознания, связанные с этим образом. Обращение автора к психосемантике также продиктовано ее методологическими основаниями – возможностью преодолеть противостояние субъектного и объектного подходов к изучению человека, рассматривая его «не как набор объективных характеристик в пространстве диагностических показателей, а как носителя определенной картины мира, как некоторый микрокосм индивидуальных значений и смыслов»⁴. Существует довольно обширный пласт исследований феномена интегрированной личности, проводимых в форме качественного анализа⁵, количественный анализ данных отсутствует, как семантический объект ОИЛ до сих пор не рассматривался, что снижает возможности продуктивного обмена результатами, полученными разными авторами на отечественном и зарубежном материале.

Определенным препятствием к проведению психосемантических исследований в данной области является общепризнанная «невыразимость переживаний», испытываемых человеком в момент интеграции личности, которые обозначаются как трансперсональные, выходящие за пределы «Я» состояния. Исследователи высказывают опасения потерять истину при обозначении ее словом, перешагнуть из семантических полей сознания, построенных на словесно-дискретной основе, в семантические поля бессознательного, фундамент которых составляют иконические тексты. По мнению Ю.М. Лотмана, «такой образ <...> легче протанцевать, чем рассказать, нарисовать, слепить или построить, чем логически эксплицировать <...> Однако первые же опыты самоописания этой структуры неизбежно вводят словесный уровень»⁶. Действительно, объект данного исследования может быть репрезентирован субъекту через действие, образ или знаковую форму. Поэтому теоретически возможно построение семантических пространств, струк-

турирующих все эти формы репрезентации. Но, во-первых, наиболее разработанной в плане формализации является знаково-вербальная форма, и, во-вторых, осознание состояний интеграции посредством их вербализации позволяет облегчить самостоятельный доступ клиенту к ним в дальнейшем⁷.

Реализация поставленной цели психосемантического исследования представляется возможной благодаря использованию современных исследовательских методов⁸ применительно к анализу текстов описаний ОИЛ, взятых из литературных источников, и стенограмм авторской работы в формате тренинга и консалтинга, посвященных генерации, описанию и осмыслению сущностных состояний человеком и организацией. Основными задачами исследования являются выявление структурно-семиотических, понятийно-тематических и макроструктурных единиц описания изучаемого образа, разработка основных принципов построения мета-языка описаний интегрированной личности, расширяющего возможности конкретизации данного феномена для обыденного сознания и раскрытия его концептуального содержания для целей научного исследования. Поскольку в современной лингвистике объектом исследований признается не отдельное слово, а целостное высказывание как носитель значения и продукт законченного семиотического акта⁹, то основное внимание уделялось не столько отдельным «ключевым» словам, сколько категориям слов и словосочетаний при количественном и метафорам – при качественном анализе ОИЛ.

Структурный анализ объекта исследования проводился с помощью программного продукта психолингвистической экспертной системы ВААЛ¹⁰, направленной на изучение статистически значимых смысловых единиц текста. С его помощью были проведены словарный анализ текстов описания, формирование смысловых категорий, контекстный анализ, исследование нагрузок и связей категорий, выявлены статистически значимые из них.

Наиболее выраженные характеристики смысловой связи с исследуемым образом имеют категории «Действие» (глаголы), «Метафора» (образные сравнения), «Рацио-

нализация» (специальные термины) и «Феномен» (отражающие чувственно постигаемые явления). Данные категории присутствуют как статистически значимые во всех текстовых массивах, хотя степень их выраженности различна. Например, категория «Действие» имеет значимое превышение среднеязыковой нормы в текстах описаний ОИЛ с позиций обыденного сознания – в 1,7 раза, в текстах психотерапевтической тематики – в 1,3 и в текстах, посвященных теоретическим концепциям, – в 1,2 раза, в то время как категория «Рационализация» употребляется в 1,2 раза чаще в первой группе текстов, в 1,5 – во второй и в 1,4 – в третьей соответственно.

Исследование макроструктурных единиц языка (метафор) осуществлялось в рамках кросс-культурального контент-анализа описаний переживания интеграции личности в ходе сеансов, проводимых зарубежными исследователями-психологами для зарубежных испытуемых (в переводе на русский язык), зарубежными – для отечественных и отечественными – для отечественных.

Несмотря на сходство полученных данных на микроструктурных (грамматическом, лексическом) уровнях, макроструктурный уровень описаний ОИЛ отечественными испытуемыми существенно отличается от такового у зарубежных, вне зависимости от того, работает с ними отечественный или зарубежный исследователь. В частности, на уровне формы для отечественных описаний характерны группы метафор, отражающих состояние гармонии внутреннего и внешнего мира и состояние мудрости, на уровне содержания – разнообразные символы связи и движения, иллюстрирующие гармоничное взаимодействие с миром.

Выявленные отличия могут рассматриваться как проекция в иконическую форму российских представлений о родовой человеческой сущности, объединение с которой завершается вхождением человека в новую систему описания во внутренней коммуникации и возвращением в преобразуемую им систему отношений в коммуникации внешней.

Психосемантический анализ текстов, посвященных практическим задачам интегра-

ции личности в ходе психотерапии и психокоррекции, обнаруживает тенденцию к превалированию метафор процесса над метафорами результата у отечественных авторов и обратную тенденцию – у авторов зарубежных. Учитывая содержательные особенности представлений ОИЛ российских клиентов, отличающегося большей когнитивной и эмоциональной сложностью, можно предположить, что и отвечающий ему психотерапевтический процесс включает в себя более насыщенные категории эмоционально-непосредственных и вербализованных смыслов.

Пилотажное исследование систем значений, связанных с исследуемым образом в его научных определениях, позволило выделить значимые системные связи представлений этого образа с такими понятиями как личность, смысл, речь, самосознание. Информационный массив из теоретических источников продолжает пополняться, тем не менее можно заключить, что превалирование связей с данными понятиями отражает основное направление формирования исследуемого образа, его операциональные аспекты: что именно интегрируется (личность), посредством чего это происходит (осмысления и выражения в речи) и каковы критерии интегрированности личности (изменение самосознания).

Дальнейшие этапы реализации психосемантического подхода к изучению ОИЛ связаны с переходом от структурного к целостному анализу объекта исследования – моделированию реальной речевой деятельности в процессе взаимодействия с ним путем построения семантических пространств как метаязыка описаний данного образа.

В ходе исследования систем значений, связанных с ОИЛ, автор считает необходимым дать предварительное рабочее определение данному образу как системе представлений человека о целостности своего Я, высших духовных ценностях и своем предназначении в жизни. Актуальное переживание интеграции личности относится к разряду пиковых переживаний, сопровождающих взаимодействие человека со своей сущностью. Оно является трансличным по форме и обладает спецификой эмоционального и смыслового содержания, отражающего глу-

бинные ценности, с которыми человек объединяется в его пространственном (тело и личностное пространство) и временном (личная биография и история человечества) измерениях.

Применительно к ситуации кризисной психотерапии исследуемые системы значений ОИЛ позволяют воспринимать кризисное состояние как отдаление человека от своей сущности, с тем чтобы снова вернуться к ней на новом витке своего развития. Исследование психосемантики ОИЛ позволяет предоставить клиенту осознанный самостоятельный доступ к состоянию интеграции, а специалисту, осуществляющему психокоррекционный процесс, сформулировать цели, стратегии и речевые приемы метакоммуникации в своей профессиональной деятельности. Перспектива психосемантического подхода к исследованию данного феномена в других областях знаний связана с возможностью построения сущностного общения, регулирующего отношения человека с собой, социумом и миром в целом.

Примечания

- ¹ См.: Психотерапевтическая энциклопедия / Под ред. Б.Д. Карвасарского. СПб., 1998. С. 160, 338; Роджерс К.Р. Взгляд на психотерапию. Становление человека / К.Р. Роджерс. М., 1994. С.234–247; Ассаджиоли Р. Психосинтез. Принципы и техники / Р. Ассаджиоли. М., 2002. С. 14, 75; Андреас К. Сущностная трансформация / К. Андреас, Т. Андреас. Воронеж, 1999. С.14–23; Братусь Б.С. Аномалии личности / Б.С. Братусь. М., 1998. С. 49, 50; Леонтьев А.Н. Образ мира / А.Н. Леонтьев // Избр. психол. произведения. М., 1983. С.251–261; Ананьев В.А. Введение в потрясающую психотерапию / В.А. Ананьев // Журн. практ. психолога. 1999. №7–8. С.32–38.
- ² Орлов А.Б. Психология личности и сущности человека. Парадигмы, проекции, практики / А.Б. Орлов. М., 2002. С.10.
- ³ См.: Лотман Ю.М. Семиосфера. Культура и взрыв внутренних мыслящих миров / Ю.М. Лотман. СПб., 2000. С.27.
- ⁴ Петренко В.Ф. Психосемантика сознания / В.Ф. Петренко. М., 1988. С.47.
- ⁵ См.: Маслоу А.Г. Дальние пределы человеческой психики. / А.Г. Маслоу. СПб., 1999; Орлов А.Б. Указ. соч.
- ⁶ Лотман Ю.М. Указ. соч. С.335.
- ⁷ См.: Методы современной психотерапии: учеб. пособие / Сост. Л.М. Кроль, Е.А. Пуртова. М., 2000.
- ⁸ См.: Шалак В.И. Современный контент-анализ / В.И. Шалак. М., 2004; Петренко В.Ф. Основы психосемантики / В.Ф. Петренко. СПб., 2005.
- ⁹ См.: Петренко В.Ф. Указ. соч. С. 27, 28.
- ¹⁰ Шалак В.И. Указ. соч.

УДК 371.92

К ВОПРОСУ О КЛАССИФИКАЦИОННОЙ СИСТЕМЕ В ЛОГОПСИХОЛОГИИ

Т.Н. Волковская

Московский гуманитарный университет имени М.А. Шолохова
E-mail: orekhovagalina@rambler.ru

В статье рассматривается вопрос о феноменологии классификационной системы в логопсихологии. Представлены теоретическое обоснование и авторский вариант психологической типологии лиц с недостатками речи.

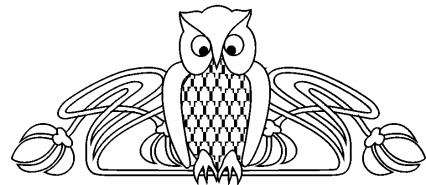
Ключевые слова: классификационная система, психологические особенности, классификационный критерий, общение, средство общения, операциональный компонент общения, мотивационный компонент общения, психологический тип.

Problems of Classification in Logopsychology

T.N. Volkovskaya

In article the question on phenomenology of classification system in logopsychology is considered. The theoretical substantiation and an author's variant of psychological typology of persons with speech lacks is presented.

Key words: classification system, psychological features, classification criterion, dialogue, dialogue means, operational component of dialogue, motivation component of dialogue, psychological type.

В последние годы отмечается тенденция к расширению и укреплению службы практической психологии в системе специального образования, в том числе и в логопедических учреждениях. Оказание эффективной психологической помощи лицам с недостатками речи представляет собой одну из главных задач логопсихологии (психологии лиц с недостатками речи). В связи с разработкой проблемы содержания психологической помощи лицам с речевой патологией остро стоит вопрос о типологии таких лиц с позиции оказания им психологической помощи. Отсутствие на этапе становления логопсихологии собственной классификационной системы привело к доминированию в ней класси-

фикаций, решающих задачи коррекции речевых нарушений. Тенденции развития науки показали непродуктивность такого классификационного подхода в связи со смещением смыслового акцента в содержании предмета логопсихологии.

Как известно, речевая патология обусловливает как характер познавательной деятельности, так и особенности личности логопата (Р.Е. Левина, Г.В. Чиркина, Т.Б. Филичева, Т.В. Туманова и др.)¹. При этом нарушения познавательной и личностной сферы могут иметь различную психологическую структуру и находятся в тесной взаимосвязи со степенью выраженности и характером нарушения речи. Такая взаимообусловленность различных аспектов развития ребенка с недостатками речи и определяет его психологические особенности, учет которых является одним из ведущих условий при выборе методов *психологического* коррекционного воздействия. Таким образом, психологические особенности логопатов выступают тем предметным феноменом, на который ориентирована логопсихология как научная дисциплина.

Определяя понятие *психологические особенности* как совокупность взаимообусловленных показателей, отражающих типологическую специфику контингента, можно выделить следующие параметры психологической характеристики: качественный уровень коммуникации, особенности когнитивной сферы, особенности эмоционально-личностной сферы.

Данные характеристики безусловно не исчерпывают всего многообразия факторов, составляющих «психологический портрет» человека с недостатками речи, однако, на наш взгляд, являются ключевым ориентиром в выборе направлений психологического изучения и психологической коррекции лиц данной категории. Необходимыми показателями, учёт которых наиболее значим при построении логопсихологической классификационной системы, выступают: *особенности современного логопедического контингента; выбор базовой классификации; выбор основного классификационного критерия.*

Достаточно информативно профессиональное поле современной логопедии харак-

теризует вариант типологии речевого недоразвития, представленный О.Е. Грибовой². В основу этой типологии положена характеристика системного недоразвития речи, которое может наблюдаться как изолированный дефект и в сочетании с другими формами патологии. При этом автор рассматривает системное недоразвитие речи как проявление несовершенства языковой способности. Критериальный подход в данной типологии учитывает такие факторы, как: этиология и механизм речевого недоразвития, резистентность к логопедическому воздействию, социальный прогноз.

Первый вариант *системного недоразвития речи* возникает вследствие поражения речевых зон коры головного мозга и определяется как общее недоразвитие речи (ОНР), при сохранном интеллектуальном потенциале и полноценной работе анализаторов. Это те варианты ОНР, которые имеют резистентность к коррекционному воздействию и в ряде случаев не могут быть полностью компенсированы в результате коррекционного воздействия. В дальнейшем у этих детей наблюдается устойчивое системное недоразвитие речи, требующее логопедического сопровождения на протяжении всего времени обучения. Динамика формирования речевой деятельности в данном случае будет зависеть от тяжести поражения соответствующих зон головного мозга и пластичности компенсаторных механизмов.

Второй вариант *системного недоразвития речи* может возникнуть при отсутствии полноценной языковой среды. В результате при неоказании своевременной помощи в раннем возрасте у ребёнка формируется системное недоразвитие речи, которое рассматривается на начальных этапах как «временная задержка речевого развития» или «задержка темпа речевого развития». При наличии адекватно организованной помощи, которая заключается, прежде всего, в коррекции средового окружения, у ребёнка возможно полноценное формирование речевой деятельности. При отсутствии соответствующей коррекции можно прогнозировать ненормативный путь развития, в первую очередь, речевой деятельности. В рамках данного варианта у специалистов возникают опре-

делённые сложности при квалификации патологии: можно ли рассматривать данный вариант в качестве общего недоразвития речи, является ли данный тип недоразвития речи структурным компонентом дефекта при одном из вариантов задержки психического развития. К данному варианту относится несформированность языковой компетенции у детей-иммигрантов. Если патология речи ведёт к проблемам социальной адаптации в рамках естественной для ребёнка языковой среды, то несформированность языковой компетенции как реакция на языковую среду представляет проблему только при смене языкового социума или при перемещении ребёнка в среду с более высокими требованиями к языковой компетенции (например, при обучении в школе).

Третий вариант – несформированность коммуникативных потребностей, которая обуславливается особенностями личности. Одно из проявлений подобного типа можно квалифицировать как речевой негативизм. Имея в целом благоприятный характер динамики, особенно при наличии коррекции в младшем дошкольном возрасте, тем не менее при неблагоприятных условиях воспитания речевой негативизм имеет тенденцию к закреплению. В результате у ребёнка не формируется ни мотивация к общению, ни вербальные средства общения. На ранних этапах при наличии коррекционной помощи, направленной на коррекцию отношений «взрослый – ребёнок» и стимуляцию речевой активности, речевое недоразвитие компенсируется и далее может наблюдаться полноценное речевое развитие. При отсутствии такой помощи данная форма плавно перетекает в системное недоразвитие речи. Этот вариант специфического развития требует дальнейшего специального изучения и со стороны логопедов, и со стороны логопсихологов.

Таким образом, можно обобщить, что основу речевого контингента современной логопедии преимущественно составляют *три группы логопатов*:

– с речевыми нарушениями, обусловленными органической и функциональной недостаточностью центральной и периферической нервной системы;

– с несформированностью языковой компетенции, вследствие отсутствия полноценной языковой среды;

– с коммуникативными нарушениями, обусловленными особенностями личности.

В эти группы, соответственно этиологии нарушения, вписываются логопаты и с другими формами речевой патологии, представленные в логопедической классификационной системе: заиканием, афазией, нарушением темпа речи (брадилалия, тахилалия), нарушениями голоса.

Следует отметить увеличение диапазона состояний при речевой патологии, что связано с объективными условиями социального порядка. Наряду с «традиционными» речевыми нарушениями органического и функционального генеза в качестве предмета логопедии выступают нарушения речи, обусловленные социальными причинами, которые также требуют направленной логопедической коррекции в целях предупреждения у детей школьной и социальной дезадаптации. Все более актуальной становится проблема коррекционного обучения детей с нарушениями речи, овладевающих русским языком как вторым.

Принимая во внимание тот факт, что логопсихология направлена на усиление эффективности практических задач логопедической коррекции, в основу *логопсихологической типологии* должна быть положена логопедическая классификация, которая не только учитывает соотношение нарушений речи с другими сторонами психики, тесно связанными с речью, но и имеет психологическую составляющую. С учетом этих условий в качестве базовой можно рассматривать психолого-педагогическую классификацию Р.Е. Левиной, в которой выделяются две группы нарушений речи: 1) *нарушение языковых средств общения*; 2) *нарушение в применении языковых средств общения*. Психологической составляющей в данной классификации выступает категория *общения*³. Общение принадлежит к базовым категориям психологической науки. В отечественной психологии общение интерпретируется как деятельность, в связи с этим его синонимом является понятие «коммуникативная деятельность»⁴.

Общение рассматривается в качестве одного из основных условий психического развития ребёнка, важнейшего фактора формирования его личности (Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев, М.И. Лисина, Д.Б. Эльконин и др.). Посредством общения ребёнка со взрослыми осуществляется процесс социализации. Положительное влияние общения прослеживается во всех сферах психической жизни ребёнка, в связи с чем в психологической науке существует *единая система формирования коммуникативной деятельности и развития личности*. Наиболее актуален личностно-коммуникативный подход в условиях речевого дизонтогенеза, когда особенности речевого развития детей препятствуют осуществлению полноценного общения, снижая возможности социальной адаптации.

Рассматривая взаимосвязь между нарушениями речи и другими сторонами психического развития ребёнка, Р.Е. Левина выделяет две линии овладения устной речью, между которыми существует подвижное взаимодействие: формирование речевых средств и речевого общения и формирование личностных качеств, способствующих успешной речевой коммуникации⁵. Обогащение словесных средств не может не оказывать влияния на протекание коммуникативной деятельности, и наоборот – черты личности, способствующие успешной речевой коммуникации, сказываются на накоплении и дифференциации языковых средств. По мнению автора, обе линии относительно самостоятельны и требуют наряду с единым подходом *специфических методов коррекционного воздействия*.

Таким образом, уже в рамках концепции Р.Е. Левиной была выделена психологическая ниша в общем комплексе логопедических мероприятий и теоретически обоснованы предпосылки интеграции логопедии и психологии в целях повышения эффективности коррекционного процесса. Психологическая компонента выступает здесь как необходимое условие в достижении положительных результатов коррекции.

Одним из условий построения любой классификационной системы является выбор основного классификационного показателя

(критерия). Критериальный подход в классификационной системе логопсихологии как научной дисциплины интегративного характера ориентирует на поиск показателя в рамках психологической категории, имеющего междисциплинарное значение. Как уже указывалось выше, в качестве такого психологического феномена выступает категория «общение».

Основываясь на общеметодологической концепции Б.Г. Ананьева, А.Н. Леонтьева, С.Л. Рубинштейна, одной из первых подошла к изучению общения М.И. Лисина. Изучая общение как особую коммуникативную деятельность, рассматривая понятия «общение» и «коммуникативная деятельность» как синонимы, автор подчеркивала отличие своего подхода к общению от типичных для западной социальной психологии подходов к коммуникативному процессу как внешнему поведению, характеризующемуся с формально-количественной точки зрения. Выдвигая на первый план содержательную, потребностно-мотивационную сторону общения, М.И. Лисина определила общение как «взаимодействие двух (или более) людей, направленное на согласование и объединение их усилий с целью налаживания отношений и достижения общего результата»⁶.

Согласно данной теории, общение представляет собой специфическую деятельность, которая предполагает использование определенных средств. Под ними автором понимаются операции, с помощью которых каждый участник строит действия общения и вносит свой вклад во взаимодействие с другим человеком. С психологической позиции средства общения делятся на вербальные и невербальные. Вербальная коммуникация представляет собой процесс общения с помощью языка (речи), невербальная – с помощью мимики, жестов, пантомимики, через прямые сенсорные или телесные контакты.

Поскольку основным средством коммуникации является речь, то вполне закономерно, что в случаях речевой патологии нарушается формирование всех речевых функций и, прежде всего, коммуникативной. В логопедии средства общения рассматриваются на основе системного подхода, разработанного

Р.Е. Левиной. В его рамках средства общения представлены как составные компоненты сложной многоуровневой функциональной системы, которые взаимообуславливают друг друга. В качестве составляющих речевую систему компонентов рассматриваются: *словарный запас (лексика), грамматический строй речи, звукопроизношение.*

При разработке логопсихологической типологии лиц с недостатками речи мы рассматривали средства общения в соответствии с научной концепцией Р.Е. Левиной. Отмечаются различные варианты, характеризующие недостаточность средств общения у лиц с речевой патологией: их несформированность, их нарушение, трудности в их применении. Механизм речевого расстройства в каждом случае имеет различную природу, которая обуславливает характер не только речевой патологии, но и специфику познавательных процессов и своеобразие личностных нарушений, что определяет вариативность проявлений коммуникативных затруднений при недостатках речи.

Детерминированность коммуникации уровнем сформированности и развития средств общения позволяет рассматривать недостаточность словесных средств в качестве одного из ведущих показателей, определяющих психологическую структуру коммуникативных нарушений. Рассматривая проблему коммуникативных нарушений у лиц с недостатками речи с точки зрения психологической структуры коммуникативной недостаточности, необходимо в первую очередь отметить рассогласованность между *операциональной и мотивационной* сторонами общения.

В контексте изучаемой проблемы *операциональная* сфера общения рассматривается нами как структурный компонент деятельности общения, который включает характеристику способов усвоения средств в коммуникации, а также методы и формы умственной деятельности, обеспечивающие данный процесс. Соответственно, *мотивационная* сфера – характеристику личностных параметров, способствующих успешной коммуникации. Диссоциация между операциональной и мотивационной сферами общения при речевой патологии выражается в

том, что в одних случаях отмечается преобладание недостаточности *операционального компонента*, проявляющаяся в трудностях усвоения средств коммуникации и коммуникативных умений и навыков. В других случаях на первый план выступают *мотивационные нарушения*, в частности, несформированность значимых в коммуникации личностных характеристик. Встречаются случаи с сочетанием признаков недостаточности операциональной и мотивационной сфер.

Доминирование операциональных или мотивационных нарушений в структуре коммуникативной недостаточности при речевой патологии определяет те существенные показатели психологической характеристики, совокупность которых отражает типологические особенности относительно однородных групп в рамках речевого контингента.

В случаях *преобладания нарушений операциональной* стороны общения психологическая характеристика включает особенности, состоящие в недостаточности словесных средств по механизму несформированности (общее недоразвитие речи: дизартрия, алалия, ринолалия; фонетико-фонематическое недоразвитие: дизартрия, ринолалия) или нарушения (афазия). Основными показателями личностно-коммуникативных нарушений выступают:

- трудности в установлении контакта, особенно в новой ситуации и с незнакомыми людьми;
- неумение ориентироваться в ситуации общения;
- неумение адекватно передавать информацию и выбирать соответствующие способы взаимодействия;
- неумение слушать;
- неумение преодолевать барьеры общения и др.

Одним из значимых показателей психологической структуры коммуникативных нарушений операционального характера является наличие когнитивного компонента, проявляющегося в разной степени недостаточности неречевых функций и процессов, которые обеспечивают процесс усвоения средств общения и коммуникативных умений и навыков.

В случаях, когда ведущими являются нарушения мотивационного плана (заикание), основным показателем психологической характеристики выступает характер личностно-коммуникативных нарушений, определяющих трудности в использовании средств коммуникации, в частности:

- отсутствие потребности в общении, замкнутость;
- неразвитость инициативности в общении и пр.;
- неспособность к эмпатии и децентрация, что приводит к серьезным препятствиям оптимального взаимодействия при решении совместных задач и др.

В этой группе отмечается достаточная для осуществления процесса коммуникации сформированность словесных средств и когнитивных процессов, в связи с чем коммуникативные нарушения в данном случае можно рассматривать как *первично коммуникативные*.

В случаях сочетания признаков недостаточности операциональной и мотивационной сфер общения психологическая характеристика логопатов включает показатели обеих групп, без выделения доминирующего признака в структуре коммуникативных нарушений (общее недоразвитие речи, неврозоподобное заикание, нарушение темпа речи и пр.). Таким образом, можно заключить, что лица с недостатками речи не представляют собой единую группу со стандартной психологической характеристикой, одинаковыми трудностями коммуникации и связанными с ними личностными особенностями.

В соответствии с тем, какой из компонентов (операциональный или мотивационный) выступает в качестве первопричины коммуникативных затруднений, можно выделить *четыре* группы (*психологических типа*) логопатов:

- с коммуникативными нарушениями на основе несформированности средств коммуникации (ОНР: дизартрия, алалия, ринолалия; ФФН: дизартрия, ринолалия);

- с коммуникативной недостаточностью в связи с нарушением средств коммуникации (афазия);

- с непосредственно коммуникативными нарушениями (первично-коммуникативными) (заикание; нарушение голоса);

- с комбинированном типом коммуникативных нарушений (ОНР, заикание; ФФН, заикание; нарушение темпа речи и пр.).

В обосновании данной психологической типологии можно отметить, что:

- она тесно взаимодействует с логопедией, тем самым подчёркивая специфику логопсихологии как психологической отрасли;

- она актуально отражает особенности современного логопедического контингента;

- основным классификационным показателем здесь выступает качественный уровень коммуникации как наиболее социально значимого компонента в личностном развитии;

- такой подход к типологии в наибольшей степени соответствует решению задач психологической направленности, определяя ведущие стратегии психологической коррекции и выбор методов психокоррекционного воздействия.

Примечания

¹ См.: *Филичева Т.Б.* Программы дошкольных учреждений компенсирующего вида для детей с нарушениями речи / Т.Б. Филичева, Г.В. Чиркина, Т.В. Туманова [и др.]. М., 2008.

² См.: *Грибова О.Е.* Логопсихология: взгляд логопеда / О.Е. Грибова // *Специальная психология*. 2007. №3(13). С.22–25.

³ См.: *Левина Р.Е.* О перестройке принципов анализа речевых нарушений у детей / Р.Е. Левина // *Специальная школа*. 1963. Вып.2. С.16–22.

⁴ См.: *Лисина М.И.* Проблемы онтогенеза общения / М.И. Лисина. М., 1986.

⁵ См.: *Левина Р.Е.* Основы теории и практики логопедии / Р.Е. Левина. М., 1968.

⁶ *Лисина М.И.* Указ. соч. С.165.

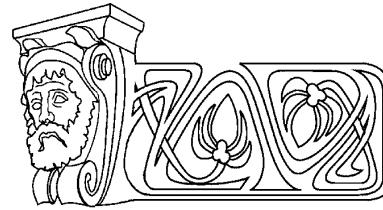

УДК 159.922.4

КОМАНДООБРАЗОВАНИЕ В КРОСС-КУЛЬТУРНОЙ ПСИХОЛОГИИ

И.Е. Гарбер

Институт дополнительного профессионального образования
Саратовского государственного университета
E-mail: garbereli@msn.com

В статье рассмотрены организационные аспекты формирования международных команд исследователей кросс-культурной психологии в Интернете. Для работы с ключевыми словами предложен метод, включающий элементы ассоциативного теста и обратного перевода, структурного подхода Ж.-К. Абрика и методологического инструментария П. Верже.

Ключевые слова: командообразование, кросс-культурная психология, Интернет, организационные аспекты психологического кросс-культурного исследования, ассоциативный тест, обратный перевод, структурный подход Ж.-К. Абрика, методологический инструментарий П. Верже.

Team Building in Cross-Cultural Psychology

I.E. Garber

Organizational aspects of international researchers' team building in Internet in cross-cultural psychology are considered. For dealing with key words a method including elements of association task and backward translation, Abric's structural approach and Vergès's methodological tools is suggested.

Key words: team building, cross-cultural psychology, Internet, organizational aspects of psychological cross-cultural research, association task, backward translation, Abric's structural approach, Vergès's methodological tools.

Командообразование (team building) – термин, используемый, как правило, в бизнесе и спорте для описания процесса и совокупности технологий, направленных на улучшение результатов работы коллектива и основанных на исследованиях З. Фрейда, У. МакДугалла, К. Левина и др. В качестве средств достижения этой цели рассматриваются воспитание *командных игроков*, способных эффективно сотрудничать с другими членами команды и ставящих общие интересы выше личных, и *командного духа* (team spirit) – чувства сплоченности, доверия друг к другу, лояльности по отношению к команде, принадлежности к образу «Мы».

Г. Топчик выделил 10 шагов формирования новой команды в организации: заручиться поддержкой руководства, определить цель команды, установить временные рамки, отобрать ее членов, проанализировать их

возможности, разделить общую цель между членами команды, дать ей имя, сформулировать миссию команды и ее цели, определить ее основные функции, установить командные нормы¹.

Актуальность изучения организационных аспектов кросс-культурных исследований для России обусловлена ее длительной изоляцией от международного сообщества, имевшей как позитивные, так и негативные последствия. С одной стороны, сложилась самобытная психологическая школа, лидерами которой были И.П. Павлов и В.М. Бехтерев, Л.С. Выготский и А.Н. Леонтьев, С.Л. Рубинштейн и Б.Г. Ананьев, А.Р. Лурия и Н.А. Бернштейн и многие другие. Безусловно, она продолжила бы свое развитие, если бы не распад СССР.

С другой стороны, в словарь, содержащий сведения о 500-х ученых, внесших значительный вклад в развитие психологии между 1600 и 1967 гг., включено только девять представителей СССР², а в рейтинге журналов по психологии импакт-факторы «Психологического журнала» и «Вопросов психологии» близки к нулю, в то время как у ведущих международных журналов они превосходят десять пунктов.

Сегодня Россия от критики наукометрических методов, применяемых на Западе, переходит к разработке национальной информационной инфраструктуры науки и образования. По заданию Федерального агентства по науке и инновациям, в 2005 г. начата работа по созданию Российского индекса научного цитирования. Он нужен для объективной оценки деятельности научно-образовательных организаций, научных коллективов и отдельных исследователей, а также периодических изданий.

Цель данной работы состоит в изучении проблемы формирования и функционирования в Интернете на неформальной основе международных команд исследователей кросс-культурной психологии. Ее подъем связан как с внешними (процессом глобализации), так и внутренними причинами (желанием избавиться от этноцентризма). Итоги работы подведены в монографиях³, однако они не содержат обсуждения организационных аспектов проведения кросс-культурных исследований. Единственное исключение – *межкультурный тренинг* – рассматривается как средство снижения *культурного шока* и улучшения межкультурных взаимоотношений в командах⁴.

Информационные технологии, Интернет облегчают формирование международных команд исследователей на неформальной основе в кратчайшие сроки без финансирования. Инициаторами их создания, как правило, выступают известные ученые, предложившие концепцию и апробировавшие ее на национальном уровне или небольшом количестве стран. Представленный ниже анализ основан на личном опыте участия в семи международных творческих коллективах. Выборка проектов невелика, однако позволяет описать некоторые тенденции, которые в дальнейшем могут подвергнуться эмпирической проверке.

Важнейшим ресурсом командообразования является *международная известность, репутация психолога в данной области*. Иногда к нему добавляются *финансовый* (исследовательский грант, государственный или частный заказ) и/или *административный* (директор центра, президент национальной психологической ассоциации) ресурсы, но они не являются обязательными. Руководитель проекта, как правило, имеет ядро команды, состоящее из сослуживцев по университету или исследовательскому центру, соавторов, но может начинать «с нуля», поскольку к работе привлекаются квалифицированные специалисты из разных стран, члены профессиональных сообществ, гарантирующих их компетентность.

Для сбора данных, если это возможно, привлекаются студенты и аспиранты. На-

пример, в проекте, посвященном патерналистскому стилю лидерства, автор привлек к работе 95 анкетеров-студентов, опрашивавших респондентов в различных организациях частного сектора. Без их участия, использования их личных связей было бы невозможно в ограниченные сроки добиться репрезентативности выборки (единицей опроса служили ответы менеджера и трех его непосредственных подчиненных, взаимно оценивавших друг друга). В случае общности интересов практикуется переход из одной команды в другую. Так, команда проекта «Love of Money» («Любовь к деньгам») почти в полном составе вошла в команду «Paternalistic Leadership» («Патерналистский стиль лидерства»), руководитель проекта «Social Representations of Competition» («Социальные представления о конкуренции») рекомендовала автора в команду «World History Representations» («Представления о мировой истории»). Особую роль играет специалист по математической обработке данных. Как правило, это профессионал, специализирующийся в кросс-культурных исследованиях, реже – аспирант, приобретающий опыт по ходу дела.

Исход проекта во многом определяется *степенью проработанности концепции* и основанного на ней *инструментария* и тесно связанным с ними *стилем управления* совместной работой. В условиях преимущественно *дистантного* общения, как показывает практика, наиболее эффективен *директивный* стиль, когда руководитель проекта обеспечивает участников репрезентативными публикациями; необходимым инструментарием – инструкциями, текстами анкет, бланками для ответов, формами согласия (consent forms) и заключительными формами (debriefing forms), схемами кодировки ответов, размеченными SPSS файлами для ввода данных; устанавливает временные рамки и правила владения и обмена данными, идеями сотрудничества с коллегами внутри команды и вне нее; правилами подготовки публикаций, владения авторскими правами.

Другие подходы оказались менее эффективными. Многочисленные очные обсуждения проекта ARCOS (Applicant Reactions Cross-Cultural Organizational Studies – Кросс-

культурные организационные исследования реакций поступающих на работу) завели исследование в тупик. Международный коллектив собирался нерегулярно, в основном, на конференциях, поэтому состав инициативной группы менялся, новые участники предлагали новые идеи, и прийти к общей концепции не удалось.

Иначе развивались события в проекте «World History Representations»: вследствие критики участников концепция и инструментарий многократно изменялись. На заключительной стадии у руководителей проекта преобладала *защитная реакция*, и они отвергали любые замечания. Однако недочеты остались, и недовольные ими участники столкнулись с *этической дилеммой*: уйти из-за несоответствия инструментария личным методологическим принципам или продолжить работу над интересным проектом.

Как правило, в международном исследовании возникает *проблема перевода* исследовательских инструментов. Из семи проектов ее не было только в одном, так как по требованию заказчика опрос проводился на английском языке. Р. Брислин (Brislin) сформулировал набор полезных правил для написания новых вопросов и модификации существующих, например «используйте короткие, простые предложения из менее чем 16-ти слов», «отдавайте предпочтение активному залогу перед пассивным», «избегайте метафор и разговорных слов» и т.д., однако они не всегда соблюдались.

Стандартным способом решения проблемы является *метод двойного перевода* О. Вернера и Д. Кэмпбелла (Werner, Campbell). В исследовании, посвященном представлениям российских студентов о конкуренции, исходный вопросник был разработан М. Fülör на венгерском языке и переведен ею на английский. Нами он был переведен на русский язык, и этот перевод проверялся двумя независимыми экспертами-непсихологами. Теоретически обратный перевод позволяет достичь *лингвистической эквивалентности*. На практике же, в силу объективных и субъективных причин, он служит единственной цели: продемонстрировать читателям и издателям знакомство с правилами

игры и их добросовестное соблюдение. Итоговые рекомендации кросс-культурных исследователей совпадают: самый безопасный путь – это не делать никаких переводов, но, к сожалению, они невыполнимы.

Для работы с ключевыми словами кросс-культурного исследования автором был предложен метод, включающий элементы ассоциативного теста и обратного перевода. Продемонстрируем его русский вариант на примере слова «competition». Поскольку английский язык является языком международного научного общения, построение английской семантической сети для термина «competition» в русском языке начинается с перевода с помощью англо-русского словаря. Его иерархически упорядоченные результаты таковы: 1) соревнование, 2) состязание, 3) конкурс, 4) конкуренция, 5) соперничество (учитывается не более пяти словарных значений). Эта процедура соответствует ассоциативному тесту, результату межъязыкового взаимодействия. Затем осуществляется обратный перевод с помощью русско-английского словаря. Его иерархически упорядоченные результаты таковы: 1) competetion; 2) emulation; 3) contest; 6) contest; 7) com-petition; 8) controversy; 11) contest; 12) competition; 16) competition; 21) rivalry (для каждого значения учитывается не более пяти словарных значений).

Для сравнения рассмотрим результаты ассоциативного теста, проведенного автором в 2006/2007 учебном году с 231 студентом (таблица). Каждому из них было предложено написать пять слов, которые приходят на ум, когда они слышат слово «соревнование». Опрос проводился на русском языке, поэтому слову «competition» соответствовала «конкуренция».

Анализ выявил основную лингвистическую проблему в рамках проведенного исследования: *английское слово «competition» переводится на русский язык как (спортивное) «соревнование» и (экономическая) «конкуренция», в то время как обратный перевод дает единственное значение «competition».* Обсуждение с коллегами из других стран показало, что это типичная ситуация, возникающая в кросс-культурном исследовании.

Результаты ассоциативного теста
для слова «соревнование»

Ассоциации	Частота упоминания на местах					Общая частота
	1	2	3	4	5	
Победа	71	41	45	29	41	227
Конкуренция	56	19	20	19	12	126
Спорт	47	23	24	16	8	118
Борьба	28	26	14	10	12	90
Участие	10	12	17	8	10	57
Игра	7	17	18	6	7	55
Соперничество	21	8	8	10	6	53
Состязание	15	10	14	5	5	49
Соперник	7	8	10	11	10	46
Интерес	3	9	9	13	9	43

Продолжим представление предложенного метода. Процедура повторяется для всех языков, используемых в исследовании. К полученным результатам могут быть применены как психологические, так и математические методы. В рамках *психологического подхода* к семантическим сетям, рассматриваемым как социальные представления, применяется структурный подход Абрика⁵. Для отделения центральной части представления от периферийных элементов используются методологические инструменты Верже⁶, в которых ранги (от 1 до 25) в семантической сети для термина используются вместо процентов (частот). При *математическом подходе* удастся ввести меру близости между сетями, что позволяет оценить близость культур в рассматриваемой области исследования.

Автор имел ограниченный доступ к данным, собранным исследователями из других стран. Однако и этого достаточно для того, чтобы предположить, что их качество невысоко. К сожалению, уровень культуры сбора данных и их «прогона» через более или менее стандартные процедуры обработки на компьютере невысок не только в России. Интерпретацию полученных данных и написание итоговых публикаций осуществляют руководитель и наиболее квалифицированные члены международной команды.

Иногда на заключительном этапе выясняется, что «гора родила мышь», результаты не соответствуют затраченным усилиям и использованному инструментарию. Например, в одном из исследований были последо-

вательно применены процедуры интервального многомерного шкалирования MDS; обобщенный прокрустов анализ GPA; иерархическое линейное моделирование HLM, в ходе которого были подсчитаны внутрикласовые коэффициенты корреляции ICC; иерархический кластерный анализ (метод Ward); затем снова была применена процедура MDS с преобразованиями близостей для каждой страны в отдельности и всех стран вместе с помощью личных данных респондентов; зондирующий факторный анализ EFA и т.д. Объем проделанной работы и сложность использованного инструментария вызывают уважение, однако полученные результаты вызывают сомнения. Например, Канада попала не в западный кластер вместе с США, а в кластер, включающий Индию, Малайзию, Россию и Южную Корею.

Наконец, на заключительном этапе решается вопрос об авторстве. Помимо научного интереса, именно возможность опубликоваться вместе с известными учеными привлекает участников команды в соответствии с известным лозунгом Р. Мертона «publish or perish» (публикуйся или гибли). Для начинающих психологов и психологов из стран, удаленных от международных психологических центров, совместные исследования представляют наиболее доступный, если не единственный способ заявить о себе. «Нарастание коллективизма», увеличение количества авторов, приходящихся на одну публикацию, естественны для кросс-культурных исследований, но вступают в противоречие с существующими правилами и традициями.

Американская психологическая ассоциация рекомендует в случае, когда у публикации шесть или более авторов, в тексте указывать фамилию первого из них, сопровождаемую «и др.», в списке литературы они обозначены так же. Компьютерные программы, используемые организаторами международных конференций, тоже ограничивают число возможных авторов, например, десятью. Наконец, редактор журнала может сослаться на свой опыт: «Впервые вижу у статьи такое количество авторов», – и попросить пересмотреть его, обещая в противном случае разобраться с личным вкладом каждого члена команды.

Анализ организационных аспектов кросс-культурной психологии закономерно приводит к проблеме *модернизации компетенций* российских психологов, перехода от стандартов высшего профессионального образования, созданных на базе *квалификационной* модели специалиста, к стандарту, разработанному с позиций *компетентностного* подхода. Для обеспечения репрезентативности российской психологии в мировой науке и повышения уровня ее конкурентоспособности должен быть, в первую очередь, преодолен *языковой барьер*.

На основании статистических данных базы ScienceDirect Б. Величковский сделал вывод о том, что в России ограниченное количество авторов-психологов способно соответствовать международным стандартам, и их число уменьшается. Он предположил, что это объясняется утечкой мозгов, существующими теоретическими барьерами, а также тем, что российские фонды, финансирующие исследования, поддерживают публикацию результатов только в отечественных журналах⁷.

Примечания

¹ См.: *Topchik G.S. The First-Time Manager's Guide To Team Building / G.S. Topchik. N.Y., 2007.*

² См.: Психология: Биограф. библиогр. слов. / Под ред. Н. Шихи, Э.Дж. Чепмана, У.А. Конроя. СПб., 1999.

³ См.: *Handbook of Cross-Cultural Psychology: in 3 v. / Eds. J.W. Berry, Y.H. Poortinga, J. Pandey. 2nd ed. Boston, 1997; Berry J.W. Cross-Cultural Psychology: Research and Applications / J.W. Berry, Y.H. Poortinga, M.H. Segall, P.R. Dasen. 2nd ed. Cambridge, 2002; Триандис Г.К. Культура и социальное поведение / Г.К. Триандис. М., 2007.*

⁴ См.: *Berger M. Cross-Cultural Team Building: Guidelines for more effective communication and negotiation / M. Berger. N.Y., 1996.*

⁵ См.: *Abric J.-C. Les représentations sociales: aspects théoriques / Abric J.-C. // Pratiques sociales et représentations / Ed. J.-C. Abric. Paris, 1994. P.10–36.*

⁶ См.: *Vergès P. Représentations sociales en psychologie économique / P. Vergès // Psychologie Économique. Théories et Applications / Eds. C. Roland-Lévy, P. Adair. Paris, 1998. P.19–33.*

⁷ *Velichkovsky B.B. Open Access Publishing – A Challenge for Russian Psychology / B.B. Velichkovsky // Psychology Science Quarterly. 2009. Vol.51. Supplement 1. Proceedings of the Workshop on European Psychology Publication Issues. P.147–159.*

УДК 159.923 (075.8)

ПРОБЛЕМА ВНУТРЕННЕГО КОНФЛИКТА ЛИЧНОСТИ: СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА

И.А. Красильников

Саратовский государственный университет
E-mail: igor.krasilnikov@mail.ru

В статье рассматривается проблема внутреннего конфликта в социально-психологической парадигме. Представлены модели конфликтов: Я – социальная роль, межролевой конфликт. Описан внутренний конфликт с позиций теории идентичности и социокультурных представлений психики.

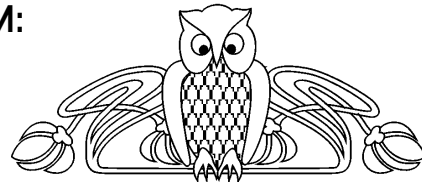
Ключевые слова: внутренний конфликт личности, роль, социально-психологическое давление, диффузная идентичность.

The Problem of Inside Conflict of Personal: Socially-Psychologic Paradigm

I. A. Krasilnikov

The article is considered the problem of inside conflict in socially-psychologic paradigm. It was show of models conflicts: I – social role, interrole conflict. The inside conflict was described by position of theory identity and social-cultural representation of psyche.

Key words: inside conflict of personal, role, social-psychologic pressure, diffusion identity.

Социально-психологический подход предполагает рассмотрение личности в связи с ее включенностью в те или иные социальные группы. Вступая во взаимодействие с другими людьми, человек выполняет определенные роли, обладает социальным статусом. Один и тот же человек может выполнять одновременно несколько ролей. Окружающие ожидают от него тех или иных действий, т.е. имеют ролевые ожидания (экспектации). Социально-психологические свойства личности позволяют ей играть эти роли в обществе и занимать определенное положение в группе.

Изучая социальную-психологическую феноменологию личности, К. Левин¹ ввел понятие «психологического поля» как пространства жизненного мира человека. Личность, находящаяся в этом поле, испытывает как силы притяжения, так и силы отталкивания, впоследствии названные исследователем валентностями. Соотношение этих валентных сил со стороны референтной части социального мира отражается на эмоциональном состоянии личности.

Раннее неопсихоаналитики обратили внимание на тот факт, что социальный мир по отношению к отдельной личности может иметь наряду с очевидными преимуществами негативное и даже угрожающее воздействие. В конкурентной борьбе за власть и статус другие часто действуют «жестко и насильственно», подавляя индивидуальность человека². Социальный мир как на макро-, так и на микрогрупповом уровнях может оказывать психологическое давление на членов своей группы, вызывая внутренние конфликты (возникает проблема конформного поведения личности).

Одним из вариантов описания внутренних конфликтов личности, затрагивающих сферу её социальной жизни, является обобщенная модель личностно-ролевых конфликтов, которые могут возникать между личностью и выполняемой ею ролью. Индивидуальные особенности личности проявляются в своеобразии ролевого поведения, которое в социальной психологии рассматривается как функция двух основных переменных: социальной роли и «Я». Однако А.Н. Леонтьев³ считал, что сводить личность только к совокупности ролей – недопустимо.

По мнению А.Л. Свенцицкого⁴, любая роль существует отдельно от личности, выполняющей ее, однако интересы и установки личности вносят определенные изменения в ролевое поведение. Как отмечает исследователь, проблема соотношения психических свойств личности и ее ролевого поведения (как личность влияет на роль и как роль влияет на личность) сложна и еще недостаточно изучена. Он говорит о возможности внутреннего конфликта «Я – роль».

Интеракционистская школа в лице Т.Шибутани⁵ рассматривает внутренний конфликт

«Я – роль» как результат несогласованности ролевых экспектаций и возможностей личности (хотя экспектации других могут быть не приняты самой личностью). В сознании личности представлены, с одной стороны, требования и ожидания других относительно ее ролевого поведения, а с другой – функциональные возможности и личностное отношение к своей роли. Рассогласование противоречивых чувств личности в связи с выполняемой ролью квалифицируется как внутренний конфликт.

В рамках ролевой концепции на личностном уровне Н.В. Гришина⁶ различает два вида внутренних конфликтов:

конфликт «Я – роль» (в рамках одной роли): имеют место противоречия между требованиями роли и возможностями, потребностями личности. Такой вид конфликта определяют как личностно-ролевой, а В.С. Мерлин⁷ назвал его «конфликтом долга и личных мотивов»;

межролевые конфликты, когда у одной и той же личности имеются противоречия, столкновения нескольких взаимоисключающих ролевых позиций.

Проведя всесторонний системный анализ феноменологии конфликтов, Н.В. Гришина выделила факторы, определяющие интенсивность ролевого конфликта: степень совместимости/несовместимости разных ролевых ожиданий; жесткость, с которыми эти требования предъявляются; личностные характеристики самого индивида; его отношения к ролевым ожиданиям. Завышенные иерархизированные требования к различным социальным ролям, выполняемым личностью, могут привести к внутренним конфликтам и, как следствие, к снижению возможностей адекватной социальной адаптации.

Модифицированный вариант межролевого внутреннего конфликта предложен Я. Морено⁸, который показал, что в основе внутреннего конфликта лежит «кластерный эффект»: любая роль подразделяется на несколько. Отдельные роли, находящиеся в латентном состоянии, могут входить в противоречие с актуализированными ролями, что и вызывает внутриличностный конфликт: одни роли личность принимает, а другие отвергает.

В рамках описания ролевого поведения в психологических состояниях личности Э. Берном⁹ выделены три типа-роли, соответствующие директивному (родитель), разумному (взрослый) и инфантильному (ребенок) способам социального взаимодействия. Хотя Э. Берн делал акцент на описании межличностных конфликтов (как пересечении интерактивных взаимодействий), тем не менее внутренний конфликт с этих позиций можно было бы рассматривать как конфликт между двумя субличностями, также имеющий пересекающиеся внутренние интеракции.

Внутриличностные конфликты представляют собой системные психические образования самосознания, которое, в свою очередь, определяется ролевой структурой Я-концепции. По мнению У. Джемса, Дж. Мида, Г. Блумера и др. Я-концепция формируется на основе идентичности личности с различными социальными группами¹⁰. Как писал в свое время К.Г. Юнг¹¹, вопрос «Кто Я?» – один из самых главных для каждого человека, это вопрос о его самости.

Рассматривая проблему самосознания, У. Джеймс¹² выдвинул идею, что в ролевую структуру Я-концепции включается принадлежность ко всем социальным группам. Ввиду того, что идентичность личности с различными социальными группами означает присваивание определенных ценностно-групповых ориентаций, которые могут быть не согласованы в отношении одного и того же объекта действительности, риск возникновения конфликтов достаточно высок.

Опираясь на концепцию социальной идентичности, Э. Эриксон¹³ вводит понятие «диффузная идентичность» как природное внутренне конфликтное состояние, связанное с возрастным этапом развития личности. От того, как будет разрешен этот конфликт, связанный с выбором новой идентичности, будет зависеть дальнейшее развитие.

Можно считать классическим определение внутреннего конфликта, данное К. Роджерсом¹⁴, который обозначал его как рассогласование между реальным и идеальным «Я». Отталкиваясь от этой идеи, И.Т. Хиггинс¹⁵ предлагает анализировать внутренний конфликт на основе понятия «долженствующее «Я»». В зависимости от типа расхождения на

этой основе будет определяться тип переживания и, соответственно, тип внутреннего конфликта.

В рамках теории идентичности Г. Тейфел и Д. Тернер¹⁶ считают, что принадлежность к группе, будучи частью самосознания, может повышать или понижать самооценку. Исследователи считают, что идентичность с «хорошей, высокостатусной» группой обеспечивает внутреннюю удовлетворенность и повышает самооценку, самоуважение, а идентичность с «плохой, низкостатусной» – приводит к снижению самооценки и эмоциональному дискомфорту. На основе антиципационных механизмов, сравнения обеих групп у человека повышается мотивация перейти в «хорошую» группу. Появление этой социальной мотивации означает усиление фрустрации и внутренней конфликтности. Если психологическая «цена» такого перехода будет непомерно высокая (сильная идентичность с прежней социальной группой, этническая, возрастная принадлежность, непроницаемость границ своей или чужой группы и др.), тогда может возникнуть экзистенциально-смысловой внутренний конфликт (жизненный кризис). Компенсаторным способом разрешения такого конфликта может быть активизация психологических защит, например, рационализация (поиск удобной интерпретации в свою пользу и пр.)

Возникновение внутриличностного конфликта связывается с повышением или понижением социального статуса общества (группы), с которым личность себя отождествляет, что может приводить к снижению самооценки и дезадаптивному поведению¹⁷.

Разновидностью внутренних конфликтов на основе идентичности с большими социальными группами является гендерно-ролевой конфликт¹⁸. Так, у женщин личностно-ролевой конфликт проявляется в амбивалентной идентичности: они «борются» за освобождение от прежде существовавших гендерных ролей, которые в соответствии с принятыми в обществе стереотипами являются неэффективными. Внутренний конфликт мотивирует личность к поиску способов его разрешения, а именно – обретению новой, возможно, ложной маскулинной идентичности. Это является результатом со-

циально-психологического давления на личность женщины со стороны групповых ценностей. К сожалению, далеко не всем женщинам удается противостоять своеобразной форме морального насилия.

Следует отметить, что современное общество, мотивируя личность к социальному развитию, может одновременно вызывать «перегрузку» ролями и, соответственно, усиление тревожных ожиданий. Так, Э.И. Киршбаум, А.И. Еремеева¹⁹ считают, что «ролевой перебор» может превысить психические возможности индивида и возникает опасность межролевых конфликтов и даже кризис самоидентичности. Иной точки зрения придерживается П.У. Линвилл²⁰, которая считает, что разнообразие в Я-концепции является источником гармоничного психического развития. Это лучше всего защищает личность от стресса, так как имеются роли-заменители (это важно для пенсионеров, военных, спортсменов и т.д.). Личности с расширенной Я-концепцией менее подвержены депрессии, колебаниям настроения в зависимости от успеха или неудачи, а ролевой «недобор» может вести к серьезным психологическим проблемам.

Американские исследователи Д. Крокер и Б. Мэйор²¹, обращая внимание на психологическую проблему человека, имеющего стигмы (внешние физические отметины, уродства, темный цвет кожи и др.), считают, что различие между Я-реальным и Я-идеальным порождает иногда непреодолимую тревожность и депрессивность, внутренний конфликт. По их наблюдениям, такой конфликт часто разрешается парадоксальным образом – излишней демонстрацией стигм. У стигматизированных людей ядром конфликта является осознание своих отличий. Мы считаем, что анализ возникновения конфликтности у таких людей следует рассматривать в следующем контексте: в какой мере указанный физически неустранимый признак препятствует достижению и реализации субъективно значимых ценностей.

В социально-когнитивном аспекте анализирует внутренний конфликт Р. Бэрн²². Им разработана теория «конфликта внимания», заключающаяся в том, что присутствие других людей в процессе выполнения лично-

стью основной деятельности служит источником отвлечения и эмоционального возбуждения. Непроизвольное социальное внимание может оказывать торможение на текущую деятельность или даже прекратить её. Тревожное ожидание личностью оценки выполняемой ею роли со стороны других говорит о появлении конфликта.

Детерминацию внутренних конфликтов можно анализировать на основе психологических теорий социализации. Так, один из ведущих отечественных специалистов в этой области Р.М. Шамионов²³ высказывает идею, что социализация личности в одной референтной группе не означает ее успешную социализацию в другой, если ценности, принятые в этих группах (соответствующих социальных институтах), не согласованы, противоречивы. Это дает основание говорить нам, что в современном и достаточно сложном социальном мире внутренние конфликты – явление неизбежное.

В настоящее время как в отечественной, так и в зарубежной социальной психологии и философии появляется множество исследований по проблеме социокультурной детерминации психики человека. В свое время Н.О. Лосский²⁴ считал, что перелом эпох, сопровождающийся сменой противоречивых ценностей различных культур, приводит к конфликтам, что, в свою очередь, снижает запас морального потенциала человека.

Опираясь на положения культурно-исторической концепции развития психики человека Л.С. Выготского, А.Р. Лурия²⁵ писал, что аффекты и внутренние конфликты предстают не только как вспышки психической энергии, но и как сгустки социально-культурного опыта, поэтому необходимо изучать социально-психологическую predisposedность личности к конфликту. Он считал, что чем выше уровень культуры в социуме, тем легче избегать в нем как межличностных, так и внутриличностных конфликтов, а понять деструктивное поведение личности можно только в том случае, если анализировать культурно-психологические механизмы его возникновения.

Учитывая взгляды К. Юнга на проблему происхождения внутренних конфликтов в культуральном аспекте, представитель пози-

тивной психологии и психотерапии Н. Пезешкиан²⁶ рассматривал актуальный внутренний конфликт как результат взаимодействия трех факторов: реальных жизненных стрессовых событий; микротравм, накапливающихся в процессе жизнедеятельности; личностных способностей по переработке психической напряженности. Причем последний фактор определяется соотношением у личности качеств «западного» и «восточного» человека: преобладание в мотивационной структуре личности элементов «западной культуры» (стремление к конкуренции, доминированию и т.п.) ведет к возникновению внутреннего конфликта.

В разработанной Г.В. Акоповым²⁷ концепции ментальности общественного сознания она понимается как область психологической жизни людей, представляющих данную культуру, и проявляется в системе взглядов, норм, оценок, верований, что задает иерархию ценностей личности. В ментальности значительную роль играет бессознательно выработанный опыт культуры общества. Если попробовать рассмотреть возникновение внутренних конфликтов, опираясь на эту теорию, то можно предположить, что различным ментальностям свойственна различная степень внутренней конфликтности, и это, в свою очередь, отражается соответствующим образом в структуре личности.

В этнофункциональной психологии А.В. Сухарева²⁸ возникновение психологического конфликта можно рассматривать как результат этнофункционального рассогласования в психике человека. Наличие в отношениях человека разнородных с этнофункциональной точки зрения психических компонентов характеризует внутреннюю несогласованность. Она объясняется исследователем с теоретических позиций А.Ф. Лазурского как рассогласование различных элементов «экзопсихики» и «эндопсихики». Взаимодействие и сочетание специфических элементов разных культур внутри одного исторического этапа, по мнению А.В. Сухарева, может детерминировать этнофункциональный дизонтогенез психики отдельного человека. Становление отношений личности к ее культурной и природно-биологической среде имеет определенные этапы, нарушение

развития которых приводит к внутреннему конфликту и социально-психической дезадаптации.

Анализируя концептуальное понимание внутренних конфликтов личности в социально-психологической парадигме, можно сделать следующие выводы.

Социальная группа, в которой личность выполняет определенную роль, может оказывать на нее социальное-психологическое давление в форме требований и экспектаций. При определенных условиях выбор личности в пользу ролевых ожиданий приводит к внутреннему конфликту типа «Я – социальная роль». Это приводит к потере индивидуальности и разрушению ценностной сферы человека.

Межролевые конфликты определяются как внутренние конфликты личности. Исследователи расходятся в понимании, что более эффективно для адаптации – ролевая «перегруженность» или ролевая «недогруженность». На наш взгляд, это противоречие может быть разрешено при использовании понятия «широта ролевого поведения личности».

Возникновение внутреннего конфликта можно объяснить на основе теории социальной идентичности. Идентичность личности с какой-либо социальной группой означает как можно полное принятие групповых ценностей, которые могут прийти в противоречие с уже имеющимися личностными. Здесь существует проблема «ложной» идентичности как условие возникновения новых внутренних конфликтов.

С нашей точки зрения, проблема разрешения внутренних конфликтов в социально-психологической парадигме должна решаться при ответе на вопросы: при каких личностных характеристиках, жизненных ценностях и установках возможно преобразование ценностно-смысловой сферы человека, принимающего ту или иную роль? Как выбранная роль или принятая идентичность отвечает его ценностному пониманию мира? Насколько стремление к социальной роли принуждает человека вести себя неуважительно и безответственно по отношению к другим людям?

Примечания

- ¹ См.: Левин К. Теория поля в социальных науках / К. Левин. СПб., 2000.
- ² См.: Адлер А. Наука жить / А. Адлер: пер. с англ. Киев, 1987.
- ³ См.: Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность / А.Н. Леонтьев. М., 2005.
- ⁴ См.: Свенцицкий А.Л. Социальная психология / А.Л. Свенцицкий. М., 2003.
- ⁵ См.: Шибутани Т. Социальная психология / Т. Шибутани. Ростов н/Д, 1998.
- ⁶ См.: Гришина Н.В. Психология конфликта / Н.В. Гришина. СПб., 2000.
- ⁷ См.: Мерлин В.С. Психология индивидуальности / В.С. Мерлин; под ред. Е.А. Климова. М.; Воронеж, 1996.
- ⁸ См.: Лейтц Г. Роль конфликты / Г. Лейтц // Психология конфликта / под ред. Н.В. Гришиной. СПб., 2001. С.155–164.
- ⁹ См.: Берн Э. Транзакционный анализ и психотерапия / Э. Берн. СПб., 1992.
- ¹⁰ См.: Семечкин Н.И. Социальная психология / Н.И. Семечкин. СПб., 2004.
- ¹¹ См.: Юнг К.Г. Психология бессознательного / К.Г. Юнг. М., 2006.
- ¹² См.: Джеймс У. Психология / У. Джеймс. М., 1991.
- ¹³ См.: Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис / Э. Эриксон. М., 1996.
- ¹⁴ См.: Роджерс К. Клиент-центрированная психотерапия / К. Роджерс. М., 2002.
- ¹⁵ См.: Higgins E.T. Self – discrepancy: A theory relating self and affect / E.T. Higgins // Psychological Review. 1987. №94. P.319–340.

- ¹⁶ См.: Teyfel H. The Social Identity Theory of intergroup behaviors / H. Teyfel, J. Turner // Psychological of Intergroup Relations / Eds. S. Worchel, W.G. Austin. Monterey, CA, 1982. P.7–24.
- ¹⁷ См.: Новиков В.В. Социальная психология: феномен и наука / В.В. Новиков. М., 2003.
- ¹⁸ См.: Гидденс Э. Трансформация интимности / Э. Гидденс. СПб., 2004.
- ¹⁹ См.: Кирибаум Э.И. Психологическая защита / Э.И. Кирибаум, А.И. Еремеева. М., 2000.
- ²⁰ См.: Linvill P.W. Self-complexity as a cognitive buffer against stress-related illness and depression / P.W. Linvill // J.I of Personality and Social Psychology. 1987. №52. P.663–676.
- ²¹ См.: Crocker J. Social stigma and self-esteem: The self-protective properties of stigma / J. Crocker, B. Major // Psychological Review. 1989. №96. P.608–630.
- ²² См.: Baron R. Distraction-conflict theory: progress and problems / R. Baron // Advances in Experimental Social Psychology. 1986. №19. P.1–40.
- ²³ См.: Шамянов Р.М. Социальная психология личности: Теория и практика / Р.М. Шамянов. Саратов, 2000.
- ²⁴ См.: Лосский Н.О. Условия абсолютного добра: Основы этики; Характер русского народа / Н.О. Лосский. М., 1991.
- ²⁵ См.: Задорожнюк И.Е. Рецензия на книгу: Лурия А.Р. «Природа человеческих конфликтов. Объективное изучение дезорганизации поведения человека». М., 2000 / И.Е. Задорожнюк // Психол. журн. 2004. Т.25, №3. С.133–135.
- ²⁶ См.: Пезешкиан Н. Психосоматика и позитивная психотерапия / Н. Пезешкиан. М., 1996.
- ²⁷ См.: Акопов Г.В. Проблема сознания в психологии. Отечественная платформа / Г.В. Акопов. Самара, 2002.
- ²⁸ См.: Сухарев А.В. Введение в этнофункциональную психологию и психотерапию / А.В. Сухарев. М., 2002.

УДК 159.923+316.6

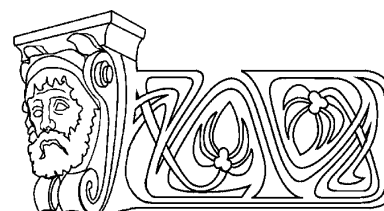
СТРАТОМЕТРИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ АКМЕОЛОГИЗАЦИИ ЛИЧНОСТИ И СОЦИАЛЬНАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ ОБЩЕСТВА

Т.А. Молодиченко

Педагогический институт
Саратовского государственного университета
E-mail: sguspec.psychol@yandex.ru

В статье рассматривается содержание авторской стратометрической концепции акмеологизации личности в аспекте социального развития общества, в частности, его стратификации. Рассматривается многоуровневая социальная активность личностей акме-типа в достижении вершин развития в процессе самообразования на уровнях гомеостаза, адаптации, социализации, самоактуализации. Основой развития акмеологизирующихся личностей является нравственно-смысловая парадигма.

Ключевые слова: социальная стратификация, акмеологизация, акме-личность, акмеологическая стратификация, социоакмеологическое конструирование.

Stratometrical Conception of Akmeologization of Person and Social Stratification of Society

T.A. Molodichenko

The maintenance of authors stratometric conception of akmeologization of a person in aspect of social development of society, particularly its stratification is considered in the article. In the essence of this conception in multilevel social activity of akme-type persons – in achievement of tops of development in process of self-education on levels of poleostaz, adaptation, socialization, self-actualization Moral-semantic paradigm is the basic of self-isolated persons.

Key words: social stratification, akmeologization, akme-person, akmeological stratification, social-akmeological designing.

На протяжении всего XX в. в науке критиковалась теория социокультурного прогресса, но именно прогресс определяет тенденции культурных изменений. Прогресс – детище искусственных систем, а естественные системы (галактики, природа, человек) развиваются эволюционно и циклично. Какое соотношение искусственного и естественного является позитивным не только для сохранения, сбережения, но и для совершенствования природы (живой и неживой)? Очевидно, в совокупности глобальных противоречий развития человека, социума, цивилизации, космоса это – основное. К числу других наиболее обострившихся противоречий развития человечества, на наш взгляд, относятся, прежде всего: «быть или иметь» (Э. Фромм) и «быть или не быть» (В. Шекспир). Конец 90-х гг. XX – начало XXI в. обострили эти противоречия, отражаясь на индивидуальном и групповом (коллективном) уровнях существования человека в форме антиномии между врождёнными потребностями и человеческой деятельностью (в том числе, духовными потребностями).

Эта совокупность противоречий разрешается в форме специфического феномена человеческого сознания и культуры, каковым является смысл. Он презентуется в сознании и самосознании как стратегия жизни, бытия и вслед за ним – быта. Экзистенциальный вакуум, как доказал В. Франкл, ведёт к множественным негативным для человека и общества последствиям. Отечественные учёные А.Н. Леонтьев и В.В. Столин раскрыли в своих исследованиях значение и значимость личностного смысла. Смысл – продукт субъективации человека, оказывающий влияние на организацию всей его жизни (бытия и быта). Коллективные же смыслы отражаются в предметных формах культуры, в науках (философии, религии, социологии, социальной психологии, эстетике и других), в социальном конструировании реальности.

В постиндустриальном обществе нравственно-смысловая, духовно-душевная парадигма развития человека и человечества вступила в противоречие с информационной, поэтому так необходимо как изучение нравственно-смысловых феноменов, так и конст-

руирование путей и средств их актуализации. Важнейшей проблемой при этом является доступ разных типов личностей к ресурсам и резервам общества. В нашей концепции социоакмеологического конструирования развития образовательного пространства предлагается решение этих проблем.

Социальная стратификация общества отражает дифференциацию такого доступа. Она исследовалась многими зарубежными (Б. Барбер, Г. Беккер, П. Бурдьё, М. Вебер, Э. Гидденс, Ч. Кули, П. Лазарсфельд, Р. Липтон, Р. Мертон, Дж. Г. Мид, П. Парсонс, П. Сорокин, П. Штомпки) и отечественными учеными (Е.С. Баева, Т.Ю. Богомолова, Т.И. Заславская, М.Н. Руткевич, В.С. Тапилина, Н.И. Тихонова, Т.И. Черняева, В.Н. Шубкин). Формы и виды социальной стратификации разнообразны, и к ним традиционно относят экономическую, политическую и профессиональную. П. Сорокин в качестве структурно-функциональных компонентов стратификации называл социальные пространство, положение, совокупность страт и место человека внутри каждой из них. Установление связей между стратами и внутри них – важнейшая составляющая концепции П. Сорокина¹. В концепции социальной мобильности, им разработанной, выделяются горизонтальная и вертикальная. Нами было выявлено, что для акмеологизирующихся членов российского общества (из сфер производства и образования) приоритетной является первая, так же, как и самоменеджмент по горизонтали, а не по вертикали. Механизмами таких процессов являются: потребности максимального качественного освоения многих видов деятельности (всесторонность), сильная процессуальная мотивация, сниженная потребность во власти и деньгах, но повышенная – в социальной самоактуализации.

М.С. Комаров отмечает, что представления о стратификации в значительной степени связаны с господствующей системой ценностей, позволяющих ранжировать различные виды деятельности. Это приводит к неадекватному достижению работником вознаграждению за его труд. Нельзя не учитывать в этом смысле влияния традиций и сте-

реотипов в оценивании физического и умственного труда². Система образования, традиционно рассматриваемая как массовый канал социальной мобильности, как «социальный лифт» (П. Сорокин), особенно подвержена своеобразной экономической дискриминации наряду со здравоохранением и сферой искусства. В. Верякина проводит анализ динамики развития человеческого потенциала в связи с современными приоритетами высшего образования и отмечает, что новое направление – «развитие человеческих ресурсов» предполагает «максимизацию человеческого потенциала и его эффективное использование в целях экономического и социального развития». Автор считает, что необходим охват исследованиями всех сфер жизнедеятельности, но особое место занимает образование в аспекте укрепления, развития, поставки качественных человеческих ресурсов для российского общества³. Акцент в концепции развития человека, по нашему мнению, должен быть поставлен на ценностно-смысловом, а не на функциональном аспекте.

Разработанная нами стратометрическая (многоуровневая) концепция акмеологизации заключается в процессной полноценной характеристике этого феномена: достижения разных вершин самосовершенствования через уровни, предшествующие конечному результату, включенные в него в снятом виде: через гомеостаз, адаптацию, социализацию и самоактуализацию.

Понятие страты включает социальный слой людей, имеющих сходные объективные показатели по четырем общепринятым шкалам стратификации – доход, власть, образование, престиж. Субъективным показателем принадлежности к страте является ощущение причастности к данной группе, идентификация, т.е. уподобление ей. Эта точка отсчета не учитывает: 1) наличие дифференциации членов общества, разных его социальных групп по степени зависимости духовного развития от материального; 2) существование, бытие акме-личностей, для которых (по сравнению с другими типами личностей) проблема «быть или иметь» решается в пользу «быть». Акме-человек менее других зависим от материального бытия, как показывают

наши исследования. Он оперирует понятием «разумные материальные потребности» и имеет их в объеме не максимально возможным, а оптимально необходимым для постоянного духовного, профессионального, социального, личностного, физического самосовершенствования в процессе самообразования, понимаемого нами как системный комплекс самообучения, самовоспитания, саморазвития и самопросвещения⁴.

Нами было выявлено пять основных типов акме-личностей. Выборка включала: молодых специалистов-инженеров, производственных руководителей и инженеров с большим стажем работы; старшеклассников школ из профильных классов, студентов пяти разных вузов; психологов (студентов и работающих), учителей школ – всего 3716 человек, из них акме-личностей – 1077 человек (29%). Исследования проводились в Актюбинске, Барнауле, Саратове.

Первый тип акме-личности назван нами трансцендентным или ноосферно-центрированным (0,5%). Второй тип – альтруистско-творческий (10%), в котором выделено 2 подтипа: а) целеустремленно-деловой и б) рефлексивно-эмпатийный. Третий тип – адаптивно-социализованный (17%). Характеристика четвертого типа – конформно-новаторского (21%) – включает акцентировку личности на технологических сторонах деятельности, самоактуализацию в научном и литературном творчестве. Ведущим уровнем развития четвертого типа акме-личности является адаптация. Пятый тип – социально-центрированный (к нему относятся 26%) также имеет 2 подтипа: а) с социально-деловой ориентацией (14%) и б) центрированно-амбициозный (12%).

Анализ представленности ведущих (для личности) уровней развития показал, что на I месте – уровень социализации (у 43% обследованных акме-личностей она выступает в качестве ведущего, основного), на II – уровень адаптации (21%), на III – самоактуализация (у 10% акме-личностей представленная в качестве ведущего уровня) и на IV – системная акмеологизация как ведущий уровень развития – 0,5% акме-личностей.

В связи с этим можно говорить о большей распространенности социализованных людей, на втором месте находятся адаптированные, на третьем – самоактуализированные и на последнем – полностью акмеологизированные. Следует заметить, что типологизация акме-личностей – процесс очень сложный, в первую очередь, из-за комплексной диагностики. Акмеологическая стратификация общества объективно существовала всегда⁵. В России длительное ее замалчивание связано с традиционно неблагоприятным положением акме-личностей на лестнице стратификации, обусловленным:

а) российским менталитетом, преобладающей на протяжении продолжительного времени авторитарной системой управления обществом в целом и каждой из его социальных групп;

б) особенностями психологии авторитарной личности, получившей властные полномочия: агрессивностью, акцентировкой на психологической самозащите, неадекватной самооценкой, недостаточностью социального интеллекта, нередко встречающейся психопатизацией характера; выбором в пользу «иметь», а не «быть»; преклонением перед людьми, имеющими высокий должностной статус и власть, силу, деньги; часто встречающейся завистливостью и ненавистью к инакомыслию и инакодействию; нежеланием отдавать власть;

в) соборностью как истинно российским феноменом, имеющим не только положительные, но и отрицательные последствия для развития личности и всего общества в случае преобладания авторитарности в управленческой деятельности, когда происходит единение народа на основе конформизма, выгодного властным структурам.

Система самосовершенствования личности, группы, общества, когда речь идет, прежде всего, о «сверхнормативной», «наднормативной» активности, нестандартности, самоактуализации, акмеологизации, означает, что каждая личность является не продуктом коллектива, общества, а его основой.

Акмеологическая стратификация общества включает систему типов и уровней. Мы выделяем следующие:

I – низший уровень и тип – функционерство, понимаемое как преобладание воздействий общества на каждую личность через коллектив и авторитарное подчинение личности обществу;

II – средний уровень и тип – экстероакмеологизация, когда самодеятельность, саморазвитие, самоуправление, самоменеджмент коллектива развиваются благодаря отдельным личностям или другим коллективам (группам) в связи с их актуализируемыми потребностями.

III – хороший уровень, тип – интероакмеологизация как преобладание воздействий акме-личностей на свой коллектив; следование коллектива за творческими личностями, создание для них благоприятных условий жизнедеятельности и духовного воспроизводства.

IV – высший уровень, тип – культурно-историческая акмеологизация – это ориентация общества и государства на производство и воспроизводство творческих личностей акме-типа; реализация этой общественно значимой потребности, превращение ее в актуализированную путем саморазвития коллективов и личностей в культурном, художественном, научном, социальном процессах; присвоение обществом и государством актуализированных потребностей людей акме-типа.

Таким образом, возможны различные варианты взаимодействия личности, коллектива, общества и государства, от почти полного подчинения личности коллективу, обществу и государству до реального признания и усвоения коллективом, обществом и государством нравственно-смысловых особенностей духовно-душевного развития акме-личностей.

В заключение можно сказать, что в период обострения противоречий общественного и личного развития актуализируется потребность в изучении не только эволюции человека и общества, но и социокультурного прогресса, социального конструирования психической реальности. Нравственно-смысловая духовно-душевная парадигма развития человека, вступая в противоречие с новой, информационной, составляют мощ-

ную движущую силу развития. Это противоречие меняет социальную стратификацию общества, увеличивая число ее видов и интенсивность их актуализации.

В системе образования наиболее ярко проявляются противоречия становления личности (ее развития и формирования, т.е. эволюции и педагогического конструирования). Стратометрическая концепция акмеологизации личности и концепция социоакмеологического конструирования развития образовательного пространства, разработанные нами, позволяют дифференцированно подходить и к исследованию эволюции человека, и к социальному конструированию личности на основе нравственно-смысловой парадигмы и теорий социокультурного прогресса.

При классификации акме-личностей на основе социоакмеологического исследования их феноменологии в сфере производства и образования выявлены количественные и качественные характеристики пяти типов. Введено понятие «акмеологическая страти-

фикация общества», дана характеристика ее уровней и типов. Акмеологическая стратификация общества как вид социальной стратификации позволяет более дифференцированно отразить его структуру и больших и малых групп, а также расширить число шкал стратификации, добавив к традиционным (доход, власть, образование, престиж) еще одну: акмеологизации личности.

Примечания

¹ См.: Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество / П. Сорокин. М., 1992.

² См.: Комаров М.С. Введение в социологию / М.С. Комаров. М., 1994.

³ См.: Веряскина В. Динамика развития человеческого потенциала и приоритеты высшего образования / В. Веряскина // Высшее образование в России. 2005. №2. С.29–37.

⁴ См.: Молодиченко Т.А. О типологии акме-личностей / Т.А. Молодиченко // Акмеология в образовательных процессах / Отв. ред. А.А. Понукалин. Саратов, 2000; Молодиченко Т.А. Акмеологическая ориентация вузовского образования (социологический аспект) / Т.А. Молодиченко. Саратов, 2005.

⁵ См.: Молодиченко Т.А. Акмеологическая ориентация...

УДК 316.6+159.9:61

ПЕРЦЕПЦИЯ ЗДОРОВЬЯ И БОЛЕЗНИ КАК ВЫРАЖЕНИЕ АДАПТАЦИОННЫХ СТРАТЕГИЙ

М.М. Орлова

Саратовский государственный университет
E-mail: orlova_maria_m@mail.ru

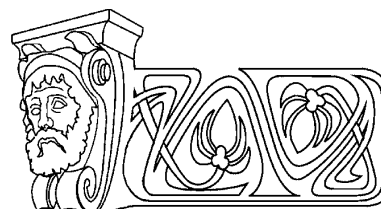
В статье рассматривается субъективное восприятие переживания здоровья и болезни в зависимости от выраженности алекситимии. Автором предлагается описание двух основных стратегий переживания этих состояний: активной и пассивной. Выявленные особенности уточняют представления о внутренней картине здоровья и болезни как едином адаптационном процессе, реализующем как самоотношение, так и отношение к миру и являющемуся частью адаптационного потенциала личности.

Ключевые слова: болезнь, здоровье, адаптация, трудные жизненные ситуации, ситуации болезни.

Perception of Conditions Health and Illness as the Analogue of Adaptive Strategy

М.М. Orlova

The subjective perception of experience of health and illness which depending on expressiveness alexithymia is considered in article. The author offers the description of two basic strategy of experience of these conditions: active and passive. The revealed features elabo-

rate representations about an internal picture of health and illness as the uniform adaptable process realizing both of form: the self-attitude and the attitude to the world; at the same time this process is a part of adaptable potential of the person.

Key words: disease, health, adaptation, difficult life situations, disease situation.

Болезнь можно представить как сложную многопричинную систему взаимовлияющих факторов, составляющих для человека трудную жизненную ситуацию.

Объективные факторы болезни, к которым относятся тяжесть заболевания, состояние моральной и материальной поддержки близких, степень профессиональных ограничений, вызванных болезнью, и степень ограничения круга общения больного, отража-

ют изменившиеся условия его психологической деятельности, психологическую «цену» болезни, степень утраты прежних возможностей личности. Суть влияния объективных факторов болезни на личность – в уменьшении объективных возможностей сохранения мотивационной сферы больного и способов ее реализации в условиях телесной болезни и ее последствий.

Влияние, оказываемое этими факторами в целом, опосредовано, прежде всего, через значимость для личности тех или иных форм реализации мотивов, ограниченных или ставших невозможными в связи с болезнью, и тех стратегий адаптации, которыми может воспользоваться личность. Анализ субъективной стороны болезни может быть полезен как для решения практических вопросов, так и для изучения адаптационных стратегий и адаптационного личностного потенциала человека в трудной жизненной ситуации.

Изучение субъективной стороны болезни и здоровья в данный момент представлено понятиями «внутренняя картина болезни» (ВКБ) и «внутренняя картина здоровья»¹.

А.В. Шувалов, обобщая работы, посвященные проблеме здоровья, рассматривает его как одну из базовых ценностей человека и идеальное состояние². Здоровье и болезнь относятся к числу диалектических и взаимодополняющих понятий. Внутренняя картина болезни рассматривается не как антипод, а как частный случай внутренней картины здоровья. В.А. Ананьев развивает понятие «внутренняя картина здоровья» и дает следующее определение: внутренняя картина здоровья – это совокупность интеллектуальных описаний (представлений) здоровья человека, комплекс эмоциональных переживаний и ощущений, а также его поведенческих реакций. Основой данного психического образования так же, как и «внутренней картины болезни», является самосознание человека.

Как считает Р.М. Войтенко, внутренняя картина болезни обусловлена системой факторов³. Он предлагал учитывать:

биологические факторы (соматическая патология, промышленные интоксикации, инфекции, черепно-мозговые травмы);

социогенные (изменение роли больного в семье, референтной группе, изменение отношения окружающих к больному);

аутопсихологические (снижение самооценки, потеря жизненной перспективы, чувство неполноценности, беспокойство за свою судьбу и судьбу родных и близких).

К анализу социогенных факторов, обуславливающих внутреннюю картину болезни, относится концепция «роли больного», выдвинутая Т. Парсонсом⁴. Человек в роли больного приобретает новый статус, связанный с новыми правами и обязанностями. По отношению к нему у окружающих возникает необходимость заботиться о больном, т.е. распределять между собой и больным человеком степень ответственности за характер и течение его болезни и даже жизни.

Когнитивный аспект «внутренней картины болезни» характеризуется понятием личностного значения болезни. Она может рассматриваться как враг, соревнование, утрата, штраф, выигрыш, судьба. Согласно Lirowski, болезнь может восприниматься, как вызов (угроза), потеря, облегчение, наказание⁵. Н.И. Рейнвальд предлагает классификацию вариантов ВКБ по степени активности личности по отношению к болезни: пассивно-страдательное; активно-положительное, или «уход в болезнь»; отрицание наличия заболевания; спокойно-выжидательное отношение; активное противодействие развивающемуся недугу⁶.

Таким образом, болезнь можно рассматривать как трудную жизненную ситуацию, в которой внутренняя картина здоровья, являющаяся элементом самосознания, трансформируется во внутреннюю картину болезни в процессе социально-психологической адаптации. А внутренняя картина болезни может рассматриваться как индивидуальная стратегия совладания.

Сумма соматических и социальных факторов, составляющих конкретную ситуацию болезни, не определяет автоматически всю сложность изменений личности больного. Большое значение имеет активность этой личности, непосредственно связанная с ее преморбидными свойствами. Наличие широкой сферы значимых мотивов позволяет

больным преодолевать ограничения, вносимые болезнью. При узкой ведущей мотивации, изначально сфокусированной на физическом самочувствии, даже в первой ситуации болезни, для которой характерна обратимость возникающих проблем, больные жаловались на неуверенность, одиночество, демонстрировали как невротическую реакцию, так и невротическое развитие личности⁷.

В отечественной психологии становление субъективного отношения к болезни рассматривается как процесс самопознания. В результате этого процесса человек идентифицирует себя как здорового или больного, а свое состояние – как здоровье или болезнь. Таким образом, болезнь и здоровье являются, в том числе, и субъективной реальностью. Она, по-видимому, включает всю систему самовосприятия, самоотношения, идентификации себя со здоровым или больным человеком, а также выстраивание субъективной картины жизненного пути личности.

Нами было предпринято исследование, направленное на анализ внутренней структуры переживания состояния здоровья и болезни⁸. Были выявлены две основные стратегии переживания, связанные с выраженностью алекситимии, которые можно обозначить как активную и пассивную. Влияние хронического соматического заболевания на восприятие здоровья и болезни мы рассмотрели на примере хронических соматических заболеваний (таких, как бронхит, функциональная диспепсия, гастрит), которые можно рассматривать в рамках первой ситуации болезни. Первая, или начальная ситуация болезни характеризуется минимальным, часто преходящим, влиянием вызывающих ее патологических и социальных факторов и означает практически полное сохранение возможностей реализации основных мотивов личности больного⁹.

Первая стратегия, характерная для испытуемых без алекситимии, выражалась в том, что состояние здоровья рассматривалось ими как источник сил, мобилизующий личность на достижение значимых целей, возможности для создания чего-то нового, т.е. реализовался мотив самоактуализации. Ис-

пытуемые были уверены в своем здоровье и в том, что оно зависит от них. Состояние болезни у них предполагало активность и поиск выхода из сложившейся ситуации. Они были уверены в благоприятном исходе событий.

Вторая стратегия, характерная для лиц с выраженной алекситимией, выражалась в том, что состояние здоровья рассматривалось как возможность получения комфорта и общения. Испытуемые не были уверены в стабильности своего здоровья и в том, что оно зависит от них. Состояние болезни предполагало пассивность, страх, беспомощность, одиночество и сосредоточенность на своих ощущениях. Для этой стратегии был характерен неблагоприятный прогноз или сомнения в благоприятном исходе событий.

Наличие заболевания, отвечающего условиям первой ситуации болезни, приводило при первой стратегии к мобилизации и сохранению возможности идентифицировать себя как здорового человека, при второй стратегии – к готовности идентифицировать себя как больного. Таким образом, сохранность рефлексии эмоциональной сферы и «внутренняя картина здоровья», выражающая самоактуализационные мотивы, может рассматриваться как проявление личностных адаптационных ресурсов в процессе формирования «внутренней картины болезни».

Стратегии переживания здоровья и болезни можно рассматривать как частный случай стратегии адаптации. В работах Л.И. Анциферовой, А.Г. Маклакова, Д.А. Леонова, А.А. Реан подчеркивается, что способность к адаптации как личностное свойство человека – это целостное образование, получившее название личностный адаптационный потенциал¹⁰.

Этот феномен описывается как интегральная характеристика уровня личностной зрелости, которая включает силу Эго, внутреннюю опору, локус контроля, ориентацию на действие, волю к смыслу и др. Деление стратегий адаптации на активную и пассивную можно встретить в работах Л.И. Анциферовой, С.Т. Посоховой¹¹.

А.А. Реан выделяет следующие стратегии адаптации:

- активное изменение ситуации;

- активное изменение качеств своей личности;
- активный поиск новой социальной среды с более высоким адаптационным потенциалом для данной личности и для ее развития;
- вероятно-комбинированный;
- пассивная дезадаптация (пассивное принятие требований, норм, установок, ценностей социальной среды без включения процесса самоизменения, самокоррекции и саморазвития)¹².

Он считает, что при выборе стратегии адаптации личностью оцениваются:

- а) требования социальной среды (сила, степень враждебности, степень ограничения потребности и т.п.);
- б) потенциал самоизменения (адаптационный потенциал);
- в) цена усилий (физиологическая, психологическая).

Требования трудной жизненной ситуации, к которой можно отнести и болезнь, подвергают человека испытанию. Преодоление этой ситуации может приводить не только к изменению ситуации, но и к изменению самой личности. А.О. Прохоров подчеркивает значимость таких ситуаций для появления новых личностных образований. Последние связаны с выбором стратегии психологической адаптации по активному типу (самореализация) или пассивному (обученная беспомощность)¹³.

Мы выделили две группы параметров, наиболее близкие той или иной стратегии¹⁴:

- а) совладание по адаптивному типу с сохранностью поисковой активности: ценность ориентации на самоактуализацию, гибкость поведения, креативность, саморукводство, самопринятие, локус контроля «Я»;
- б) обученная беспомощность: внутренняя конфликтность, самообвинение, регрессия, отрицание реальности, реактивные образования, алекситимия.

Эти стратегии совладания определяют выбор механизмов психологической защиты, ценностные ориентации личности и локус контроля, обуславливая направленность в трудной жизненной ситуации. Данные стратегии – смысловое образование, в котором интегрируются отношения личности к си-

туации и к себе в данной ситуации, оценка ее значимости и прогнозирование исхода. Все это служит основанием для выбора тактики поведения. Позиция личности имеет регулятивную функцию. Она не однозначно задана и может быть лабильна и амбивалентна. Наконец, это может быть как свободный выбор, так и следствие внешнего принуждения.

Неадаптивная позиция личности характеризуется тем, что не позволяет человеку увидеть перспективы и пути разрешения трудной жизненной ситуации. К характеристикам неадаптивной позиции В.А. Тихоненко относит фиксированность или неизменяемость смыслового образа ситуации, ассоциированность, ограничение представлений о собственных ресурсах, утрату связи с референтной группой, запрет на активные действия, связанные со сложившимся смысловым образом, отсутствие позитивного образа будущего¹⁵.

Полученные нами результаты показывают, что для пассивной стратегии переживания здоровья и болезни характерна ассоциированность с эмоциональным реагированием, как с позитивным – здоровье, так и негативным – болезнь, отсутствие представлений о собственных возможностях влияния на ситуацию, что можно рассматривать как проявление обученной беспомощности, утрата связи с близкими людьми, отсутствие надежд на выздоровление.

Последующие исследования позволили дифференцировать классификацию и выделить следующие типы субъективной составляющей здоровья и болезни. Здоровье в описаниях ситуаций, в которых человек чувствовал себя очевидно здоровым, рассматривается как:

- отсутствие проблем и симптомов;
- в целом позитивное состояние, без личностного отношения;
- радость, с описанием эмоций, испытываемых в ситуации здоровья;
- возможность и реализация в значимых ценностях.

Таким образом, субъективная составляющая ситуации здоровья определяется прежде всего тем, насколько выражен личностный смысл этого состояния для человека.

Болезнь в описаниях ситуаций, в которых человек чувствовал себя очевидно больным, определяется как страх, потерянности, беспомощность, описание симптомов, преодоление.

Таким образом, субъективная составляющая ситуации болезни определяется прежде всего тем, каково в этой ситуации отношение к миру, самому себе и перспективам развития этой ситуации.

Корреляционный анализ взаимозависимости личностной значимости здоровья и эмоциональной вовлеченности в состояние болезни показывает наличие значимой отрицательной корреляции.

Проведенный анализ позволяет сделать ряд выводов:

- здоровье и болезнь можно рассматривать как варианты социальных ситуаций, а не только как телесное состояние;

- субъективная составляющая ситуации здоровья и болезни связана с отношением к миру и себе, восприятием перспектив этих ситуаций и значимости их для реализации ведущих мотивов личности;

- личностный смысл здоровья может рассматриваться как ресурс преодоления вовлеченности в болезнь.

Выявленные нами особенности субъективного переживания здоровья и болезни уточняют представления об этом механизме как едином адаптационном процессе, реализующем как самоотношение, так и отношение к миру и являющемся частью адаптационного потенциала личности.

Примечания

¹ Николаева В.В. Психологические аспекты рассмотрения внутренней картины болезни / В.В. Николаева. Л., 1976. С.95–98; Каган В.Е. Внутренняя картина здоровья и психосоматический потенциал индивида / В.Е. Каган // Психогенные и психосоматические расстройства / Отв. ред. Л. Мехилане. Тарту, 1988. Ч.1. С.201–204.

² См.: Шувалов А.В. Гуманитарно-антропологические проблемы психологического здоровья // *Вопр. психологии*. 2004. №6. С.18–33.

³ См.: Войтенко Р.М. Психологические аспекты болезни и инвалидности: Значение в клинике и экспертизе трудоспособности / Р.М. Войтенко. Таллин, 1981.

⁴ См.: Парсонс Т. О социальных системах / Т. Парсонс. М., 2002.

⁵ См.: Lipowski Z.J. Psychological reactions to physical illness / Z.J. Lipowski // *Can. Med. Ass. Journ.* 1983. P.128.

⁶ См.: Рейнвальд Н.И. Проявление структуры личности больного в его отношении к своей болезни / Н.И. Рейнвальд // *Психология и медицина: Материалы к симп.* М., 1978.

⁷ См.: Орлова М.М. Условия формирования изменений личности больных заболеваниями легких: автореф. дис. ... канд. психол. наук: 19.00.04: защищена 21.10.1983 / Орлова Мария Михайловна. М., 1983.

⁸ См.: Орлова М.М. Субъективное восприятие переживания здоровья и болезни в зависимости от алекситимии и наличия хронического соматического заболевания / М.М. Орлова // *Интегративные исследования в медицине: Материалы конф.* (Саратов, 25–28 марта 2009 г.) / Отв. ред. П.В. Глыбочко. Саратов, 2009.

⁹ См.: Орлова М.М. Социально-психологическая адаптация соматических больных и ситуация болезни / М.М. Орлова // *Психология системного функционирования личности* / Отв. ред. Р.Х. Тугушев. Саратов, 2004. С.223–225.

¹⁰ См.: Анцыферова Л.И. Личность в трудных жизненных условиях: переосмысливание, преобразование ситуаций и психологическая защита / Л.И. Анцыферова // *Психол. журн.* 1994. Т.15, №1. С.3–19; Маклаков А.Г. Личностный адаптационный потенциал: его мобилизация и прогнозирование в экстремальных условиях / А.Г. Маклаков // *Психол. журн.* 2001. Т.22, №1. С.16–24; Леонтьев Д.А. Психология свободы. К постановке проблемы самодетерминации личности / Д.А. Леонтьев // *Психол. журн.* 2001. Т.21, №1. С.15–25.

¹¹ См.: Посохова С.Т. Индивидуальные стратегии личностной адаптации / С.М. Посохова // *Психология адаптации и социальная среда: современные подходы, проблемы, перспективы* / Под ред. Л.Г. Дикой, А.Л. Журавлева. С.276–290.

¹² См.: Реан А.А. Психология личности. Социализация, поведение, общение / А.А. Реан. СПб., 2004.

¹³ См.: Прохоров А.О. Саморегуляция психических состояний: феноменология, механизмы, закономерности / А.О. Прохоров. М., 2005.

¹⁴ Орлов Д.В. Выбор стратегии психологической адаптации и его последствия для личности / Д.В. Орлов, М.М. Орлова // *Проблемы психологической науки в XXI веке* / Отв. ред. Р.Х. Тугушев. Саратов, 2006. С.112–115.

¹⁵ Тихоненко В.А. Позиция личности в ситуации конфликта и суицидальное поведение / В.А. Тихоненко, В.В. Ковалев, А.Г. Амбрумова // *Рос. психиатр. журн.* 1998. №3.

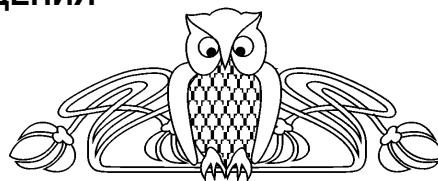

УДК 159.97:159.922.8

ОСОБЕННОСТИ САМОПОВРЕЖДАЮЩЕГО ПОВЕДЕНИЯ В ПОДРОСТКОВОМ И ЮНОШЕСКОМ ВОЗРАСТЕ

Н.А. Польская

Педагогический институт
Саратовского государственного университета
E-mail: polna7@rambler.ru

Исследование направлено на изучение особенностей самоповреждающего поведения в подростковом и юношеском возрасте. С этой целью анализируются такие показатели, как самоотношение, копинг-поведение, факты самоповреждающего поведения, девиантных рисков и психологической травматизации. Определяются три типа самоповреждающего поведения: девиантный, просоциальный и личностно-дисфункциональный.

Ключевые слова: самоповреждающее поведение, самоотношение, копинг, травма, девиация.

Features of Self-Injurious Behavior in Adolescence and Youth

N.A. Polskaya

The research is aimed to studying features of self-injurious behaviour in adolescence and youth. This purpose makes us analyse such characteristics as self-attitude, coping behaviour, cases of psychological traumatization, deviant socialization and self-injurious behavior. Three types of self-injurious behavior: a deviant, a prosocial and a personality-dysfunctional one are defined.

Key words: self-injurious behavior, self-attitude (self-concept), coping, trauma, deviation.

Несмотря на широкое распространение самоповреждающего поведения (СП) в молодежной среде, эта проблема является малоизученной в отечественной психологии. Сложность изучения объясняется донологическим характером большинства актов самоповреждения, внешним социальным благополучием таких молодых людей и утаиванием подобного поведения от близких. Наиболее распространенным является понимание СП как социально неодобряемого поведения, связанного с преднамеренным нанесением себе телесных повреждений, однако не имеющего суицидальной направленности. К данному типу относят и завуалированные формы самоповреждения, как, например, модификации тела и прямые акты в форме самопорезов, прижиганий и более тотальных самоувечий.

Современные зарубежные исследования направлены на определение причин и описание механизмов формирования подобного поведения. Сопутствующая психическая па-

тология, социальные дисфункции, психическая травма, личностная незрелость и несформированность адаптивных поведенческих навыков, проблемы эмоциональной регуляции – целый ряд психологических, психопатологических и социальных причин рассматривается в контексте СП. В качестве механизмов описывают различные модели, с опорой на социальные и психологические условия формирования СП: влияние окружения, влечение, аффективная регуляция, пограничная и комплексная функциональная модели¹.

На основе имеющихся научных данных была сформулирована гипотеза исследования, согласно которой СП определяется комплексом социальных и психологических причин: а) склонность к самоповреждению взаимосвязана с особенностями самоотношения и копинг-реагирования; б) психологические факторы взаимосвязаны с неблагоприятными социальными факторами, которые можно определить как «девиантная социализация» и «психологическая травматизация»; в) особенности и взаимосвязи психологических и социальных факторов определяют тип самоповреждения: девиантный, просоциальный и личностно-дисфункциональный.

В исследовании приняли участие 150 подростков и молодых людей в возрасте 14–19 лет. Из них: 50 отбывают наказание в воспитательной колонии – группа 1; 50 – учащиеся старших классов и студенты первых курсов, имеющие татуировки, пирсинг, декоративные шрамы – группа 2; 50 наблюдаются в медицинских учреждениях и имеют клинически зафиксированные факты самоповреждения (обязательным условием участия в исследовании было отсутствие у респондентов снижения интеллекта и расстройств мышления) – группа 3.

Для решения исследовательских задач был разработан авторский инструментарий: анкеты «Факторы риска девиантной социализации» (выявление проблемного, девиантного поведения, связанного с особенностями взаимоотношений, употреблением психоактивных веществ, фактами насилия и правонарушений), «Факты психологической травматизации» (выявление ситуаций, обладающих высокой степенью стрессогенности) и «Склонность к самоповреждающему поведению» (выявление фактов самоповреждения).

Исследование копинг-поведения осуществлялось с помощью методики определения индивидуальных копинг-стратегий Э. Хайма¹ и опросника копинг-установок подростков Adolescent Coping Orientation for Problem Experiences (A-COPE)². Методика Хайма позволяет определить характер копинг-стратегий на трех уровнях переработки стрессового события (эмоциональный, поведенческий, когнитивный). Опросник копинг-установок помогает выявить особенности совладания на уровне конкретных действий. В данном опроснике авторы выделяют такие типы совладания, характерные для подросткового возраста, как обсуждение чувств, отвлечение, позитивное мышление и оптимизм, поиск социальной поддержки, обсуждение проблем в семье, избегание проблем, поиск духовной поддержки, обсуждение проблем с близкими друзьями, поиск профессиональной поддержки, усиленные занятия (спортом, в школе), отношение к проблемам с чувством юмора и релаксация. В нашем исследовании копинги подростков и молодых людей оценивались с точки зрения: а) адаптивности и неадаптивности; б) направленности и конкретного содержания.

Изучение самоотношения осуществлялось с помощью методики исследования самоотношения МИС³: определялись такие показатели самоотношения, как: замкнутость – открытость, самоуверенность, саморководство, отраженное самоотношение, самооценочность, самопринятие, самопривязанность, внутренняя конфликтность и самообвинение, с последующим выделением трех факторов: самоуважения, аутосимпатии и самоуничтожения.

При анализе результатов исследования описательные и частотные статистики, средние, коэффициент корреляции были вычислены с помощью статистического пакета SPSS-14.RU for Windows, версия 14.0.2.

В 1-й группе показатели самоотношения характеризовались общей несбалансированностью и противоречивостью. По фактору «самоуважение» (средний показатель 5,1) была выявлена своеобразная парадоксальность самоотношения: сочетание низкого уровня самоуважения и зависимости от обстоятельств с ожиданием сочувствия, одобрения и понимания со стороны окружающих. Анализируя аутосимпатию (средний показатель 4,9), мы обнаружили преобладание негативных оценок собственной личности, устойчивость и ригидность позиции аутоотвержения и ауто-обесценивания. Исследуя фактор «самоуничтожение» (средний показатель 4,6), мы выявили тенденцию к избеганию проблем, слабость рефлексии, умеренную или слабую выраженность негативных эмоций в адрес собственного «я».

Во 2-й группе самоотношение в целом характеризуется большей сбалансированностью и стабильностью. Фактор «самоуважение» (средний показатель 5,9) характеризуется более высоким уровнем открытости, относительно устойчивой системой позитивных представлений о себе и осознанной готовностью влиять на внешние обстоятельства. Аутосимпатия (средний показатель 6,6) отражает суждения о привлекательности собственной личности, представляющей ценность в глазах других людей, хотя присутствует определенная конфликтность по шкале самопринятия, что связано с неудовлетворенностью собой, чрезмерной фиксацией на собственных недостатках или перфекционистскими тенденциями. Именно с этим связано и некоторое снижение по показателю самопривязанности, которое позволяет предположить наличие базовой неудовлетворенности собой и стремление к изменению. Показатели самоуничтожения (средний показатель 4,7) несколько выше, чем в группе осужденных подростков, что отражает более высокие ожидания и требования в отношении собственной личности, «высокую план-

ку» и вызванные этим колебания самооценки. В целом самоотношение сбалансировано, хотя некоторые противоречия между позитивными оценками собственной личности и завышенными ожиданиями в отношении себя способствуют повышению уровня конфликтности, что выражается в колебаниях самооценки, эмоциональной нестабильности.

В 3-й группе самоотношение при высоком уровне открытости характеризуется сниженными показателями самоуважения (средний показатель 4,8) и аутосимпатии (средний показатель 5,3) и завышенными показателями самоуничижения (средний показатель 5,6). В целом данной группе свойственны неудовлетворенность собой и сомнения относительно собственной способности вызывать уважение со стороны окружающих, нарушения саморегуляции и размытый фокус Я, дисфункциональный характер оценки собственных возможностей, недостаточность самопринятия, конфликтный характер аутокоммуникации и готовность к самообвинениям.

Оценка копинг-стратегий по методике Хайма показала, что более трети осужденных подростков используют неадаптивные копинг-стратегии на когнитивном (46%), эмоциональном (38%) и поведенческом (36%) уровнях. Это указывает как на когнитивную незрелость и несформированность навыков когнитивной переработки стрессового события, так и на поведенческую и эмоциональную реактивность, что предполагает ситуативно обусловленные и в достаточной степени спонтанные ответы на различные стрессовые воздействия.

Во 2-й группе на когнитивном уровне преобладают преимущественно адаптивные (44%) и относительно адаптивные (44%) копинг-стратегии, но половина испытуемых на эмоциональном уровне используют неадаптивные стратегии (54%). Наиболее уязвимой оказывается 3-я группа, в которой более половины испытуемых прибегают к неадаптивным копинг-стратегиям на эмоциональном уровне (68%), а чуть более трети – неадаптивно действуют (34%).

По методике исследования копинг-установок А-COPE (максимальная выраженность шкалы – 5 баллов) наибольшую выражен-

ность в 1-й группе получают шкалы: агрессии (4,8), отвлечения (4,4), уверенности (4,1), избегания проблем (3,9), поиска дружеской поддержки (4,2). Во 2-й группе наиболее выражены шкалы отвлечения (4,3), уверенности (3,9), поддержки семьи (3,6), поиска дружеской поддержки (3,7) и релаксации (4,2). В 3-й группе преобладают установки на избегание проблем (4,1), релаксацию (3,9), обращение за профессиональной помощью (3,5).

Анализ анкетных данных показал, что в 1-й группе наиболее часто прибегают к наглядным, демонстративным актам самоповреждения. Наиболее распространенными оказались: «расчесывание кожи до крови» (52%), «удары о твердые поверхности с целью причинить себе боль» (26%), самопорезы (26%). Во 2-й группе выдергивают волосы – 22%, к самопорезам склонны 18%. Среди подростков и молодых людей 3-й группы опыт самопорезов имеют 78%, более половины выдергивают волосы, бьются о твердые поверхности с целью причинить себе боль и бьют себя кулаком; треть респондентов этой группы использует такие акты, как расчесывание кожи до крови и сознательно совершаемые самоожоги.

С точки зрения риска девиантной социализации наиболее неблагополучными оказались подростки 1-й группы: они с наибольшей частотой подвергались насилию, либо сами применяли насилие в отношении других людей; в этой группе самый высокий процент курения (100%), употребления алкоголя (100%), «знакомства» с наркотическими веществами (80%) и наибольшая частота фактов семейного неблагополучия: алкоголизации, наркотизации родителей, наличия неполной семьи, конфликтных взаимоотношений с родителями (75%).

В анкете фактов психологической травматизации все травматические события были подразделены на три группы: внешние события (стихийные бедствия, аварии, террористические акты, разбойные нападения), семейные события (болезнь или смерть близкого родственника, злоупотребления родителей, побеги из дома) и психотравмирующие события, связанные с насилием (пережитое сексуальное и физическое насилие). С наи-

большей частотой на факты травматизации указывают осужденные подростки, причем наибольший процент выборов оказывается в блоке семейной травматизации: болезнь, смерть, развод, злоупотребления родителей или других близких людей (70%). Наименьшее число выборов у подростков и молодых людей, находящихся под медицинским наблюдением (26%). Но именно в этой группе, в сравнении с другими, наибольшее количество травм, вызванных сексуальным насилием, – 46% (в 1-й группе – 22%; во 2-й группе – 16%).

При проведении корреляционного анализа был выявлен ряд статистически значимых связей между показателями СП, девиантной социализации и психологической травматизации. Во всех трех группах были выявлены положительные корреляции между показателями семейного неблагополучия, опыта травмы, насилия и актами самоповреждений. Были обнаружены статистически значимые связи между факторами самоотношения, актами самоповреждений, показателями психологической травматизации и девиантной социализации (таблица).

Корреляционные взаимосвязи между показателями самоотношения, психологической травматизации и девиантной социализации (общие, по всем группам; * $p \leq 0,05$; ** $p \leq 0,01$)

Шкалы методики исследования самоотношения	Показатели самоповреждения, девиантной социализации и психологической травматизации
Самоуверенность	Сексуальное насилие: $r = -0,45^{**}$; Развод родителей: $r = -0,38^*$;
Саморуководство	Развод родителей: $r = -0,41^{**}$
Зеркальное Я	Строгие наказания: $r = -0,44^{**}$; Сексуальное насилие: $r = -0,32^*$; Конфликты с родителями: $r = -0,42^{**}$
Самоценность	Строгие наказания: $r = -0,34^{**}$; Развод родителей: $r = -0,35^*$; Конфликты с родителями: $r = -0,43^{**}$; Ссоры между родителями: $r = -0,33^*$; Алкоголизм отца: $r = -0,34^*$; Физические наказания в семье: $r = -0,38^*$; Проведение большей части времени с друзьями: $r = -0,33^*$
Самопринятие	Сексуальное насилие: $r = -0,39^*$; Развод родителей: $r = -0,35^*$; Проведение большей части времени с друзьями: $r = -0,49^{**}$; Тюремное заключение одного из родителей: $r = -0,32^*$; Неукротимый аппетит: $r = -0,32^*$
Самопривязанность	Физические наказания в семье: $r = -0,32^*$; Употребление алкогольных напитков: $r = 0,35^*$; Проживание вместе с родителями: $r = 0,33^*$; Проблемы с весом: $r = -0,4^*$; Отказ от пищи с целью похудения: $r = -0,35^*$
Конфликтность	Физические наказания в семье: $r = 0,36^*$; Расчесывание кожи: $r = -0,34^*$; Удары о твердые поверхности: $r = 0,37^*$
Самообвинение	Физические наказания в семье: $r = 0,32^*$; Употребление алкогольных напитков: $r = -0,35^*$; Проживание вместе с родителями: $r = -0,32^*$; Расчесывание кожи: $r = -0,36^*$; Самопорезы: $r = 0,35^*$; Сковыривание болячек: $r = 0,33^*$; Выдергивание волос: $r = 0,39^*$

Влияние неблагоприятных семейных обстоятельств отражается практически на всех факторах самоотношения. Позитивное самопринятие зависит от таких семейных проблем как развод, частые конфликты, применение физических наказаний, тюремное заключение одного из родителей, алкоголизация членов семьи. Вне зависимости от исследовательской выборки все респонденты, указавшие факты семейного неблагополучия, имеют более низкие показатели по факторам самоуважения и аутосимпатии. Показатели

самоповреждений коррелируют со шкалами конфликтности и самообвинения. При высоких значениях этих шкал, указывающих на внутреннюю конфликтность, самонеприятие и эмоциональное самоотвержение, риск актов самоповреждения повышается.

Проведенное исследование было направлено на изучение психологических факторов самоповреждающего поведения в подростковом и юношеском возрасте. Было выявлено, что показатели самоотношения взаимосвязаны с самоповреждением, фактами де-

виантной социализации и психологической травматизации. Самоповреждение отражает личностное неблагополучие, связанное с ценностью, значимостью и сбалансированностью собственной личности. Повышение уровня внутренней конфликтности, снижение самооценки и усиление самообвинений можно расценивать как фактор риска СП. В качестве второго фактора риска можно рассматривать особенности копинг-реагирования. Неблагоприятным с точки зрения прогнозирования самоповреждающего поведения является реализация неадаптивных копинг-стратегий. Нарушения эмоциональной регуляции, эмоциональная реактивность вызывают неадаптивные приемы совладания со стрессовой ситуацией. А ориентация на агрессию (в том числе и аутоагрессию), избегание проблем или релаксацию инициируют использование радикальных приемов совладания, в том числе, самоповреждение. В качестве определяющего социального фактора СП можно назвать семейное неблагополучие (развод, физические наказания, ссоры с родителями, тюремное заключение, алкоголизация членов семьи).

Особенности реализации паттерна самоповреждения в каждой исследуемой группе позволяет говорить о типологических особенностях СП. И хотя результаты данного исследования являются промежуточными и требующими как подтверждения на большей исследовательской выборке, так и проведение дополнительных статистических процедур, мы можем говорить о трех типах самоповреждающего поведения: девиантном, просоциальном и личностно-дисфункциональном.

Девиантный тип самоповреждения (представленный в группе осужденных подростков) определяется нами как демонстративно-шантажный. Эти самоповреждения совершаются с целью привлечения к себе внимания и достижения целей. Этот тип самоповреждений социально отягощен: неблагоприятными семейными обстоятельствами, насилием, причем и в роли жертвы, и в роли агрессора, употреблением психоактивных веществ. В психологическом отношении личность при данном типе характеризуются не-

зрелостью, реактивностью, неустойчивым и противоречивым самоотношением, что выражается в стремлении к социальному признанию и одобрению, сочетающимся с нетребовательностью, пренебрежением и неуважением к себе. Копинги незрелые, преимущественно неадаптивные, с установкой на агрессию в ситуации стресса.

Просоциальный тип самоповреждения (представленный в группе подростков и молодых людей с модификациями тела) определяется нами как социально санкционированный. Ведущим мотивом в данном случае является стремление к совершенствованию и самовыражению, доходящим в отдельных случаях до крайних форм перфекционизма. Личность – сбалансированная, хорошо социализированная, однако проблемной зоной является самооценка, нарушения эмоциональной регуляции и чрезмерная фиксация на собственных личностных качествах. Самоповреждения как таковые совершаются импульсивно, под воздействием сильных негативных эмоций, с целью эмоциональной стабилизации. В поведенческом плане наиболее уязвимым оказывается эмоциональный уровень копинг-поведения. Неблагоприятные социальные обстоятельства в данном случае преодолеваются не в усугублении девиантности, а в намеренном нонконформизме, который, по своей сути, представляет собой просоциальную поведенческую стратегию. Другими словами, модификации тела выступают и как социально санкционированные практики самоповреждения, и как практики самовыражения и самосовершенствования.

Личностно-дисфункциональный тип самоповреждения (группа подростков и молодых людей с клинически зафиксированными фактами самоповреждения) мы определяем как клинический. Он включает истинные самоповреждения, т.е. совершаемые тайно, самостоятельно и имеющие привычный характер. В самоотношении определяющим оказывается фактор самоуничижения, представленный высокими показателями по шкалам конфликтности и самообвинения. Самоповреждения нередко не ограничиваются одним способом, а являются множественными (выдергивание волос, расчесывание кожи,

самопорезы и т.п.), иногда сменяющимися друг друга. Этот тип может быть вписан в структуру основного психического расстройства, но может быть привычным поведенческим приемом психически здоровой личности. Копинг-стратегии характеризуются неадаптивностью преимущественно на эмоциональном и поведенческом уровнях, а копинг-установки связаны с избеганием проблем и релаксацией. Неблагоприятные социальные обстоятельства в данном случае не являются определяющими, а лишь усугубляющими ситуацию в целом. Личностно-дисфункциональные самоповреждения наиболее неблагоприятны, они импульсивны или же тщательно подготовлены, часто скрываются от окружающих и являются ответом на внутриличностные переживания. Данные самоповреждения нельзя определить как совладающие или саморазрушающие. Они сочетают в себе амбивалентные установки, что представляет угрозу стабильности границ личности. Границы сохраняются через повреждение тела. Однако амбивалентность, затрагивающая в наибольшей степени эмоциональную сторону личности и проявляющаяся, с одной стороны, в чрезмерной эмоциональной неустойчивости, а с другой стороны, в эмоциональной ригидности, приводит к необхо-

димости возобновлять паттерн самоповреждения для поддержания внутреннего равновесия.

Вышесказанное позволяет нам заключить, что самоповреждения можно расценивать как «сигнал» социального неблагополучия, как нарушения внутриличностного баланса с чрезмерной эмоциональной фиксацией и/или реактивностью или как способ социальной идентификации. Широкий круг мотивов – от аутоагрессивных до манипулятивных – поддерживают СП. Понимание характера, психологических и социальных причин самоповреждения позволяет определить соответствующие приемы психотерапевтической, психологической, педагогической работы и профилактические мероприятия.

Примечания

¹ См.: *Польская Н.А.* Предикторы и механизмы самоповреждающего поведения (по материалам исследований) / Н.А. Польская // Психол. журн. 2009. Т.30, №1. С.96–105.

² См.: *Змановская Е.В.* Девиантология: Психология отклоняющегося поведения / Е.В. Змановская. 3-е изд., испр. и доп. М., 2006. С.263.

³ *Patterson J.M.* A-COPE. Adolescent Coping Orientation for Problem Experiences / J.M. Patterson, H.I. McCubbin // H.I. McCubbin, A. Tompson. Family Assessment Inventories. Madison, 1981. P.226–241.

⁴ *Пантिलеев С.Р.* Методика исследования самооотношения / С.Р. Пантिलеев. М., 1993.

УДК 316.647.5:004

МАТЕМАТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ КАК ДИАГНОСТИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ ДЛЯ ОПРЕДЕЛЕНИЯ УРОВНЯ СФОРМИРОВАННОСТИ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ

Т.Ю. Фадеева

Педагогический институт
Саратовского государственного университета
E-mail: fadej_TU@rambler.ru

В статье уточняется содержание понятия «педагогическая толерантность», выделяются его психологические составляющие. Поэтапно описывается и теоретически обосновывается создание математической модели, с помощью которой можно определять уровень педагогической толерантности в процессе ее формирования, установить соответствие между реальными и необходимыми проявлениями толерантного поведения в педагогической практике.

Ключевые слова: педагогическая толерантность, модель, психологические составляющие, формирование, диагностика.

Mathematical Model as a Diagnostic Tool for Determination of the Formation Level of Pedagogical Tolerance

T.J. Fadeeva

In her article the author specifies the term «pedagogical tolerance» and determines its psychological components. Mathematical model's creation is described and theoretically justified stepwise. It helps to determine the level of pedagogical tolerance during its formation process, to set up a correspondence between real and necessary demonstrations of tolerant behavior in pedagogical practice.

Key words: pedagogical tolerance, model, psychological components, formation, diagnostics.

В современном обществе остро стоит проблема формирования толерантности у педагогических кадров, так как только профессионал, обладающий соответствующим качеством, может сформировать его у подрастающего поколения. Под *педагогической толерантностью* мы понимаем интегративную характеристику личности, основой которой является система ценностных отношений, проявляющихся в виде внутренней установки на терпимые отношения к человеку вообще и всем участникам образовательного процесса, что предполагает оптимальный уровень развития всех ее психических составляющих и их проявление в профессиональной деятельности.

На основе анализа исследований ученых, занимающихся проблемой толерантности личности (Г. Оллпорт, Г.А. Асмолова, Г.У. Солдатова, В.А. Тишков, Е.Г. Луковицкая, Е. В. Селезнева, В.В. Бойко, Л. Г. Дикая, В.В. Семикина, Л.М. Митина и др.) нами были обобщены психические составляющие педагогической толерантности, которые в совокупности являются отличительными признаками толерантного человека и проявляются в профессиональной деятельности педагога через его толерантное поведение: альтруизм, сформированная ценностно-мотивационная сфера (удовлетворенность осуществлением смысла жизни), толерантность к неопределенности, фрустрационная толерантность, адекватные образ Я и самооценка, рефлексия, внутренний локус контроля, коммуникативная толерантность, эмпатия, конфликтоустойчивость, нервно-психическая устойчивость, креативность. Для того чтобы определить уровень сформированности педагогической толерантности в целом, нами предпринята попытка создания ее математической модели, основу которой составили психические составляющие. В качестве гипотезы, которая была положена в основу процесса моделирования, нами рассматривалось предположение, основанное на идее целостности, единства, системности компонентов педагогической толерантности.

Базой исследования явился факультет педагогики, психологии и начального образования Педагогического института Саратовского государственного университета, всего

в исследовании участвовало 122 студента. Для диагностирования каждого из компонентов были выбраны следующие психологические методики: диагностика личностной установки «альтруизм – эгоизм»; методика общей коммуникативной толерантности (В.В. Бойко); методика определения уровня конфликтоустойчивости; опросник определения склонности к фрустрации; диагностика эмпатических способностей (В.В. Бойко); диагностика определения рефлексии (А.В. Карпов, В.В. Пономарева); методика определения толерантности к неопределенности (С. Баднер); методика изучения самооценки и уровня притязаний (Дембо – Рубинштейн); методика «Индекс жизненной удовлетворенности»; опросник определения нервно-психической устойчивости (ЛВМА им. С.М. Кирова); методика диагностики уровня субъективного контроля Дж. Роттера (адаптация Е.Ф. Бажина, С.А. Голынкиной, А.М. Эткинда), методика изучения социальной креативности личности и методика диагностики вербальной креативности (С. Медника, адаптирована А.Н. Ворониным, 1994).

Для математических вычислений введены необходимые сокращения (таблица). Также в ней приведены минимальные и максимальные числовые значения, используемые в диагностических методиках, и их «направление». Под последним мы понимаем зависимость между максимальным значением переменной и ее влиянием на уровень сформированности педагогической толерантности. Если высокое значение переменной благоприятно влияет на формирование толерантности, то направление «положительно», если мешает ее становлению – то «отрицательно».

При создании модели нами было учтено, что только адекватная самооценка может служить условием толерантного поведения, поэтому в исходные данные построения модели был добавлен еще один компонент «адекватность самооценки», который был найден по формуле: $SAMOAD = 85 - |SAMO - 85|$. Он может достигать максимального значения при $SAMO = 85$, так как выше 85 самооценка считается «завышенной» и отрицательно сказывается на процессе формирования педагогической толерантности.

Исходные данные и условные сокращения, которые используются в вычислениях

Признак личности	Переменная	Значения		«Направление»
		минимальное	максимальное	
Альтруизм	ALTR	0	15	1
Удовлетворенность осуществлением смысла жизни	UDSM	0	40	1
Толерантность к неопределенности	TOLNEO	0	112	-1
Фрустрация	FRUST	0	12	-1
Самооценка	SAMO	0	100	1
Рефлексия	REFLX	0	180	1
Внутенний локус контроля	VNLCO	-132	132	1
Коммуникативная толерантность	TOLCOM	0	135	-1
Эмпатия	EMPAT	0	36	1
Конфликтоустойчивость	CNFUST	0	50	1
Нервно-психическая устойчивость	NPSUST	0	69	-1
Креативность	CREA	18	162	1
Вербальная креативность	CREAV	0	1	1
Адекватность самооценки	SAMOAD	0	85	1

Заметим, что для диагностирования креативности, в отличие от предыдущих компонентов, чтобы расширить поле исследования, нами были выбраны две методики: изучения вербальной и социальной креативности. Поэтому исходные данные построения модели меры толерантности включают 13 признаков личности, а адекватность самооценки (SAMOAD) является 14-й.

Перейдем к описанию процесса построения модели.

Этап 1: *линейное нормирование значений исходных переменных*, когда каждая переменная нормирована с помощью линейной функции.

Этап 2: *«исправление» направлений переменных*. Для удобства последующего контроля за знаками коэффициентов 4 «отрицательно направленные» переменные (TOLNEO, FRUST, TOLCOM, NPSUST) были преобразованы, при этом к именам преобразованных переменных добавилось окончание «i». После преобразования большие значения всех переменных стали коррелировать с высоким уровнем сформированности педагогической толерантности.

Этап 3: *проверка нормальности распределения данных*. Учитывая, что нормальность распределения переменных обеспечивает максимальную информативность корреляций, была произведена ее проверка (пакет Stata) с помощью теста Шапиро–Уилка и

теста, основанного на асимметрии/эксцессе (Д’Агостино, Балангер, Д’Агостино мл. с поправкой Ройстона).

Результаты тестов для каждой переменной были представлены в форме так называемого р-значения, где малое свидетельствовало об отклонении от нормальности. Так, для переменной ALTR в соответствии с тестом Шапиро–Уилка нормальность не отвергается, а в соответствии с тестом асимметрии/эксцесса отвергается.

Поскольку каждый вид теста трактует отклонение от нормальности по-своему, мы объединили результаты тестов, выбирая максимальное р-значение, и установили, что для шести переменных (UDSM, SAMO, REFLX, TOLCOM_i, NPSUST_i, SAMOAD) распределения отклоняются от нормального.

Этап 4: *преобразование переменных, у которых распределение отклоняется от нормального*. С целью обеспечения наиболее надежных результатов были преобразованы значения отмеченных выше шести переменных так, чтобы их распределения стали ближе к нормальным. Для этого была использована степенная функция с показателями степени, определенными с помощью метода максимального правдоподобия. Обратим внимание, что имена преобразованных переменных теперь стали оканчиваться на «п».

Для проверки нормальности преобразованных переменных были проведены для них

те же тесты. Объединенные, как и ранее, результаты тестов показали, что только переменная SAMOAD_n после преобразования имеет не нормальное распределение, но, учитывая ее метод построения и единственность, мы решили это игнорировать.

Этап 5: *проверка многомерной нормальности распределений*. Помимо проверки нормальности отдельных переменных также была оценена нормальность их совместного распределения. Для этого было проверено, насколько близко значения расстояния Махаланобиса следуют распределению хикватрат с числом степеней свободы 14 (число переменных). Было установлено идеальное соответствие, которое выражается расположением точек на прямой, где все наблюдения кроме двух следуют многомерному нормальному распределению.

Этап 6: *нормировка переменных для обеспечения максимальной внутренней размерности*. Для дальнейшей проверки однородности данных и построения функции толерантности существенное значение имеет подходящая нормировка переменных, приводящая их к «одному масштабу». Наиболее распространенным методом является деление каждой переменной на ее стандартное отклонение, что обеспечивает всем переменным стандартные отклонения, равные единице. Эксперименты показывают, что в нашем случае более подходит нормировка, основанная на размерности собственных значений ковариационной матрицы. Данная процедура состоит в следующем: масштаб первой переменной не изменяется, а переменные 2, 3, ..., 14 умножаются на неопределенные коэффициенты. После этого для всех 14-ти переменных вычисляется ковариационная матрица и определяются собственные значения последней $\lambda_1, \lambda_2, \dots, \lambda_{14}$. Теоретически полученные результаты положительны. Они нормируются делением на их сумму, и вычисляется экспонента энтропии Шеннона. Полученная величина может быть использована как мера внутренней размерности совокупности переменных, поскольку достигает максимального значения 14 при всех одинаковых λ_i .

Далее решается задача максимизации d путем подбора неопределенных множителей переменных 2, 3, ..., 14. В результате нами

были найдены нормирующие коэффициенты переменных, обеспечивающие максимальную размерность $d^* = 10.44693$. Их стандартные отклонения близки, но не совпадают.

Этап 7: *проверка однородности данных (кластерный анализ)*. Кластерный анализ (пакет Statistica) осуществлялся с применением евклидова расстояния между наблюдениями и так называемой «полной связи» (complete linkage), т.е. расстояние между двумя группами наблюдений определяется как максимум расстояния между отдельными элементами. В целом нами было выявлено отсутствие существенной неоднородности наблюдений, так как явных групп не выделилось.

Этап 8: *построение функции толерантности*. Для построения функции (меры) толерантности был применен анализ главных компонент. Для обеспечения надежности оценок был проведен отбор переменных на основе их статистической значимости. Стандартные ошибки коэффициентов были оценены с помощью метода «складного ножа».

Построение функции толерантности состояло из нескольких этапов. Первоначальное множество включало все 14 переменных (умноженных на нормализующие коэффициенты (см. этап 6)). Были вычислены коэффициенты первой главной компоненты, оценены их стандартные ошибки и соответствующие значения t .

Все полученные коэффициенты положительны, кроме коэффициента при CREA_V ($t = -0.06$). Эта переменная была исключена. Далее аналогичным образом были исключены: CREA ($t = 0.62$), TOLNEO_i ($t = 0.73$), EMPAT ($t = 1.49$).

Среднее значение результирующей функции толерантности (TOLER) равно 0, стандартное отклонение равно 1. Отметим, что эта функция дает «сырые» значения. Для удобства интерпретации нами были вычислены округленные значения до целых баллов в интервале от 0 до 100. При этом значение TOLER = 0 соответствует TOLERP = 50. В данном случае надо считать, что личность характеризуется в равной степени толерантным и интолерантным поведением и отношением к окружающей действительности, к другим и себе как в межличностном, так и в профессиональном взаимодействии. Значе-

ние TOLERP больше 50 указывает на склонность к толерантному поведению, меньше 50 – к интолерантному.

Таким образом, мы получили математическую модель (функцию), в которую вошли такие составляющие педагогической толерантности как альтруизм, удовлетворенность осуществлением смысла жизни, фрустрационная толерантность, адекватная самооценка, рефлексия, внутренний локус контроля, коммуникативная толерантность, конфликтостойчивость, нервно-психическая устойчивость. Такие же компоненты как социальная креативность, вербальная креативность, толерантность к неопределенности и эмпатия

не вошли в результирующую функцию толерантности. Можно заключить, что если рассматривать педагогическую толерантность как интегративную характеристику личности, составляющие которой выступают как единая развивающаяся система, то при комплексной диагностике такие компоненты как креативность, вербальная креативность, толерантность к неопределенности и эмпатия не будут значимы.

С помощью данной модели, по нашему мнению, можно определять уровень сформированности педагогической толерантности у студентов педагогического вуза в процессе их обучения.

ПЕДАГОГИКА

УДК 37.032

ДИАГНОСТИКА СФОРМИРОВАННОСТИ ЛИНГВОСТРАНОВЕДЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ СТУДЕНТОВ НЕЯЗЫКОВОГО ВУЗА

Д.А. Голованова

Московский государственный университет печати
E-mail: nedogreeva@yandex.ru

В статье рассмотрены возможности использования современных информационных технологий в гуманитарном познании и образовании. Представлены результаты их влияния на уровень сформированности лингвострановедческой культуры студентов неязыкового вуза.

Ключевые слова: гуманитарное образование, лингвострановедческая культура, информационные технологии, уровень сформированности.

Non-Linguistic Institution Students Language and Culture Study Formation Diagnostics

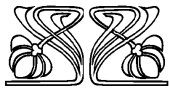
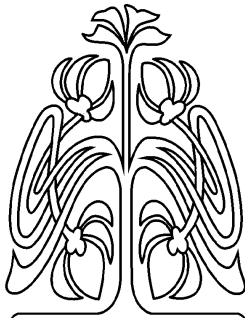
D.A. Golovanova

The article deals with the contemporary information technologies usage potential in humanitarian cognition and education. The results of their influence on the non-linguistic institution students language and culture study formation level.

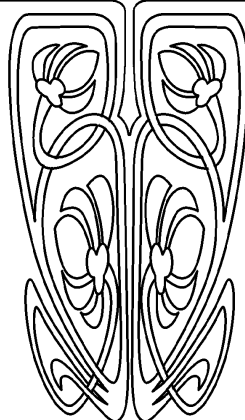
Key words: humanitarian education, language and culture study, information technologies, formation level.

Современные информационные технологии (ИТ) существенно изменили и расширили характер и методику подачи учебной информации, благодаря компьютерным возможностям учебный процесс насыщается звуковыми и цветовыми ощущениями, что придает «новые импульсы развитию мозга»¹. ИТ позволяют работать с разными текстами, выбирать и компоновать необходимые и наиболее оптимальные учебные материалы, реализовывать индивидуализацию и интеграцию процесса обучения. Создается реальная перспектива проявления адаптивных функций ИТ, проявляющихся, в частности, в усложнении заданий при успешном решении нескольких типичных, в упрощении их в случае наличия ошибок, в переводе заданий на уровень творческих и пр.

Использование в гуманитарном познании и образовании нетрадиционных подходов, связанных с внедрением современных ИТ, требует соблюдения нескольких условий: во-первых, необходимо сохранить природу и специфику гуманитарного познания, которая связана с его фундаментальной ориентацией не на конкретное предметное содержание, а на смысл, на его понимание и истолкование в рамках определенного культурно-исторического контекста; во-вторых, должны открываться новые, нетривиальные возможности эффективного и продуктивного решения образовательных задач.

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Главной точкой опоры для организации познавательной деятельности в сфере гуманитарного образования является «текст», поэтому и внедрение ИТ в гуманитарную область должно быть ориентировано: а) на создание и использование полнотекстовых баз данных (а не только вспомогательных библиографических и справочных); б) на такую работу с текстом, при которой информационные технологии способствуют актуализации именно культурогенного потенциала текста, т.е. фактически решают задачи интеллектуальной обработки информации².

Преимущество внедрения ИТ в процесс обучения иностранному языку в настоящий момент уже не вызывает сомнений и не требует дополнительных доказательств. Значительный вклад в использование информационных технологий в гуманитарном образовании и, в частности, Интернет в изучении иностранного языка внесли М.Ю. Бухаркина, М.В. Кремлева, М.В. Моисеева, А.Е. Петров, Е.С. Полат, П.В. Сысоев и др.

Для обучения иностранным языкам применение ИТ имеет особое значение, поскольку не только позволяет индивидуализировать процесс изучения языка и органично объединить различные формы работы студентов – аудиторную, самостоятельную, дистанционную, но и предоставляет огромные возможности для использования изучаемого языка в учебной и реальной коммуникации. Современные ИТ предоставляют целый комплекс средств для обучения иностранным языкам: мультимедийные обучающие программы и словари, прикладные и специализированные лингвистические программы, огромное разнообразие ресурсов Интернета – учебные и аутентичные материалы на иностранных языках (электронные версии зарубежных газет и журналов, публикации по специальности и т.п.), а также большой лингвострановедческий материал, связанный с историческими и географическими особенностями развития страны изучаемого языка, корпоративные и образовательные веб-сайты, аудио- и видеоресурсы.

За последнее десятилетие было написано немало работ (Л.В. Кудрявцева³, Е.С. Полат⁴, П.В. Сысоев⁵ и др.), в которых исследо-

ватели раскрывали позитивное влияние различных форм синхронной и асинхронной интернет-коммуникации – электронной почты, чата, форумов, веб-конференций и т.п. – на формирование иноязычной коммуникативной компетенции обучающихся. Непосредственно ресурсы сети Интернет являются бесценной и необъятной базой для создания информационно-предметной среды, образования и самообразования людей, удовлетворения их профессиональных, личных интересов и потребностей. Особой ценностью для изучения иностранных языков обладают средства электронной коммуникации: виртуальные среды обучения и участие в телекоммуникационных проектах позволяют использовать изучаемый язык для реального общения в процессе совместной творческой работы с зарубежными студентами. Благодаря возможностям мультимедийных и сетевых технологий и активной разработке методик использования ИТ в различных формах обучения (очной, дистанционной и комбинированной) системная интеграция современных технологий в процесс обучения языку стала реальностью.

Интенсификация использования ИТ в преподавании иностранных языков зависит от ряда факторов, среди которых наиболее значимые: подготовка кадров; совершенствование методик применения таких технологий в учебном процессе в различных формах обучения; эффективное использование имеющихся компьютерных классов и программных ресурсов; наличие электронных учебных материалов по иностранным языкам, ориентированных на специфику профессиональной подготовки; возможность доступа к сети Интернет на занятиях и во внеучебное время для самостоятельной работы.

Нами исследовалось влияние современных ИТ на формирование лингвострановедческой культуры (ЛК) студентов неязыкового вуза. В ходе экспериментальной работы были сформированы две группы студентов – экспериментальная и контрольная. В основу изучения эффективности внедрения современных ИТ был положен метод тестирования студентов с последующим анализом полученной информации. Ответы на предложен-

ную в тесте систему вопросов оценивались в баллах, что позволило выделить три уровня сформированности ЛК студентов⁶ соответственно числу набранных баллов: *низкий* (репродуктивный), *средний* (продуктивный), *высший* (творческий).

Низкий (репродуктивный), или исходный уровень сформированности ЛК, при котором основной формой лингвострановедческой культуры является репродуктивное воспроизведение изучаемой языковой информации, определяется знанием основ грамматики и умением использовать знакомую лексику для составления речевого высказывания; умением общаться на иностранном языке в основных коммуникативных ситуациях, воспринимая язык только через призму своей культуры. При этом проявляется незнание социокультурной специфики изучаемого языка, неспособность вычленять ее при общении, отсутствие мотивации к знакомству с иноязычной культурой. Отчетливо присутствует наличие культурных барьеров, препятствующих эффективному общению с представителями иноязычных культур.

Средний (продуктивный) уровень характеризуется осознанием того, что за языковыми единицами скрывается культурный смысл, вкладываемый в них носителями языка. Среди критериев данного уровня можно выделить: владение элементарным запасом фоновых знаний; способность вычленять социокультурные аспекты, как в текстах, так и в процессе коммуникации; владение коммуникативной компетенцией, стереотипным фондом языка, нормами речевого этикетного поведения; осознание культурных различий (но не во всех ситуациях); теоретическое знакомство с языковой культурной спецификой; наличие положительной мотивации к изучению других культур.

Высокий (творческий) уровень сформированности ЛК отличается свободным профессиональным владением иностранным языком в любых коммуникативных ситуациях, обеспечивает студентам эффективное общение с представителями иноязычных культур, учитывая значимые социокультурные особенности речевого поведения участников коммуникативного акта.

Основными критериями этого уровня являются: достаточно хорошо сформированные лексико-грамматические навыки; большой запас фоновых знаний; сформированная коммуникативная компетенция; высокий уровень интегративной мотивации изучения языка и познания иноязычной культуры; аналитические способности для исследования культур и языка; знание теоретических основ межкультурной коммуникации и умения их практического применения; проявление толерантности по отношению к носителям иноязычных культур; творческое использование знаний в любых ситуациях общения, с представителями других культур.

Анализ уровней сформированности лингвострановедческой культуры на констатирующем этапе педагогического эксперимента показал, что в обеих группах более 50% студентов находятся на низком уровне, хотя наличие у них достаточно хорошо сформированных языковых навыков создает предпосылку положительного решения поставленной педагогической проблемы. С высокой степенью достоверности можно утверждать, что в основном ответы студентов контрольной и экспериментальной групп не имеют статистически значимого различия. В то же время отдельные из 16-ти поставленных при тестировании вопросов оказались значительно отличающимися по сложности, а следовательно, и по числу набранных баллов.

Это подтверждают исследования ответов на вопросы с помощью вычисления степени их ранговой корреляции⁷. Коэффициент ранговой корреляции Спирмена принимал значения от 0,85, что соответствовало практически полной равнозначности в сложности до 0,3, при котором можно считать, что вопросы для студентов выбранных групп по сложности оказывались принципиально разными.

Одним из перспективных путей решения проблемы повышения эффективности формирования лингвострановедческой культуры студентов является хорошо проявившая себя методика нацеленного подбора учебного материала, а также создание пакета сопровождающих его методических разработок, в основу которых положены компьютерные

дидактические материалы, затрагивающие не только чисто языковые аспекты лингвострановедческой культуры, но и лингвострановедческой направленности (история, география, религия, быт и др.).

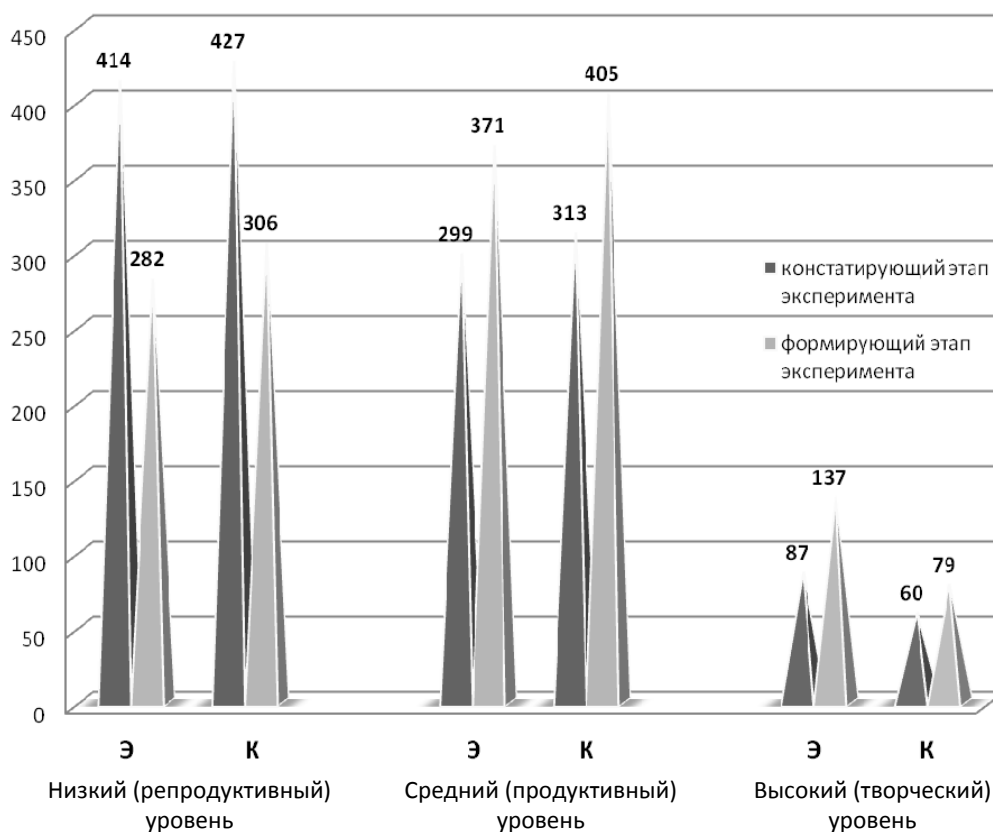
Можно с уверенностью утверждать, что внедрение в учебный процесс современных информационных технологий, усиливающих дополнительно и межпредметные связи, и формы сообщения студентам учебной информации, не только дает импульс к дальнейшему повышению уровня их языковой подготовки, овладению грамматическим и лексическим материалом, но и усиливает мотивацию к овладению лингвострановедческой культурой, что способствует приобретению необходимых компетенций.

После внедрения в экспериментальной группе разработанной модели формирования лингвострановедческой культуры, включающей в операциональный компонент средства современных информационных технологий, были получены результаты, позволя-

ющие заключить, что эффективность предлагаемых методик велика. Этот вывод подтверждают количественные характеристики степени овладения студентами ЛК в экспериментальной и контрольной группах на констатирующем и формирующем этапах эксперимента (таблица, рисунок).

Параметры овладения студентами лингвострановедческой культурой в ходе опытно-экспериментальной работы

Группа	Количественный показатель распределения студентов по уровням сформированности ЛК (в %)		
	Низкий (репродуктивный)	Средний (продуктивный)	Высокий (творческий)
Констатирующий этап эксперимента			
Экспериментальная	51,75	37,37	10,88
Контрольная	54	38,4	7,6
Формирующий этап эксперимента			
Экспериментальная	35,7	47	17,3
Контрольная	38,7	51,3	10

Динамика сформированности лингвострановедческой культуры студентов в экспериментальной и контрольной группах

Нетрудно заметить, что в экспериментальной группе количество студентов с низким (репродуктивным) уровнем сформированности ЛК уменьшилось на 16,05%, в то время как в контрольной – лишь на 15,5%. Значительно большая часть студентов экспериментальной группы перешла на высокий (творческий) уровень: увеличение составило 6,42%, против 2,4% в контрольной группе. В обеих группах произошло увеличение числа студентов, соответствующих среднему (продуктивному) уровню сформированности лингвострановедческой культуры, однако в экспериментальной группе их почти на 3% больше.

Немаловажно, что рост качественных показателей учебного процесса сопровождался одновременно улучшением мотивационного показателя в экспериментальной студенческой группе. Представляется, что повышение мотивации учения можно рассматривать как определенную гарантию дальнейшего повышения результативности процесса обучения студентов неязыковых вузов иностранному языку.

Примечания

- ¹ См.: Смолян Г.Л. Феномен персональной ЭВМ: философско-методологический аспект / Г.Л. Смолян, К.Б. Шошников // Вопр. филос. 1986. №6. С.42–55.
- ² См.: Куковякин А.В. Полнотекстовые базы данных и интеллектуальные системы информационного поиска в новых технологиях гуманитарного образования / А.В. Куковякин, С.Х. Ляпин, О.П. Скидан // Образование в контексте социальных инноваций: интеркультурный диалог северных стран: Сб. материалов междунар. науч. конф. / Отв. ред. И.Р. Луговская. Архангельск, 1999.
- ³ См.: Кудрявцева Л.В. Использование телекоммуникационных проектов для формирования иноязычной социокультурной компетенции у учащихся старших классов (на примере США и России) / Л.В. Кудрявцева // Иностр. языки в школе. 2007. №4. С.49–53.
- ⁴ См.: Интернет в гуманитарном образовании: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / Под ред. Е.С. Полат. М., 2001.
- ⁵ См.: Сысоев П.В. Внедрение новых учебных Интернет-материалов в обучение иностранному языку (на материале английского языка и страноведения США) [Электронный ресурс] / П.В. Сысоев, М.Н. Евстигнеев // Интернет-журнал «Эйдос». 2008. URL: <http://www.eidos.ru/journal/2008/0201-8.htm>. 27.09.2009.
- ⁶ См.: Голованова Д.А. Показатели и уровни сформированности ЛК студентов неязыкового вуза / Д.А. Голованова // Вестн. Поморск. ун-та. Сер.: Гуманитарные и социальные науки. 2008. Спецвыпуск. С.93–96.
- ⁷ См.: Закс Л. Статистическое оценивание / Л. Закс; пер. с нем. М., 1976.

УДК 378.147:51

ПРОФЕССИОНАЛЬНО–МЕТОДИЧЕСКАЯ ПОДГОТОВКА БУДУЩИХ УЧИТЕЛЕЙ МАТЕМАТИКИ И ИНФОРМАТИКИ В КЛАССИЧЕСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ: ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ

И.К. Кондаурова

Саратовский государственный университет
E-mail: kaf-mimp@yandex.ru

В статье рассматриваются характерные особенности профессионально-методической подготовки будущих учителей математики и информатики в образовательном процессе классического университета.

Ключевые слова: профессионально-методическая подготовка, учитель, классический университет.

Professional-Methodical Preparation of the Future Mathematics Teachers in Classical University: Tradition and Innovation

I.K. Kondaurova

In the article prominent features of is professional-methodical preparation of the future mathematics teachers in educational process of classical university are considered.

Key words: professional-methodical preparation, teacher, classical university.

Подготовка педагогических кадров в России традиционно являлась одной из основных задач классических университетов. В различные периоды развития российского общества университеты уделяли пристальное внимание качеству профессиональной подготовки студенчества, которое пополняло педагогические коллективы школ. В современном классическом университете наиболее полно и эффективно сочетаются фундаментальность научного, профессионального образования и научно-исследовательская деятельность. Исследование, обучение и культура

выступают как грани единого целого и составляют триединую, функциональную задачу обучения в университете. Указанные особенности в максимальной степени способствуют качественной подготовке будущих учителей.

В настоящее время единственным высшим учебным заведением в Саратовской области, осуществляющим подготовку учителей математики и информатики для общеобразовательных учреждений, является Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского. Механико-математический факультет готовит педагогические кадры по специальности «Математика с дополнительной специальностью информатика». Присваиваемая квалификация – учитель математики и информатики. Подготовка специалистов ведется на основе директивных документов¹, устанавливающих возможность и регламентирующих порядок получения студентами университета соответствующей квалификации, в соответствии с которыми проектируется система их профессионально-методической подготовки.

Выпускник, получивший квалификацию учителя математики и информатики, должен быть готовым осуществлять обучение и воспитание с учетом специфики преподаваемого предмета; способствовать социализации, формированию общей культуры личности, осознанному выбору и последующему освоению профессиональных образовательных программ; использовать разнообразные приемы, методы и средства обучения; обеспечивать уровень подготовки обучающихся, соответствующий требованиям Государственного образовательного стандарта. В целом будущий учитель математики и информатики должен быть подготовлен к выполнению основных видов профессиональной деятельности (учебно-воспитательной, социально-педагогической, культурно-просветительской, научно-методической, организационно-управленческой), решению типовых профессиональных задач в учреждениях среднего общего (полного) образования.

По мнению А.К. Марковой, профессиональная подготовленность является одной из составляющих пригодности к профессии на-

ряду с природными свойствами человека и его мотивацией к этой деятельности.

Основная образовательная программа подготовки будущих учителей математики и информатики, разрабатываемая на основе Государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования, конкретизируется в учебном плане. Он регламентирует содержание профессионального образования на федеральном уровне, определяя предметную структуру образовательной области профессиональной образовательной программы. Государственный образовательный стандарт вузовского образования предлагает концептуальную модель базисных учебных планов с достаточно гибкими механизмами реализации федерального, регионального и национального компонентов. Программа обучения состоит из инвариантного ядра и вариативной части, которая представлена курсами по выбору студента. Основная образовательная программа предусматривает изучение следующих циклов дисциплин: общих гуманитарных и социально-экономических, общих математических и естественно-научных, общепрофессиональных, дисциплин предметной подготовки, дополнительной специальности и факультативов.

Системообразующим компонентом профессиональной подготовки будущего учителя математики и информатики является его профессионально-методическая подготовка. В ее структуре выделяются цели, содержание, принципы, методы, средства, формы организации учебной деятельности студентов, мониторинг качества подготовки. Функциональный состав системы: гностический, проектировочный, конструктивный, организаторский, коммуникативный (Н.В. Кузьмина), интегрирующий, исследовательский (В.И. Ваганова) компоненты. При построении системы необходимо учитывать факторы и условия, способствующие ее эффективному функционированию. Механизмы реализации системы связаны с использованием технологий, наиболее целесообразных в условиях классического университетского образования. Основная цель профессионально-методической подготовки – формирование на ее основе компетентности будущего учителя.

Системообразующий характер профессионально-методической подготовки делает необходимым изучение предметно-методических дисциплин на протяжении всего срока обучения в вузе. Кафедрой математики и методики ее преподавания разработана и успешно реализуется инновационная схема изучения студентами вышеназванных дисциплин². Для каждой из них составлена рабочая программа, основой которой служат дидактические единицы Государственного образовательного стандарта³. Авторы программ отразили в них свою концепцию научной дисциплины, видение ее теоретических основ и практических приложений. Каждая включает в себя пояснительную записку, тематический план, содержание, список источников и соответствующий методический аппарат – вопросы для контроля знаний, темы рефератов, индивидуальных и самостоятельных работ, примерную тематику курсовых работ. Практически все программы опубликованы и активно используются в учебной работе со студентами.

Центральное место в профессионально-методической подготовке учителя занимает курс теории и методики обучения математике и информатике, который интегрирует психолого-педагогические, предметные и методические знания, формирует необходимые будущему специалисту профессиональные умения⁴.

Этот курс базируется на элементарной математике и информатике; их интеграция позволяет обеспечить целостность и непрерывность формирования профессионально-методической компетентности будущих учителей.

Для изучения дисциплин «Введение в математику», «Элементарная математика», «Основные линии школьного курса математики и их реализация в действующих учебниках» в образовательном процессе активно используется учебное пособие «Элементарная математика»⁵. Оно разработано на основе многолетнего практического опыта авторов и позволяет: обеспечить овладение понятийно-терминологическим аппаратом курса и конкретными предметными знаниями, необходимыми для применения в практической деятельности учителя; дать научное обоснование теоретическим вопросам элементарной

математики, которые в школьном курсе не могут быть изложены с надлежащей математической строгостью, расширить теоретическую базу курса школьного курса, изучая избранные вопросы и темы, недостаточно представленные в специальных вузовских математических дисциплинах; обосновать и систематизировать основные методы решения задач, широко используемые в школьном курсе, способствовать формированию практических умений в решении стандартных и нестандартных математических задач; формировать у будущих учителей первичные методические навыки и умения по обучению школьников решению задач.

Одно из ведущих мест в системе профессионально-методической подготовки будущих учителей занимает дисциплина «Методика и технология профильного обучения математике». Ее преподавание в современных условиях позволяет рассмотреть вопросы курса математики, составляющие специфику содержания дисциплины в классах различных профилей, методику и технологию их преподавания. Основная задача дисциплины – формирование практических умений и навыков: 1) проектирования уроков и занятий элективных курсов; 2) организации и проведения учебно-исследовательской работы по математике с учащимися различных профилей. Особое внимание уделяется изучению и анализу опубликованных элективных курсов образовательной области «Математика», выявлению их достоинств и недостатков. Будущие учителя овладевают навыками разработки программ элективных курсов для предпрофильной и профильной подготовки, знакомятся с новыми подходами к аттестации выпускников основной и старшей профильной школы.

В реальной педагогической практике учителю часто приходится работать с «нестандартными» детьми в условиях обычной школы. Центральным звеном к обучению таких детей служит дисциплина «Методика обучения математике детей с особыми образовательными потребностями»⁶. В результате студенты овладевают методикой обучения математике одаренных учащихся, а также детей с дисгармоничным развитием и трудностями в усвоении учебных программ.

Общее образование – это совокупность знаний, умений, навыков, способов творческой деятельности, ценностных ориентиров, необходимых каждому человеку независимо от его профессии. Образование, которое призвано сохранить достигнутый уровень цивилизованности общества, принято считать основным. Активное освоение содержания, выходящего за пределы общеобразовательного стандарта, называется дополнительным образованием. С точки зрения возможностей каждого учебного предмета можно говорить о дополнительном предметном образовании, основной целью которого является приобщение учащихся к интеллектуальному опыту мировой культуры, повышение уровня конкретно-предметной подготовки, предоставление возможностей для освоения компетенций в области определенной науки.

Будущий организатор дополнительного математического образования школьников должен иметь: 1) соответствующие математические знания и методическую подготовку, предусмотренные государственным стандартом для соответствующей специальности; 2) представления о значимости и актуальности дополнительного математического образования, его сущности и особенностях организации; знания о взаимосвязи основного и дополнительного образовательных компонентов, специфике различных типов образовательных учреждений; 3) умения и навыки разработки и реализации образовательных программ дополнительного математического образования, аргументированного отбора форм организации деятельности детей, обоснованного выбора технологического инструментария для реализации и управления образовательным процессом в соответствии с возрастными, интеллектуальными и другими личностными особенностями школьников.

Современные стандартные учебные планы не предусматривают ознакомления будущих учителей с этой стороной профессиональной деятельности. Один из возможных путей подготовки будущих учителей к организации дополнительного предметного образования реализован нами через спецкурс «Дополнительное математическое образование школьников».

Формирование профессиональных умений оценивания результатов обучения осуществляется на занятиях дисциплины «Современные средства оценивания результатов обучения». В сравнительно небольшом объеме бюджетного времени, отведенного стандартом и учебным планом на изучение указанной дисциплины, вложено богатое содержание, способствующее повышению качества профессиональной подготовки учителя к контрольно-оценочной деятельности: «Виды, формы и организация контроля качества обучения. Оценка, ее функции. Средства оценивания (тесты, рейтинг, мониторинг), накопительная оценка (портфолио). Единый государственный экзамен, его содержание и организационно-технологическое обеспечение. Контрольно-измерительные материалы».

Методическая составляющая линии дополнительной специальности представлена дисциплинами: «Основные линии школьного курса информатики и их реализация в действующих учебниках», «Методика преподавания информатики с практикумом решения задач».

На завершающем этапе вузовского образования будущим учителям математики и информатики предлагается изучение интердисциплинарного и обобщающего курса истории математики. Как одна из дисциплин, обеспечивающих профессионально-методическую подготовку студентов, «История математики» позволяет: раскрыть значение математики в развитии человеческой культуры с древнейших времен до настоящего времени; интегрировать все полученные знания по математике в некую хронологически выстроенную систему, формирование отдельных элементов которой происходило в разное время, в разных регионах мира и под влиянием различных факторов – как внутриматематических, так и внешних; помочь студентам овладеть системой знаний об основных этапах истории школьного математического образования и темпах его развития на каждом из них, образовательных системах и образовательных институтах, в рамках которых оно функционировало; поколениях учебников и учебных пособий, обеспечивающих изучение математики; проникновении и функциониро-

вании в школьном математическом образовании основных педагогических и методических идей; наконец, персоналиях, благодаря усилиям которых развивалось математическое образование; оказывать влияние на формирование у студентов математической и профессионально-методической культуры; развивать историческую память учителя.

В модели подготовки будущих учителей математики и информатики предусмотрена свобода выбора, связанная с введением блока факультативных дисциплин. Они призваны содержательно дополнять и развивать дисциплины федерального, национально-регионального (вузовского) компонентов государственного стандарта, а также дисциплин и курсов по выбору, устанавливаемых вузом. К ним относятся: «Основные линии школьного курса математики и их реализация в действующих учебниках», «Психолого-педагогические основы обучения математике», «Математическое развитие дошкольников и младших школьников», «Инновационные технологии в обучении математике», «Избранные вопросы методики обучения математике и информатике», «Специальный семинар дипломников».

Важной частью профессионального образования будущего учителя является педагогическая практика⁷. Ее основная цель – подготовка будущего специалиста к целостному выполнению функций учителя-предметника и классного руководителя, к проведению системы учебно-воспитательной работы с учащимися. Она проводится в рамках всего цикла психолого-педагогических дисциплин: «Учебная психологическая практика» (2-й курс), «Учебная воспитательная практика» (3-й курс), «Производственная педагогическая практика по основной специальности» (4-й курс), «Производственная педагогическая практика по дополнительной специальности» (5-й курс). Сроки проведения и продолжительность практики на разных курсах обусловлены необходимостью обеспечения связи между теоретическими знаниями и практическими умениями в реализации задач математического образования.

Курсовые и выпускная квалификационная работы выполняются студентами на 1–4

и 5-м курсах соответственно по разработанному кафедрой содержанию, структуре и технологии подготовки этих работ⁸. Задача преподавателя – определить тему работы, подготовить задание студенту, в котором определяется примерный план, список литературы для изучения, элементы экспериментальной работы, календарный план выполнения отдельных этапов работы, режим консультаций, срок сдачи и т.д. Цель учебной деятельности студента – систематизировать, углубить и расширить теоретические и практические знания по специальности и научиться применять их при решении конкретных профессиональных задач; изучить и проанализировать профессиональную литературу, выходящую за рамки программы, передовой педагогический опыт; развить умения и навыки самостоятельной работы, овладеть основами методики научного исследования, экспериментирования и проектирования процесса обучения математике в школе.

Механико-математический факультет принимает активное участие в организации и проведении научно-исследовательской работы студентов. На факультете ежегодно проводятся студенческие научные конференции. Практикуется совместное (преподавателей и студентов) написание статей. Лучшие методические работы публикуются в межвузовском сборнике научных трудов молодых ученых «Учитель–ученик: проблемы, поиски, находки». Сборник с 2003 г. выпускается кафедрой математики и методики ее преподавания, всего вышло семь его выпусков.

Еще одним направлением научно-исследовательской работы со студентами можно считать кафедральный семинар «Профессионально-методическая подготовка учителя математики и информатики в условиях университетского образования». Будущие учителя математики и информатики ежегодно принимают активное участие в работе Всероссийского семинара преподавателей математики университетов и педагогических вузов, других научных конференций международного, всероссийского, регионального, межвузовского и внутривузовского уровня, различных фестивалей, в том числе организуемых газетой «Первое сентября».

Рассмотрим характерные особенности отдельных структурных компонентов системы профессионально-методической подготовки будущих учителей математики и информатики и их функционирование в реальном образовательном процессе⁹. Одним из структурных компонентов системы профессионально-методической подготовки, наряду с другими ее звеньями – целями, содержанием, формами, методами, являются средства обучения. Последние представлены согласно классификации С.А. Смирнова. В качестве идеальных средств обучения рассматриваются учебно-методические компьютерные программы – искусственная среда для накопления профессионально-методических знаний, умений и навыков. Кроме того, используются материальные средства: учебники и учебные пособия; дидактические материалы; методические разработки; задачи и тестовый материал; средства наглядности; технические средства обучения, в том числе, и мультимедийные средства. Их применение оптимизирует образовательный процесс и является одним из факторов, способствующих передаче большого объема информации за сравнительно короткое время.

Следующим структурным компонентом системы профессионально-методической подготовки являются методы обучения. Мы выделяем шесть основных, наиболее оригинальных и содержательных, методов, обладающих развивающим потенциалом: метод информационной накачки; профессионально-ориентированных методико-предметных задач; теоретико-практического моделирования; компьютерного тренинга; исследовательский; обучающе-развивающего контроля. Выбор такого комплекса позволяет заведомо избежать универсализации отдельного метода обучения. В то же время каждый ведущий представляет собой «комплекс» родственных методов обучения, интеграция которых позволяет решать различные методические задачи. Тот или иной «комплекс» методов «обслуживает» определенные блоки содержания и реализуется в образовательном процессе при помощи соответствующего «комплекса» форм обучения.

Под системой организационных форм, обладающих развивающим потенциалом по

отношению к профессионально-методической компетентности, подразумевается организация системы занятий, взаимосвязанных во времени и пространстве, проводящихся под руководством преподавателя и самостоятельно, ориентированных на качественное усвоение образовательных стандартов.

Для каждой методической дисциплины строится непрерывный цикл занятий, включающий все необходимые организационные формы (лекция-погружение, практическое занятие по решению типовых методических задач, проблемная лекция, практическое занятие с использованием методов компьютерного тренинга и теоретико-практического моделирования, лекция «Приглашение к исследованию» и контрольно-корректировочное занятие), а также внеурочную самостоятельную работу, завершается последний цикл обобщающе-интегрированным занятием. Специфика этих занятий состоит в том, что все они проводятся по особым, отличающимся от традиционных, методикам. Каждая из предложенных форм имеет достаточное количество модификаций, выбор которых обуславливается спецификой изучаемой темы, уровнем развития профессионально-методической компетентности будущих учителей, целевым назначением занятия, возможностями преподавателя по его подготовке и проведению и другими условиями.

Для осуществления эффективной профессионально-методической подготовки мы считаем целесообразным наряду с перечисленными выше формами обучения использовать непрерывную многоуровневую самостоятельную работу. В качестве основных технологий мы рекомендуем использовать как традиционные (активного обучения, дидактической игры, проблемного обучения и т.п.), так и инновационные (обучения на базе компьютерных телекоммуникаций, виртуального обучения и т.п.).

Как показывает практика, подобная организация профессионально-методической подготовки способствует формированию профессионально-методической компетентности будущих учителей математики и информатики.

Примечания

¹ ГОС ВПО 692 пед/сп (новый). Государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования. Специальность 032100.00 Математика с дополнительной специальностью. Введ. 2005-01-31. М., 2005.

² См.: Кондаурова И.К. Система профессионально-методической подготовки будущих учителей математики и информатики в классическом университете / И.К. Кондаурова // Современные проблемы математического образования: вопросы теории и практики / Под ред. проф. И.Г. Липатниковой. Екатеринбург, 2010. С.134–149.

³ См.: Авторские программы дисциплин, объединяемых кафедрой математики, и методики ее преподавания / Под ред. Е.С. Петровой, И.К. Кондауровой. Саратов, 2001.

⁴ См.: Кондаурова И.К. Теория и методика обучения математике / И.К. Кондаурова, Е.С. Петрова. Саратов, 2003.

⁵ См.: Капитонова Т.А. Элементарная математика / Т.А. Капитонова, И.К. Кондаурова, С.В. Лебедева. Саратов, 2004;

Кондаурова И.К. Творческие задания по теории и методике обучения математике / И.К. Кондаурова, Е.С. Петрова. Саратов, 2003.

⁶ См.: Кондаурова И.К. Профессиональная подготовка учителя математики к обучению детей с особыми образовательными потребностями / И.К. Кондаурова, О.М. Кулибаба. Саратов, 2008.

⁷ См.: Капитонова Т.А. Педагогическая практика в системе профессиональной подготовки учителя математики / Т.А. Капитонова, И.К. Кондаурова, О.М. Кулибаба, С.В. Лебедева. Саратов, 2007.

⁸ См.: Капитонова Т.А., Кондаурова И.К., Лебедева С.В. Указ. соч.; Кондаурова И.К., Петрова Е.С. Творческие задания...

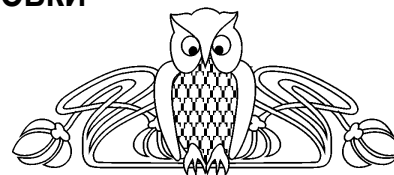
⁹ См.: Кондаурова И.К. Средства, формы, методы и технологии профессионально-методической подготовки будущих учителей математики в условиях классического университета / И.К. Кондаурова, О.М. Кулибаба // Профессиональное образование. Столица. Новые исследования в образовании. 2008. №8. С.19–21.

УДК 377.112.4

МОДЕЛЬ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ПРАВОВОЙ ПОДГОТОВКИ СТУДЕНТОВ АГРАРНОГО ВУЗА

О.В. Кулагина

Саратовский государственный аграрный университет им. Н.И. Вавилова
E-mail: olg3230879@yandex.ru

В статье предложен авторский подход к построению профессионально направленного преподавания курса «Правоведение», построенный на основе общепринятого в педагогической науке представления о модели как системе. В качестве основного элемента модели рассматривается дидактическое обеспечение. **Ключевые слова:** модель, профессионально-правовая подготовка, дидактическое обеспечение.

The Professional Legal Training Model for the Agrarian University Students

O.V. Culagina

The article is considered to offer the author's approach to Science of Law professionally oriented teaching course based on common pedagogical criteria of the model as a system. As the main model element didactic maintenance is taken into account.

Key words: professional legal training, model, didactic provision.

В теоретическом обосновании построения модели профессионально направленного преподавания курса «Правоведение» в неюридическом вузе мы исходили из общепринятого в педагогической науке представления о модели как системе, включающей в себя цели, содержание, способы и средства, а также результаты образовательного процесса

(О.С. Анисимов¹, В.И. Загвязинский², Н.В. Молоткова³, В.М. Монахов⁴ и др.). Модель как формализованная структура будет работать только при условии ее содержательного наполнения. Под структурой будем понимать описание связей между элементами (компонентами) проектируемой модели, обозначение ее «архитектуры», иерархии компонентов, движения от замысла до получения полезного педагогического результата в виде позитивных личностных изменений субъектов, включенных в реализацию проекта. В основу построения модели профессионально направленного преподавания курса «Правоведение» положены идеи опережающего, стратегического, ценностно ориентированного управления, единства стабилизации и развития образования через его обновление, приоритета гуманистических целей и принципы целенаправленности и прогностичности, системная диагностика.

С учетом специфики проектируемого образовательного процесса выделяем следующие основные элементы модели: методологические основы профессионально направленного преподавания; цели и задачи правовой подготовки; дидактическое обеспечение, диагностика и коррекция результата.

В качестве системообразующего фактора нами рассматривается деятельность специалиста в условиях современной правовой среды, определяющего направленность всех элементов модели на достижение конечного результата обучения, основным критерием которого является уровень сформированности правового сознания.

На первом, подготовительном этапе проектирования модели профессионально направленного преподавания курса «Правоведение» основное внимание уделяется заданию целей. Под итоговой целью правовой подготовки специалиста мы понимаем сформированность у выпускника учебного заведения определенного уровня правового сознания. Основаниями для такого целеобразования организации правовой подготовки специалиста в рамках профессионально направленного преподавания курса «Правоведение» является учет следующих факторов:

актуальность проблемы формирования правовой подготовки специалиста и её активная теоретическая разработка педагогической наукой;

острая потребность в специалистах с высоким уровнем правового сознания, обусловленная современными социально-экономическими условиями, трансформируемыми в социальный заказ к системе правового образования в неюридических вузах;

динамизм современной правовой жизни общества, который детерминирует необходимость усиления внимания к проблемам формирования правового сознания в условиях становления и развития правового государства и гражданского общества.

Реализация модели профессионально направленного преподавания курса «Правоведение» предполагает учет общедидактических и собственно методических принципов. При проектировании модели мы основываемся на общепринятых определениях дидактических

и методических принципов (В.П. Беспалько⁵, В.А. Сластенин⁶, В.В. Юдин⁷ и др.). Дидактические принципы формулируются на основе закономерностей обучения.

Методические принципы реализации модели рассматриваются на основе системного подхода в виде иерархии основных дидактических, общеметодических и частнометодических принципов. Сообразуясь с основными дидактическими принципами, выделяются общеметодические, определяющие подходы к организации и функционированию модели в целом. Соответственно им формируются частнометодические принципы, на основе которых организуется развитие и функционирование модели, и методические принципы, специфические для определенного аспекта правовой подготовки.

Дидактическое обеспечение является основным элементом модели. Оно состоит из двух блоков – содержательного и организационно-процессуального. Компоненты учебно-методического комплекса, составляющего ядро структуры содержательного блока, представляют собой *систему средств обучения, ориентированную на использование новых информационных технологий*. Эти средства совместно с учебно-методической литературой, программным обеспечением учебного курса и средствами научной организации труда педагога и обучающихся составляют учебно-методический комплекс (УМК). Вся совокупность компонентов УМК разбита на три модуля.

Первый модуль – учебные и методические пособия для преподавателя и обучающегося – включает в себя учебники, справочники, дидактические материалы; тематические методические пособия, конспекты лекций; научную, методическую и правовую литературу. Все это может находиться на современных (магнитных и лазерных дисках, видеопленках и т.д.) и на традиционных (печатные материалы) носителях информации.

Второй модуль – система средств обучения – составляют пособия для изучения теоретического материала, условно разбитые на традиционные и современные. К *традиционным* относятся: печатные пособия (таблицы, плакаты и раздаточный материал –

дидактические карточки, индивидуальные карточки с вопросами и задачами для контрольных и самостоятельных работ и пр.); учебные диафильмы, диапозитивы, кинофильмы и т.д.; материалы для графо- и эпипроекторов, звуковые записи учебного содержания. К *современным*: учебные видеофильмы, мультимедийные материалы; обучающие и контролируемые компьютерные программные средства.

Программное обеспечение курса ориентировано: на поддержку изучения теоретических вопросов, выработку практических умений решения специфических задач и т.п.; на обеспечение управления учебным процессом, автоматизацию контроля; на работу с информационно-поисковыми системами. Главное в настоящее время – это умелое сочетание традиционных и современных средств обучения.

Перспективным направлением в современном образовании является внедрение систем мультимедиа, которые обогащают учебный процесс: 1) существованием общедоступных библиотек аудиовизуальных иллюстративных учебных и методических материалов; 2) выбором в любой последовательности из баз данных необходимой аудиовизуальной информации; 3) перестановкой и комбинированием информации, включающей текстовую, графическую, мультипликационную и др.

Использование современных средств обучения предполагает принципиально новый уровень организации учебного процесса в учебной среде, обеспечивающей применение широкого спектра новых информационных технологий (ИТ) наряду с традиционными. С их помощью оказывается возможным введение в процесс обучения изображений объектов реальной действительности, демонстрацию большой аудитории различной информации. Процесс внедрения ИТ немыслим без средств телекоммуникаций.

Третий модуль – система средств научной организации труда преподавателя и обучающегося – включает в себя разнообразные средства современной техники, помогающие преподавателю выполнять «рутинную» работу (выполнение печатных работ, размножение раздаточного учебного материала, хранение и оперативный поиск учебно-справочного материала и т.п.). В настоящее время повсеместно происходит создание телекоммуникационной сети средств новых ИТ, которая позволяет перейти на качественно новый уровень обмена информацией между участниками образовательного процесса. Целью создания такой сети является: обеспечение возможности информационного обмена преподавателей и обучающихся как в нашей стране, так и за рубежом по различным вопросам обучения и преподавания правовых дисциплин; удовлетворение практических потребностей в доступном банке программных средств; участие в конференциях, обмен новыми формами и методами обучения.

Примечания

¹ Анисимов О.С. Методологическая культура педагогической деятельности и мышления / О.С. Анисимов. М., 1991.

² Загвязинский В.И. Моделирование в структуре социально-педагогического проектирования / В.И. Загвязинский // Моделирование социально-педагогических систем: Материалы региональной науч.-практ. конф. Пермь, 2004. С.6–10.

³ Молоткова Н.В. Модель методической системы правовой подготовки специалиста в условиях системы среднего профессионального образования / Н.В. Молоткова, И.С. Разуваева. URL: http://www.education.rekom.ru/6_2006/74.html

⁴ Монахов В.М. Педагогическое проектирование – современный инструментальный дидактических исследований / В.М. Монахов // Школьные технологии. 2001. №5. С.75–100.

⁵ Беспалько В.П. Основы теории педагогических систем / В.П. Беспалько. Воронеж, 1973.

⁶ Сластенин В.А. Педагогика / В.А. Сластенин [и др.]. М., 2000.

⁷ Юдин Э.Г. Системный подход и принцип деятельности / Э.Г. Юдин. М., 1978.

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

РИСК И ОБЩЕСТВО РИСКА

Обзор материалов круглого стола, прошедшего 27 августа 2009 г.
в рамках работы V Российского философского конгресса

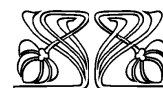
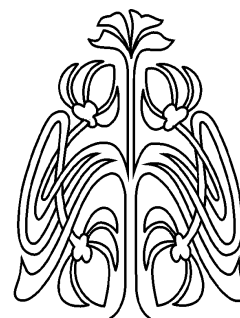
В рамках работы V Российского философского конгресса прошел круглый стол «Риск и общество риска», его соорганизаторами выступили доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социальной философии и философии истории Санкт-Петербургского государственного университета *К.С. Пугров* (Санкт-Петербург) и доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой теоретической и социальной философии Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского *В.Б. Устьянцев* (Саратов).

Открыл работу круглого стола проф. В.Б. Устьянцев. В своем вступительном слове он обозначил проблемное поле исследования рисков в современной социальной философии и пожелал участникам плодотворной работы. Выступления участников очертили широкий круг проблем, связанных с парадигмой «общества риска».

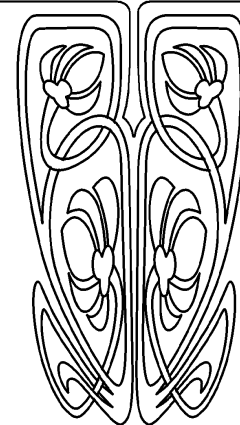
Доцент *И.А. Афанасьев* (Саратов) в своем выступлении обозначил исследовательское поле философской рискологии, что позволило прояснить цели и задачи социально-философских исследований о риске и по-новому подойти к проблеме его рационализации. Такими основными задачами, по мнению докладчика, являются: методологическое обеспечение междисциплинарного подхода к риску; анализ содержания понятия риска; изучение отражений и проявлений риска в феноменах общественного сознания.

Профессор *В.А. Конев* (Самара) акцентировал внимание участников на проблеме субъекта риска, выводящей теорию социальных рисков на уровень социальной онтологии.

Доцент *Д.И. Заров* (Саратов) сообщил, что дифференциация западного культурно-цивилизационного материала на западно-европейскую и североамериканскую цивилизационные системы, возникновение новых цивилизаций и перестройка цивилизационных пространств различных обществ обострили проблему риска потери цивилизационной идентичности, потери ценностных ориентаций. Идентификация личностью цивилизационного пространства как «своего» позволяет ей принять базовые культурно-цивилизационные ценности в качестве «исходного пункта» деятельности. Для того чтобы продуктивно работать и созидать, человек должен быть уверен, что у него есть «Дом», из которого можно выйти, в который можно вернуться. Разрушение сложившегося инварианта вызывает хаос и маргинализацию души, заставляет жить в состоянии духовной псевдоморфозы. В эпоху современной глобализации наибольшим риском для тех или иных обществ является не прямая аннексия территории, а духовная

ПРИЛОЖЕНИЯ

экспансия с последующим включением общества не в государственное образование, а цивилизационное, в качестве арены конфликтов с конкурирующей цивилизационной системой. При этом основным цивилизационным риском становится опасность превращения в бессубъектную цивилизационную окраину чужого общества, в которой вполне оправдано отсутствие «цивилизационных» законов и отношений.

Доцент *С.А. Березин* (Новосибирск) перешел к рассмотрению дефиниции общества риска, предложил общее определение риска, основанное на терминах «потребность» и «знание», показав и проанализировав его связь с многочисленными дефинициями риска, принадлежащими разным авторам. Особое внимание С.А. Березин уделил специфической трактовке временного аспекта риска, его субъектно-объектных характеристик, а также системному подходу к управлению риском, в том числе в экономике и социологии, как комбинации аспектов «рискового поведения» и «поведения в условиях неопределенности и риска».

Доцент *С.В. Тихонова* (Саратов) отметила, что управление рисками является сегодня сознательным целенаправленным процессом. Но это верно лишь в отношении тех людей, которые вовлечены в рисковую деятельность. Экспертные системы управления специализированными рисками совершенно не прозрачны для рядового члена общества. Тем не менее иерархия наиболее значимых рисков и алгоритмы поведения в рискованных ситуациях всегда отражаются в массовом сознании. Одним из вариантов такого отражения выступает социальная мифология, понимаемая как совокупность характерных для определенного общества мифов. Мифологизация закрепляет в сознании реципиентов представление о том, что данный объект или процесс является ценностью, которая должна быть «защищена» от возможных рисков, либо о том, что сами по себе риски являются ценностью и их существование должно поддерживаться обществом (свобода выбора). Такое «включение» может иметь как поверхностный характер (в результате простого информирования), так и глубинный (социоон-

тологический), предполагающий внедрение информации о риске в различные пласты мировоззрения.

Профессор *К.С. Пигров* обратился к проблеме соотношения рисков и технизации новоевропейской цивилизации. Новоевропейская техника есть совокупность средств в системе «цели – средства – результат». Поскольку средства материальны и интенсивно бесконечны, результат их применения всегда отличается от проекта. Поэтому техника всегда чревата непредсказуемым, неожиданным, непоправимым, спонтанным. Она всегда несет в себе риск. Проект новоевропейской цивилизации есть техногенный проект. Сегодня мы вынуждены констатировать, что он не удался. Техногенез оказался ловушкой – из техносферы нельзя вернуться в традиционное общество. Мы не можем отказаться от техники и с ее помощью стремимся преодолеть техногенные проблемы. Техногенный риск все возрастает. Захваченность человечества техническим прогрессом представляет собой опаснейшую современную мифологию. Этот факт необходимо понять, такого рода философская рефлексия могла бы быть первым шагом на пути выхода из пока безраздельно господствующего технического мифа, – на пути преодоления стихии техногенеза с помощью ноогенеза.

Доцент *Н.К. Иконникова* (Москва) дополнила выступление К.С. Пигрова анализом ситуации наблюдения риска, разграничив понятия наблюдателей первого, второго и третьего порядков. Она отметила, что наблюдение и калькуляция риска имманентны технопроекту современности.

Профессор *Л.А. Стризов* (Волгоград) указал на необходимость различать антропологический и социально-философский аспекты изучения риска. Под последним понимается анализ социальной ситуации риска, когда оценка субъектом неопределенности фиксирует и степень грозящей опасности, и вероятность ее избегания, ориентируя субъекта на последнее. Рискогенная социальная реальность характеризуется сложностью, многообразием социальных форм, плюрализмом строения и функционирования, порождающими неопределенность, многовари-

антность, асинхронность, свободу и автономию субъектов. Социальные риски локального характера появляются вместе со становлением макросоциальной целостности, на исторической фазе перехода от варварства к цивилизации. Генезис социальных рисков нельзя связывать лишь с определенной фазой развития техники, с переходом человечества к индустриальной, техногенной цивилизации, а концепт «общества риска» фиксирует качественное изменение природы и масштабов социальных рисков, приобретающих, преимущественно, антропогенный и глобальный характер, угрожающий не просто тому или иному социальному порядку, но и основам социальности как таковой. Среди современных глобальных опасностей для общества наиболее значимыми являются цивилизационные и социокультурные риски, среди которых следует выделить метаисторические, стадийные и ситуационные. Кроме того, необходимо различать объективные, субъективные и институциональные риски.

Доцент *Е.Н. Медведева* (Саратов) сообщила, что вопреки господствующему мнению религия не вовлечена в общество риска. Она обозначила существование религиозных групп и движений, которые активно пытаются сконструировать некие «островки безопасности» и необходимость рассмотрения вопроса о факторах, позволяющих различным фундаменталистским религиозным группам расти и утверждаться. Кроме того, была обозначена проблема возникновения феномена «новой духовности», под которой понимается, например, теологический ответ на экологический кризис. Среди институализированных религий наиболее активен в поиске ответов на вызовы общества риска католицизм, демонстрирующий возможность онтологической безопасности в ситуации многообразных рисков.

Рассмотрение религиозных аспектов общества риска вызвало среди участников бурную дискуссию, связанную с определением соотношения понятий «риск» и «грех». К.С. Пигров подытожил ее следующим образом: «риск – это грех, грех – это риск».

А.А. Гриценко (Новосибирск) предложил к обсуждению тему соотношения риска и опасности, рассмотрев ее в двух аспектах – социальной философии и онтологии. По его мнению, единство феноменов риска и опасности является основанием для построения интегральной теории, объединяющей теории риска и безопасности. Кроме того, открываются перспективы разработки единой концепции, включающей в себя в качестве составных элементов обеспечение безопасности и управление рисками.

Профессор *С.Б. Токарева* (Волгоград) рассмотрела риск как неотъемлемую составляющую жизни социальной системы; подвергла анализу различные методологические основания концепции «общества риска»; показала, что попытки осмыслить рискогенные ситуации в контексте конструктивизма неизбежно приведут к психологизации этого феномена, когда риск будет сводиться к тем типическим коллективным представлениям и переживаниям, которые чаще всего не имеют под собой объективных оснований, но являются результатом манипулирования общественным сознанием, навязывания ему сотворенных идеологами «конструктов». Задача социально-философского анализа феномена риска состоит в выявлении подлинных источников социальных угроз и факторов, усиливающих социальные риски за счет ослабления социальных гарантий. В заключение докладчиком был сделан вывод об амбивалентности «общества риска», которое, с одной стороны, характеризуется новыми угрозами, а с другой – новыми личностными возможностями, связанными с освоением новых культурных пространств и социальных практик.

Выступление профессора *В.В. Афанасьевой* (Саратов) было посвящено онтологии риска. Антропологическое, социально-философское, междисциплинарное и конкретно-научные исследования рисков при всей своей важности не могут заменить онтологического. Появление, существование, исчезновение рисков, их проявление, бытие в мире, связь с ситуацией и субъектом риска, наконец, сущность риска – вот предмет онтологического анализа риска. И начать следует с первого

шага любого онтологического исследования – с прояснения соответствующего понятия, с закрепления проясненной дефиниции за феноменом риска. Вместе с тем не стоит забывать о том, что многие науки, в частности, математические и физические, дают возможность изучить существенные свойства рисков, составить представления о рисках в том или ином смысле. Настоящая онтология должна опираться на знания о мире, которые предоставляют естественные науки, и в этом смысле онтология риска может почерпнуть важнейшие знания именно из них.

Профессор *А.М. Буровский* (Санкт-Петербург) охарактеризовал общество риска как общество неустойчивого равновесия. Долгая жизнь современного человека есть жизнь напряженная, в которой нет места радости, осенявшей короткую жизнь дикарей. Риск нарастает с цефализацией в эволюции.

Профессор *В.П. Тыщенко* (Новосибирск) обозначил взаимосвязь рискогенности и киборгизации, особый акцент сделав на моральных аспектах распространения виртуального пространства. По его мнению, большинство людей становятся компьютерно зависимы, в сущности, становятся киборгами, или на пути к ним. В подобных социальных изменениях содержатся значительные, требующие серьезного исследования риски.

Профессор *И.С. Бакланов* (Ставрополь) в своем выступлении отметил, что развитие постсовременного общества является стремительным и непредсказуемым, превращая социальную практику в поле всё возрастающего риска. Именно наличие рискогенности общественного развития, наряду с фрагментацией и децентрацией социальной практики, является фактором разделения современности и постсовременности. Налицо экспансия социальных рисков в экзистенциальный профиль бытия. Человек отягощен будущим: ввиду рискогенности индивидуального существования экзистенцию в условиях постсовременности прежде всего следует рассматривать как хайдеггеровскую заботу о мире, как бытие-вперед-себя, когда бытие присутствия не только фундирует настоящее, но и устремлено в грядущее. Проблема рискогенности существования человека актуализирует

будущее в качестве настоящего, но это настоящее еще расплывчато и туманно.

Докторант *О.А. Микеева* (Ставрополь) подчеркнула, что множасьщиеся неконтролируемые риски порождаются полифундаментальностью социокультурной жизни современного общества, в котором динамика изменений является полихронной и интенционально разновекторной. В постиндустриальном обществе нет строгой иерархии власти, несущей ответственность за принятие решений в ситуации риска. Линеарность мышления и вертикальная иерархия власти сменяются «ризомной» властной системой, а значит, обязанность реакции на риск должна сместиться от государственной доминанты к инициативе гражданского общества. Управлять децентрированным обществом можно только изнутри, с помощью создания коммуникационного поля между институционализированными субъектами, общающимися на уровне создания различных концепций и оценок возникающего риска.

Культурологический аспект рассматриваемой тематики был освещен в выступлении профессора *Е.В. Листвиной* (Саратов). Культурологическое осмысление рисков, подчеркнула она, может оказаться полезным в разрешении рискогенных ситуаций. Так, исследование ментальных оснований и архетипических образцов человеческого поведения помогает построить оптимальные модели выхода из рискогенных ситуаций. Ею был выделен особый круг вопросов, который при решении рискогенных ситуаций должен опираться на национальные, этнические модели культуры. Так, даже определение кризисных моментов в разных культурах имеет различное смысловое наполнение. Сформированные в этих моделях подходы к оценке ситуаций как рискогенных, кризисных или, наоборот, оптимальных (с позиций конкретных культур, их исторического, ментального, бытийного опыта) могут расширить разрабатываемые современной рискологией сценарии оптимизации рискогенных ситуаций. Она наметила и оригинальный подход к исследованию рискогенных ситуаций, в котором помимо активных участников, «рискующих», следует принимать в рассмотрение и пассив-

ных участников, «рискуемых», т.е. тех, кто оказался в ситуациях риска помимо своей воли, лишен выбора, возможности принимать решения. Поскольку «рискуемых» зачастую оказывается много больше «рискующих», то проблема исследования моделей их поведения и возможных защит оказывается чрезвычайно актуальной.

Профессор *В.Б. Устьянцев* обратился к проблеме горизонтов амбивалентного человека в обществе риска. В качестве доминирующих им были обозначены горизонт социальной телесности, нарушение ресурсности которой инициирует появление противоположных полей телесности (девиантные и адаптационные); горизонт институциональных рисков, сопряженный с деформацией институционального строя, с антагонизмом свободы и порядка; горизонт символических рис-

ков, возрастание символического характера современной власти и насилия. Указанные горизонты фиксируют амбивалентные начала в основаниях человеческого бытия.

Все выступления вызвали значительный интерес участников, обсуждение сообщений вылилось в плодотворную дискуссию. В своем заключительном слове профессор *В.Б. Устьянцев* подвел итоги дискуссии, подчеркнул, что проведенное обсуждение оказалось чрезвычайно полезным и способствовало решению поставленных задач. Он подчеркнул также экзистенциальный характер проблем исследования риска, а выступивший следом за ним профессор *К.С. Пигров* предложил выделить два направления в современном исследовании рисков – рискологию и рискософию.

С.В. Тихонова, В.В. Афанасьева

PERSONALIA

ВАСИЛИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ФРИАУФ: к 60-летию со дня рождения

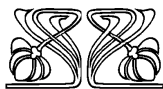
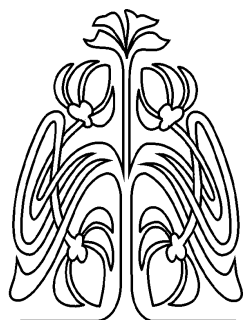

Василий Александрович Фриауф родился 25 февраля 1950 г. в городе Таштагол Кемеровской области. После службы в армии (1969–1971) поступил на философский факультет Уральского госуниверситета (1972). После его окончания в 1979 г. работал на кафедре философии Сибирского металлургического института в г. Новокузнецке Кемеровской области. В 1985 г. в Уральском государственном

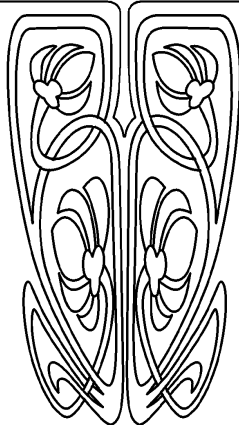
университете защитил кандидатскую диссертацию на тему «Принцип монизма в марксовом методе восхождения от абстрактного к конкретному». В 1989 г. переезжает в Саратов и работает на кафедре философии Саратовского технического университета.

В октябре 1992 г. В.А. Фриауф защитил докторскую диссертацию на тему «Знание и реальность: типы онтологий и типы дискурса» на философском факультете Санкт-Петербургского университета. В этом же году становится президентом философского общества имени С.Л. Франка, организует регулярные встречи философов, поэтов, общественных деятелей и религиозных лидеров города Саратова. С 1994 г. – доктор философских наук, с 1996 г. имеет ученое звание профессора. В январе 2005 г. В.А. Фриауф переходит на работу в Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского – профессором кафедры философии культуры и культурологии, а с июня 2005 г. и по сегодняшний день является профессором кафедры религиоведения и философской антропологии.

Область научных интересов Василия Александровича широка и в то же время концептуально целостна. В разные годы своей жизни и разные периоды творчества Василий Александрович обращается к разработке тем по философии имени, философии языка и сознания, уделяет пристальное внимание условиям и возможности постижения метафизических и духовных традиций, критически переосмысливает и творчески интерпретирует вопросы современной западной и русской философии. Особое значение в интеллектуальной биографии В.А. Фриауфа принадлежит философии М. Хайдеггера, который для него отнюдь не «общее место». В.А. Фриауф – автор монографий «Как возможна содержательная логика», «Язык. Сознание. Человеческая реальность... Абсолютно Другое». Читает лекции по курсам: «Культурология», «Философская антропология» и таким оригинальным спецкурсам, как «Русская философия Имени», «Язык. Культ. Культура», «Тра-

ПРИЛОЖЕНИЯ

диция правящего Логоса», ведет актуальный спецсеминар «Постмодерн: текст культуры и культура текстов», пользующийся у студентов особенной популярностью.

Василий Александрович Фриауф не человек словарной статьи, он живой, ищущий, одаренный человек, философ, педагог и руководитель, ускользающий, подобно Dasein, от шаблонов любых дефиниций. Для людей и чисел нет устойчивых определений. Имя, как и число, одинаково загадочны, по крайней мере, всегда неоднозначны. Имя Василий философом и богословом П. А. Флоренским истолковывается на почтенных пяти страницах и при этом все равно остается для читателя загадкой: «Василий – царственный, но не в смысле банального величия, а в смысле субъективной утонченности... Его интеллект быстро схватывает отношение вещей, людей, событий и никогда не теряется во многосложности жизненных отношений... Все существующее взвешивается им и находит себе место, хотя и не в отвлеченной системе... Истинным предметом его внимания служит преимущественно задача культуры, а не метафизики и не естествознания сами по себе. Не отвлеченное и пассивно хранимое знание влечет, а такое, которое он может пустить в

оборот культуры и организовать на его почве людей... Очень сознательный на своих вершинах, он с большой постепенностью переходит в интуицию, угадку, инстинкт и поэтому способен действовать гибко... Василию нужно не самоудовлетворение прямой линии, не школьное самодовольство чистотой работы, а достижение цели в мере ее целесообразности». Каждый, кто знает Василия Александровича, согласится, что эти характеристики Флоренского удивительно точны, но все же оставляют ощущение перспективы. Так и должно быть: «Открытый финал – один из устойчивых и радостных признаков бытия» – это слова, сказанные однажды В.А. Фриауфом.

Василий Александрович умеет удивлять: своими философскими текстами, которые никогда не повторяются и впечатляют магией языка и интеллектуальностью; неформальным подходом к знанию и передаче духовного опыта, за что любим студентами; уважением к творческой и интеллектуальной свободе других, за что уважаем коллегами.

Ученики, коллеги и друзья поздравляют Василия Александровича Фриауфа с юбилеем и желают здоровья, творческих успехов и процветания!